

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирской государственной академии культуры и
искусств

Научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам

№ 1 (8)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВПО ВСГАКИ
2015

Учредитель: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44248 от 15 марта 2011 г.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор); *Е.Ю. Перова*, канд. эконом. наук (зам. гл. редактора); *Д.Л. Хилханов*, д-р социол. наук, проф. (зам. гл. редактора); *Г.И. Балханов*, д-р филос. наук, проф.; *И.Б. Батуева*, д-р ист. наук, проф.; *Т.Н. Бояк*, д-р социол. наук, проф.; *Н.Б. Дашиева*, д-р ист. наук, проф.; *С.А. Езова*, канд. пед. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культурологии, проф.; *В.Ц. Найдакова*, д-р искусствоведения, проф.; *М.П. Осокина*, директор науч. биб-ки; *З.А. Серебрякова*, д-р филол. наук, доцент; *С.Г. Степанова*, канд. пед. наук, доцент; *С.П. Татарова*, д-р социол. наук, проф.; *Э.В. Хилханова*, д-р филол. наук, проф.; *Н.Д. Хосомоев*, канд. филол. наук, проф.; *А.В. Чебунин*, д-р филос. наук, доцент

В Е С Т Н И К Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (8)

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

Телефон: (3012) 23-33-59; E-mail: vsgaki_info@mail.ru

Выход в свет 26.05.2015. 60x84 1/8. Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 10,42. Тираж 500.
Заказ №2015. Цена свободная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВПО ВСГАКИ
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
Пшеничникова Р.И.	
ВСГАКИ – 55: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	5
Доржиев Б.Ш.	
БАТО БАДМАЕВИЧ БАТУЕВ (1925-2004 ГГ.) ЧЕЛОВЕК, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, ВОИН.....	9
Курас Л.В.	
СИБИРЬ В ОКТЯБРЕ – ОКТЯБРЬ В СИБИРИ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ОКРАИНАХ РОССИИ В 1917-1918 ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА Б.Б. БАТУЕВА.....	17
Кузьмин Ю.В.	
ТВОРЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОНГОЛЬСКОГО АКАДЕМИКА Б.РИНЧЕНА.....	24
Езова С.А.	
МАЛЕНЬКИЕ ЗАРИСОВКИ О БОЛЬШОЙ ЛИЧНОСТИ	29
Зайцева Л.А.	
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БГСХА ИМ. В.Р. ФИЛИПШОВА	31
Антонов В.И.	
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ	36
Хилханов Д.Л.	
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	39
Зориктуев Б.Р.	
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОНИМОВ.....	44
Зомонов М.Д.	
ОСНОВЫ ВЕРОВАНИЯ БУРЯТСКОГО ШАМАНИЗМА: ПРИНЦИПЫ И ИДЕАЛЫ.....	49
Жамбалова С.Г.	
НОВАЯ НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА БУРЯТ-БУДДИСТОВ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ	53
Чебунин А.В.	
РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	58
Ломакина И.Б.	
ОСОБЕННОСТИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ	62
Боронова М.М.	
СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ: ПРОБЛЕМЫ 1960-1980-Х ГОДОВ.....	66

Кондратьева В. В. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	69
Амгаланова М.В. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В БУРЯТИИ В 1920-Е ГОДЫ	73
Сангадиева Э.Г. ПРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Ц.-Ж. ЖИМБИЕВА «ГОД ОГНЕННОЙ ЗМЕИ»	76
Одорова Т.Л. ИЗ ИСТОРИИ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ В БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	80
ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ.....	83
Степанова С.Г. ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	83
Авлова Т.Б. ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ	86
Нимаева И.Б. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ	91
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	95
Бабакова Е.В. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ: ЭКОНОМИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	95
Балханов В.Ю. БУРЯТИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КРИМИНОГЕННАЯ ОБСТАНОВКА	99
Терентьев В.И. НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИИ.....	103
Фартусов Д.Б. РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА РФ «О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ» НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	107
Цыдендоржиева Э.Д. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОЛОДЕЖИ БУРЯТИИ В СЕРЕДИНЕ 1980-Х-2000-Х ГГ.....	110
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	115

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 378:316.6:008

Пшеничникова Р.И.

ВСГАКИ – 55: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ¹ ESSACA - 55: A LOOK INTO THE FUTURE

В статье с философско-культурологических позиций анализируется современное общество и отмечается необходимость его развития по формуле: прошлое ↔ настоящее ↔ будущее. В образовательных учреждениях, отмечает автор, важно создавать условия, направленные на изменение у молодых отношения к Будущему и Прошлому, как методологической основы более качественного и глубокого осознания Настоящего. Чтобы оценить эффективность вуза чрезвычайно важно понять, насколько существенно и глубоко он взаимодействует со стратегическими и цивилизационными векторами развития территории, на которой он развивается. Исследование перемен во ВСГАКИ позволяет автору определить некоторые факторы, влияющие на трансформацию академии в будущем и наметить главные векторы развития вуза.

The article from philosophical and cultural positions analyzed modern society and the necessity of its future. In ↔ present ↔ development according to the formula : past educational institutions, the author notes, it is important to create conditions aimed at changing young relation to the Future and the Past, as a methodological basis for better and more profound awareness of the Present. To evaluate the effectiveness of the University's extremely important to understand how much and deeply he interacts with strategic and civilizational vectors of development of the territory in which it develops. A study of change in Ulan-Ude allows the author to identify some of the factors influencing the transformation of the Academy in the future and identify the main direction of development of the Academy.

Ключевые слова: футурошок, общество, Древо культуры, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Сибирская Евразия, биоцентризм, образование (сфера), качественное образование, мистерии.

Keywords: future shock, the society, the Tree of culture, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Siberian Eurasia, biocentrism, education (scope), quality education, mystery.

Проблема будущего связывается современными учеными со все ускоряющимися переменами в жизни общества и человека, которые формируют огромное число вопросов, конфликтов, неуверенности и разочарований.

Известный американский футуролог, лауреат Нобелевской премии Алвин Тоффлер утверждает в своей всемирно известной книге «Футурошок», что без «соглашения с будущим» невозможно справиться с огромными скоростями перемен в обществе и разработать мировую теорию адаптации человечества. Автор также отмечает необходимость исследовать суть перемен и учитывать их скорость. В книге А. Тоффлера представлена не только новая теория адаптации, но и новая система изучения прошлого. Автор подчеркивает важность создания инновационных технологий работы с прошлым в «качестве некоего интеллектуального орудия» с целью осознания настоящего и будущего. Важно понять, что несоответствие между скоростью перемен и скоростью человеческой реакции, скоростью развития психики неуклонно растет и влечет за собой шок будущего. Поскольку футурошок, как считает А. Тоффлер – это временной феномен, возникающий из наложения новой культуры на старую, что это

¹Вариант статьи в журн.: Наша власть: дела и лица. 2015. № 03-04 (137). С. 10-11.

культурный и информационный шок, постольку становится очевидной потребностью в их исследовании в названном аспекте.

Жизнь показывает, что отсутствие внимания к будущему не позволяет обществу реализовать один из главных законов – «Закон гармонии». Можно сказать, что в настоящее время интеллект человечества сконцентрирован в основном на формуле «прошлое – настоящее», в результате чего мы живем в дисгармоничном мире войн, политических, культурных и информационных разногласий, экономической нестабильности, экологической разрухи и т.д. И вся эта «нестабильность» действует и влияет на системы образования и качество подготовки кадров. Очевидность перехода к развитию общества по другой формуле: прошлое ↔ настоящее ↔ будущее является жизненно необходимой.

Напрашивается вывод о важности создания условий в образовательных учреждениях, направленных на изменение у молодых отношения к Будущему и Прошлому, как методологической основы более качественного и глубокого осознания Настоящего. Поскольку в чаше жизни смешиваются души и миры, прошлое, настоящее и будущее, то особую значимость для изучения обозначенной проблемы приобретает универсальная модель, существующая уже не одно тысячелетие – «Древо культуры». Уникальность данной модели заключается в том, что она позволяет «свернуть» огромное количество информации о прошлом, настоящем и будущем культуры до минимального числа проблем. Именно такой подход позволяет сформировать целостную картину и определить пути взаимодействия между всеми ее элементами. Проведенный нами поиск и анализ факторов, влияющих на скорость перемен в культуре и образовании, позволяет сделать некоторые выводы и предположения. Основываясь на модели «Древо культуры» можно определить, что векторы развития культуры и образования «Будущего» находятся в плоскости «ожидающей культуры», связанной с духовной трансформацией человека и развитием его сознания.

Настоящее, как показывает анализ, связано с развитием диалоговой культуры, цель которой – поиск компромиссов между противостоящими ценностями. Следует подчеркнуть, что многие ученые отмечают практическое отсутствие знаний о ценностных структурах и связи их с информацией. Тем не менее, уже существует отдельный опыт в этом плане. В «Институте изучения науки и человеческой деятельности» в Колумбии появилась новая профессия – «предсказатель ценностных последствий». Прошлая культура – это закодированные знания древних, духовные знания, духовные ценности, творческие достижения, традиции, духовный опыт. Налицо теснейшее взаимодействие и взаимовлияние культур будущего, настоящего и прошлого. Отсюда вытекает главная задача образования – находить, исследовать, выявлять и осознавать все взаимосвязи и зависимости, способствующие духовной трансформации человечества.

Исследование перемен во ВСГАКИ позволяет определить некоторые факторы, влияющие на трансформацию академии в будущем, и наметить главные векторы развития.

Следует отметить, что сами процессы, происходящие сегодня рядом на Земле, подталкивают нас к необходимости рассматривать образование совершенно в ином, нетрадиционном ракурсе. Чтобы оценить эффективность вуза чрезвычайно важно понять, насколько существенно и глубоко он взаимодействовал и взаимодействует со стратегическими и цивилизационными векторами развития территории, на которой жил и развивался эти 55 лет. Важно осознать механизм причинно-следственных связей, доминирующих факторов созидания Земли Сибирской и ее народа с историей ВСГАКИ и ее уникальностью.

Общеизвестно, что случайного в мире ничего не бывает. Потому не случайно появление **первого** вуза культуры именно в самом сердце Сибирской Евразии.

Исторические исследования свидетельствуют, что именно в этой точке, именно на данной территории постоянно пересекались многочисленные и совершенно различные этносы, объединенные одним стремлением: прикоснуться к Чуду и Тайнам Великого Байкала, Ока Земли, Далай-моря.

Если говорить поэтическим языком – Байкал осознавался в древние времена, да и сейчас, как Волшебная чаша вдохновения, Творчества, Знания, Тайны, Силы и Богатства. Поэтому в древности через территорию современной Бурятии прокатывались бесконечные потоки с Востока на Запад и обратно разных людей, разных культур, разных верований. Итогом постоянного движения становится выработка у жителей, находящихся в точке пересечения, особых свойств и качеств: гибкости ума, смелости воображения, терпимости, неподдельного интереса к другим культурам, любознательности, патриотизма – то, что сегодня в психологии называется «расширение географии сознания» и «развитие инфраструктуры воображения».

Складывается совершенно уникальный психотип человека – «сибирский характер». Заслуживают в этом плане особого внимания исторические факты могущественного государства Хунну – завоевывая территории и племена, они ставили задачу не уничтожить побежденных, а наоборот, подружиться с ними, изучить их образ жизни, их знания и культуру. Великое открытие этого народа – в сформированном им уникальном образе своеобразной триады: Вселенной, Природы и Человека, осознание их единства, полученное в результате огромной работы Души, Сердца и Интеллекта – Величайший Дар человечеству.

Огромную роль в формировании новых цивилизационных процессов сыграло уникальное многонациональное Сибирское казачье войско, сформировавшееся уже в конце 16 – начале 17 веков.

Не меньшее воздействие на историческую, Духовную интеллектуальную составляющую в развитии сибирской общности оказали ссыльные – лучшие люди России: декабристы, поэты, философы, церковные деятели, люди культуры и искусства. Величие Духа, Великое служение и любовь к России – вот что воздействовало на общественное сознание, на Дух и Души людей в течение всей истории Сибири. Не случайно в современном мире огромный интерес вызывают научные исследования сибиряков, продолжающих генеральные линии духовности, добра, любви, культуры, сформированных в прошлые столетия.

Так, авторы Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. (живут и трудятся на Алтае) в своих замечательных очерках «На путях к новой цивилизации» подчеркивают, что «именно в Сибири произошло органическое прорастание ключевых евразийских этносов (русских, тюрков, монголов, угрофиннов, палеоазиатских народов Севера) и подлинный синтез их жизненных укладов». Данные исследования позволяют сформировать одну из величайших стратегий развития современного образования, а именно, духовно-экологическую.

Можно сказать, что одной из главных скреп Сибирской Евразии становится сибирская историко-духовная основа, нигде больше не встречающаяся, не повторяющаяся и располагающая уникальной системой ценностей. Именно эта система является важнейшим фактором трансформации ВСГАКИ в будущее

Так, ежегодно проводимые вузом школы для одаренных студентов и «Байкальский пленэр» очень четко демонстрируют огромную разницу в отношении к Природе, в качестве общения с ней у студентов академии и учащихся учебных заведений других территорий России.

Другой вектор развития связан с научными данными ряда исследований о специфической для конкретной территории информационно-энергетической составляющей и космическими энергетическими потоками, доминирующими на этом участке Земли, как энергии развития творчества и интеллекта.

Следует подчеркнуть, что ученые, занимающиеся проблемами биоцентризма, выявили сложную функциональную зависимость между энергией и информацией. Так, известный исследователь А.Е. Хачатуров, изучая феномен Итигэлова, пришел к интересным выводам. Автор подчеркивает, что применение «второго начала термодинамики» к обозначенному феномену «подтверждает установленную семантическую эквивалентность». «В силу вышесказанного, когда мы говорим об энергии, мы подразумеваем информацию, а когда мы говорим об информации, мы подразумеваем энергию», - подчеркивает А.Е. Хачатуров. Таким образом,

выявленные научные данные, также выступают в качестве важнейшего фактора трансформации образования будущего, а значит и самого вуза.

Выдающийся ученый нашего века В.П. Казначеев постоянно в своих работах подчеркивает проблему необходимости «открытия взаимодействия с внепланетным разумом, с космическим интеллектом, который присутствует и на нашей планете (в нашей среде), но наши научные и социально-духовные взгляды не дают возможности выявить космопланетарные информационные взаимодействия». Автор неоднократно обращает внимание на характеристики «времени» и «пространства» разных территорий Земли.

В продолжение сказанного следует привести в качестве примера еще две уникальные работы: А. Тихонова и А. Федотова «Пространство и время за покровом тайны» и С. Кашницкого, Ю. Серебренниковой «Артефакты: глобальная кунсткамера». В них авторы подчеркивают необходимость раскодирования и учета древних культур как основы осмысления цивилизационных процессов. Без включения этих знаний в образование невозможно говорить об его изменении и повышении качества. В свое время великий русский философ П.Д. Успенский вслед за И. Кантом полагал, что «пространство и время не представляют собой свойства мира, а только свойства нашего познания мира при помощи органов чувств». Следует акцентировать внимание на последнюю позицию – роль органов чувств в познании таких цивилизационных проблем как «время» и «пространство». Следует отметить – когда дело касается будущего, воображение, предвидение, проницательность важнее всего.

Все выше сказанное свидетельствует о необходимости разработки еще одного вектора развития сценария качественного образования: осознания культуры, искусства и развитой инфраструктуры воображения как эффективных технологий развития интуиции. Речь идет о формировании у учащихся символично-образного мышления, позволяющего легко воспринимать бесчисленную множественность культурных миров. Тем более, что имеются убедительные научные доказательства о различии информационных отношений и физических взаимодействий, сущность которых заключается в значимости смысла, заложенного в любой информационной конструкции. Научить студента свертывать до размеров точки и развертывать до размеров Вселенной информацию, уметь читать и понимать смыслы, заложенные в ней – задача образования будущего.

Уже несколько лет в вузе проводится эксперимент по организации деятельности Студенческого центра по развитию инфраструктуры воображения и центра Арттерапии.

История свидетельствует, что ВСГАКИ 55 лет тесно и плодотворно взаимодействовала и взаимодействует с сердцем Сибирской Евразии через постоянное повышение своего статуса (от института до академии), через организацию и проведение многочисленных конференций, исследований, форумов, фестивалей, концертов. Практически весь мир побывал в академии. Но особенно активно вуз взаимодействует со странами АТР. ВСГАКИ имеет научные, творческие и культурные связи более чем с 40 зарубежными странами, является членом международной организации по сохранению и развитию аутентичного фольклора (IOV, ЮНЕСКО). ВСГАКИ приобрела все черты «сибирского характера».

Большую работу вуз проводит по возрождению древних ритуалов, например, мистерий. С успехом прошла мистерия «Священный Дух Байкала говорит...» с девизом «Пробуди в себе Великий Дух творчества!», вобравший в себя пять мероприятий:

- Обряд установления «Сэргэ» - древнейший из обрядов, соединяющий древние знания поклонения Матери Земле и Природе, древнейший символ древа жизни, центра Земли, символ трех миров;
- Международный симпозиум «Байкальские встречи-VI» «Наше наследие: формирование устойчивой модели развития народной художественной культуры в современном мире»;
- Международный конкурс сольного национального танца стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Венок Дружбы»;
- Международный фестиваль древних классических танцев народов Азии;

- Международный фестиваль «Ночь Ёхора».

Завершился мега-проект поездкой на Байкал, где участники увидели 2 спектакля по легендам бурятского народа («Хранители», «Покровители»), исполненных театром «Душа Байкала»; был проведен традиционный обряд поклонения Владыке Байкала «Усан Лопсону» и все приняли участие в мистерии «Туудэгшин наадан» - Лики культур.

Трудно переоценить значимость данного мероприятия – это всколыхнуло всех и заставило задуматься о прямой взаимосвязи и зависимости Человека, Природы, культуры и будущего Земли. Опыт показал, что никакие другие формы не способны реализовать такое множество задач, и так глубоко воздействовать на очень большое число людей как форма мистерии. Так что возвращение Мистерии в культуру – это веление Времени. Кроме того, это великолепная школа знаний и умений, практикум для студентов вуза, когда они имеют огромные возможности соединить теорию культуры с практикой культуры, науку о культуре с реальным опытом жизни. Это и есть инновационный подход в подготовке специалистов совершенно иного уровня и направления. Это ноу-хау ВСГАКИ.

Именно ВСГАКИ смогла разработать уникальную модель развития новой культуры и нового искусства XXI века «Цветок жизни». В ней к тому же заложена миссия вуза, которую он успешно реализует. Сегодня Бурятия позиционируется как территория толерантности и дружбы. В этом несомненная заслуга академии.

Огромное количество отзывов почетных, знаменитых и известных в стране и в мире гостей, а также международных, российских и региональных наград позволяет отметить, что ВСГАКИ действительно впитал в себя все лучшие историко-духовные, творческие, информационно-космогонические и интеллектуальные знания огромной территории – Центра сибирской Евразии и стал для него важной стратегической, инновационной, образовательной и духовно-творческой точкой роста и развития.

Можно сказать, что нет такого другого вуза с «сибирским характером». ВСГАКИ уникален и неповторим как живой своеобразный структурный центр по изучению и информационной трансляции сибирской поликультуры, развитию науки о сибирской культуре, подготовке кадров с развитой инфраструктурой воображения, развитию искусства и социально-культурных технологий Сибирской Евразии, как вуз, сумевший определить основные факторы его трансформации в Будущее.

УДК 94(571.54)-057.4

Доржиев Б.Ш.

БАТО БАДМАЕВИЧ БАТУЕВ (1925-2004 ГГ.)
ЧЕЛОВЕК, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, ВОИН
BATO BADMAEVICH BATUEV (1925-2004)
MAN, TEACHER, SCIENTIST, WARRIOR

Статья посвящена жизни и деятельности известного ученого, доктора исторических наук, профессора Бато Бадмаевича Батуева.

The article is devoted to the life and work of the famous scientist, doctor of Historical Sciences, Professor Bato Badmaevich Batueva.

Ключевые слова: Бато Бадмаевич Батуев, детство, наука, военные годы, Великая Отечественная война, ВСГАКИ.

Keywords: Bateau Badmaevich the Batuev, childhood, science, the war years, The Great Patriotic war, VSGAKI.

Бато Бадмаевич Батуев родился 10 апреля 1925 года в одном из бурятских улусов, расположенном на севере Гусиного озера. Его родители были тружениками сельского хозяйства, центр которого находился в улусе Тухум.

Он был единственным сыном в семье Батуевых Бадмы Жамсарановича и Долгор Шагжиевны. В этой семье он воспитывался в атмосфере уважения к людям, рос весьма любопытным мальчиком.

В 30-е годы он учился в Загустайской средней школе, которая в то время считалась одной из передовых школ республики.

В 1942 году Бато Бадмаевич окончил Загустайскую среднюю школу и получил аттестат с отличием. По его словам, школа дала ему основу, базу для дальнейшей учебы и работы.

В январе 1943 года, в возрасте 18 лет Б.Б. Батуев был призван в армию. Он начал военную службу в запасном полку на станции Мальта Иркутской области. С февраля 1944 года он обучался в Забайкальском пехотном училище на станции Дивизионной, что недалеко от г. Улан-Удэ. Весной 1944 года в звании младшего лейтенанта он был отправлен на действующий фронт.

В должности командира пулеметного взвода, затем взвода автоматчиков доблестно сражался в составе 3-го Украинского фронта. В Яссо-Кишиневской операции в 1944 году освобождал от фашистских оккупантов Молдавию, Румынию и Болгарию.

Его боевые заслуги были отмечены орденом Отечественной войны 2-й степени и 12 медалями, в том числе болгарской, монгольской и многими почетными грамотами.

В декабре 1944 года, выполнив свой сыновний долг перед Родиной, Бато Бадмаевич был демобилизован из армии.

После окончания войны Бато Бадмаевич вернулся домой. Летом 1945 года он стал работать литературным сотрудником республиканской газеты «Буряад-Монголой унэн». В этом же году он поступил на учебу в Бурят-Монгольский государственный педагогический институт.

В 1949 году Бато Бадмаевич успешно завершил учебу в педагогическом вузе республики.

После окончания педагогического института он был направлен в его родной Селенгинский район. Здесь с 1949 по 1954 гг. он работал учителем истории и директором Новоселенгинской средней школы, затем его назначили инспектором и заведующим Селенгинским районным отделом народного образования.

С 1954 по 1957 год Бато Бадмаевич являлся аспирантом Московского областного педагогического института, где защитил кандидатскую диссертацию, которая стала его первым научным исследованием.

Вернувшись в Улан-Удэ, в 1957-1961 гг. Бато Бадмаевич работал лектором, заведующим отделом науки, культуры и школ Бурятского обкома партии.

В 1961 году Бато Бадмаевич был приглашен во вновь созданный в 1960 году в Восточно-Сибирский библиотечный институт, преобразованный в 1964 году в Восточно-Сибирский институт культуры и в 1995 году ставший Восточно-Сибирской академией культуры и искусств. Это уникальное, первое в Сибири высшее учебное заведение культуры, начало готовить специалистов высшей квалификации для учреждений культуры Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Монголии. Тогда он основал кафедру истории. 30 лет Бато Бадмаевич являлся бессменным ее заведующим и последние годы жизни занимал должность профессора.

Перед вновь созданной кафедрой первоочередной задачей стало решение кадрового вопроса. Благодаря его умению разбираться в людях, Бато Бадмаевич стал приглашать тогда уже ставших известных историков. Среди них был Б.З. Юшин – прекрасный лектор по курсу «Всемирной истории»; одаренный педагог, неутомимый исследователь истории Западного Забайкалья, автор «Очерков Западного Забайкалья», по совместительству из БКНИИ работал д.и.н., профессор Е.М. Залкинд. В 1962 году на кафедру истории пришел бывший министр просвещения БурАССР С.С. Бадмацыренов, профессор, Заслуженный учитель республики.

Во второй половине 60-х годов на кафедру пришел ряд новых преподавателей. В 1968 году начал работать Б.Ш. Доржиев, заведующий Закаменским отделом народного образования; в 1968 году С.И. Никифоров, преподаватель кафедры истории БГПИ, вскоре ставший ректором, профессором нашего вуза.

В 70-е годы кафедра пополнилась новыми людьми. С 1970 года начал работать к.и.н., ученый-историк К.Х. Халзанов, который уже являлся автором научного труда по проблемам национальной культуры. С 1973 года на кафедре работал Л.Г. Орлов, к.и.н., доцент, Заслуженный работник культуры РБ, был заведующим кафедрой в 1993-1998 гг. В 1971-1999 гг. на кафедре работал к.и.н., доцент В.Л. Кургузов, впоследствии ставший доктором культурологии, профессором.

С 1989 по 1995 гг. на кафедре истории работал к.и.н. Б.В. Базаров, затем д.и.н., член-корр. РАН, ныне председатель президиума БНЦ СО РАН. С 1979 по 2002 гг. преподавала к.и.н., доцент Е.Г. Санжиева, Заслуженный работник образования РБ.

В 1990 году на кафедру пришел В.В. Бабаков, к.и.н., доцент. С 2005-2007 гг.; 2011 г. – по настоящее время является заведующим кафедрой.

Пришедшая на кафедру Е.В. Банзаракаева, к.и.н., доцент, в 2007- 2011 гг. заведовала кафедрой, является автором актуальной темы «Охрана детства Бурятии в годы Великой Отечественной войны». Не все имена преподавателей названы.

В целом, кафедра истории, основанная Б.Б. Батуевым, считалась самой остепененной, она превосходила по численности присвоенных почетных званий.

За время существования на кафедре истории трудились 10 докторов, профессоров, 15 кандидатов исторических наук, доцентов.

Многие преподаватели носили почетные звания член-корр. РАН, член-корр. СО АН ВШ, Заслуженных работников высшей школы РФ, Заслуженных работников культуры РФ и РБ, Заслуженных деятелей науки РФ и РБ.

Члены кафедры считают себя учениками, коллегами, продолжателями дела Б.Б. Батуева. Качественный рост профессорско-преподавательского состава не мог не способствовать совершенствованию учебно-методической работы.

Профессор Б.Б. Батуев разработал несколько учебно-методических пособий по спецкурсам по вспомогательным историческим дисциплинам. Среди них учебное пособие «Краткий очерк истории народов Сибири», который охватывает всю историю сибирских народов с древнейших времен до нашего времени и спецкурс «Историография истории Бурятии». Эти и другие его учебно-методические работы вызвали большой интерес студентов.

Многолетняя педагогическая деятельность профессора Б.Б. Батуева связана с активной пропагандой исторических знаний. Его учебные лекции для студентов и выступления перед населением были весьма емкими, логичными, убедительными, насыщены богатым фактическим материалом как по истории России, так и по Сибири, Бурятии. Этими яркими выступлениями он снискал известность перед студентами, аспирантами, перед населением.

Доктор исторических наук Б.Б. Батуев плодотворно занимался научно-исследовательской работой.

Областью научных интересов Б.Б. Батуева были история Сибири и Бурятии, история русских революций и гражданской войны, национально-государственное строительство Сибири и Бурятии.

Основной научной проблемой являлась история социалистической революции и советской власти в Бурятии и Восточной Сибири. В то время в советской исторической науке приоритетным направлением исторических исследований признавалось изучение руководящей роли Коммунистической партии и проведение Октябрьской революции, установление советской власти во всех регионах страны.

В 1970 году было опубликовано крупное издание «Очерки истории организации КПСС», состоящая из 12 глав. Первая глава «Возникновение и развитие социал-демократического движения на территории Бурятии, Февральская буржуазно-демократическая револю-

ция» написана Б.Б. Батуевым (с. 2-31). В этой главе события освещаются с 1898 года до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

По главной проблеме исследования первым научным трудом Б.Б. Батуева стала его кандидатская диссертация «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Бурятии», защищенная в 1958 году. Основные положения и выводы были опубликованы еще до защиты указанной диссертации, они были сделаны в результате изучения широкого круга архивных материалов, которые позволили ему придти к новым обобщениям и оценкам деятельности объединенных социал-демократических организаций Верхнеудинска и Читы, что эти организации проводили не большевистскую политику, а стояли на позициях меньшевиков-оборонцев. Присутствующие на защите участники революционного движения Забайкалья выступили против такого вывода. Несмотря на это, соискателю была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В начале 60-х годов история установления советской власти стала вызывать растущий интерес общественности, выдвигались новые вопросы. Б.Б. Батуев расширял и углублял исследования данной проблемы. Им был опубликован ряд статей: «О политике Верхнеудинского Совета в период подготовки и проведения Октябрьской революции» (1961 г.), «Октябрьская революция в Бурятии», «О мероприятиях Советов Прибайкалья в области развития промышленности», «О национальном движении в Бурятии в период борьбы за советскую власть» (1962 г.).

В своих трудах Бато Бадмаевич положительно оценивал позицию М.М. Сахьяновой, одного из видных руководителей бурятских коммунистов в период Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии. Позже он выпустил книгу «Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии» (1992 г.).

Итогом многолетних исследований истории установления советской власти в Бурятии стало издание очередной монографии «Борьба за власть Советов в Бурятии» (1977 г.).

Завершив исследование истории установления советской власти в Бурятии, Б.Б. Батуев переходит к изучению истории социалистической революции в Сибири.

С середины 60-х годов он начал усиленно заниматься сбором документальных материалов в архивах городов Сибири, Москвы, Ленинграда, проводит историографический анализ опубликованных трудов. Он выступает на научных конференциях, свои статьи публикует в различных периодических изданиях и сборниках трудов в Москве, Иркутске, Новосибирске, Улан-Удэ, Перми, Якутске и др. В них показано, как большевистские организации Красноярского края, Иркутской губернии, Забайкальской области, Бурятии, Якутии, Тувы, Хакасии, Горного Алтая в сложных условиях спланировали свои ряды за установление советской власти. Бато Бадмаевич раскрывал своеобразие и особенности их деятельности в том или ином крае или области, что представляло большую научную ценность.

В 1971 году вышел в свет капитальный труд Б.Б. Батуева «Партия большевиков – организатор победы советской власти в Восточной Сибири». Автор показал особенности социально-экономического и политического положения края перед революцией, освящена деятельность большевиков по сплочению своих рядов, подготовка их к новым революционным событиям.

Данная работа заняла достойное место в сибирской и всей историко-партийной историографии.

В 1973 году в Ленинградском госуниверситете Б.Б. Батуев успешно защитил докторскую диссертацию по теме: «Коммунистическая партия – организатор победы и упрочения советской власти в Восточной Сибири».

В эти годы ученый большое внимание уделяет развитию национального движения народов Восточной Сибири и его важной научной темой становится история национального движения в Бурятии и других национальных регионах Восточной Сибири в период революции и гражданской войны. В это время многие ученые Бурятии, Якутии, Горного Алтая, Хакасии, Иркутска, Новосибирска изучали историю национального движения в этих регионах,

но не могли полностью раскрыть особенности классовой борьбы в национальном улусе и объяснить, почему в улусе позднее, чем в русских деревнях устанавливалась советская власть.

Новая оценка национального движения народов Восточной Сибири в период революции и гражданской войны, выявление особенностей установления советской власти в национальных улусах привели к изменению оценки национальных комитетов и национальных лидеров Бурятии, Якутии, Горного Алтая и Хакасии.

На основе глубокого осмысления процесса национального движения Бурятии и другие историки приходят к выводу о том, что национальное движение бурятского и других коренных народов Восточной Сибири являлось национал-демократическим, оно в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции стало принимать социалистический характер и поднялось на новый социалистический этап. Трудящиеся массы этих народов вместе с русскими рабочими и крестьянами выступили против контрреволюции и военной интервенции за установление советской власти.

Все это было показано в 1971 году в его труде «Партия большевиков – организатор победы советской власти в Восточной Сибири». В связи с этим изменилась оценка руководителей Бурятского нацкома и других национальных лидеров Якутии, Горного Алтая и Хакасии. Б.Б. Батуевым был опубликован ряд статей о Э.-Д. Ринчино, Б. Барадине, Ц. Жамсарано и других, в том числе его статья «Революция и бурятская национальная интеллигенция».

Много лет Б.Б. Батуев изучал документы и материалы по национальному движению в Бурятии. В 1994 году им была опубликована работа «Национальное движение в Бурятии 1917-1919 гг. Сб. документов и материалов». В этом сборнике глубоко проанализирован процесс развития национального движения в Бурятии с современных историко-методологических подходов, охарактеризованы решения и позиции органов власти, национальных комитетов, партий и общественных организаций и их деятелей.

Профессор Б.Б. Батуев обращался к различным темам по истории социалистического строительства в национальных регионах Сибири в целом.

В 1983 году вышел в свет коллективный труд «Крестьяне Сибири в период строительства социализма» в г. Новосибирск. Он был посвящен истории крестьянства национальных районов Сибири: Бурятии, Якутии, Горного Алтая и Хакасии в годы революции и гражданской войны.

В этом коллективном труде показаны состояние сельского хозяйства, своеобразие социально-классовых отношений в улусе, борьба трудового крестьянства за свои права, за землю и национальное самоуправление.

Привлекли внимание общественности издания в соавторстве с И.Б. Батуевой брошюра «Краткий очерк истории народов Сибири» (1992 г.).

В 1987 году вышла в свет книга «Бурятская партийная организация. Хроника. 1895-1941 гг. Книга первая». Б.Б. Батуев принимал активное участие в подготовке данного издания. Он являлся автором трех глав, в которых названы важные даты и события истории областной партийной организации, многие из которых были уточнены и пересмотрены.

В следующем, 1998 году издан большой труд «Республика Бурятия: краткий энциклопедический справочник». Б.Б. Батуев являлся автором отдельной главы «Советский период истории Бурятии».

В кругу научных интересов доктора исторических наук Б.Б. Батуева находилась история бурятского народа в далеком и близком прошлом. Это нашло яркое отражение в его книге «Буряты в XVII-XVIII вв.» (1996 г.).

По мнению автора, этот период являлся наиболее знаменательным и интересным в истории Бурятии, именно в это время началось формирование и консолидация бурятского народа из разных племен как единого этноса.

К истории родного края относится очень интересная книга «Очерк истории селенгинских бурят», написанная в соавторстве с И.Б. Батуевой в 1994 году.

Селенгинские буряты – крупная часть бурятского народа. В отличие от других групп они сформировались не по родоплеменному происхождению, а местно-географическому признаку. Они являются выходцами из Монголии и Предбайкалья, состоят из 8 монгольских и 6 ангаро-ленских бурят.

Используя многочисленные материалы архивов, трудов известных ученых, автор приводит убедительные данные переписи населения по родам, скотоводстве как основной отрасли хозяйства, о применении искусственного орошения в земледелии, о развитии ремесла. Приводится высказывание Н.А. Бестужева, что «бурят-плотник, и кузнец, и столяр, и пахарь, и косец».

В книге можно найти имена известных деятелей: главных тайшей, бурятских казачих атаманов, летописцев, представителей народного образования, а также имена передовых людей Селенгинской долины, т.е. наших современников.

В 1996 году в республиканской газете «Буряад унэн» была опубликована его интересная статья «Сэлэнгын буряадуудай уг гарбал» (О происхождении селенгинских бурят).

Бато Бадмаевич посвятил ряд статей прошлому своей малой родины – селу Загустай, своей школе, которая дала ему путевку в жизнь, в том числе «Наша школа»// Загустай. XX век: люди, события, факты. (Улан-Удэ, 1998 г.).

В этой статье, посвященной 80-летию Загустайской средней школы, выразил свое уважительное отношение к ней: «У всех учеников нашей школы, о тех годах школьной пары остались самые светлые воспоминания и чувство благодарности нашим учителям. Школа дала нам основу, базу для дальнейшей учебы и работы».

Профессор Б.Б. Батуев оставил после себя богатое творческое наследие. Его перу принадлежит более 150 научных трудов: монографии, брошюры, научные доклады, статьи и коллективные труды.

Результаты своих научных исследований доктор исторических наук Б.Б. Батуев сообщал на Всесоюзных, зональных научных конференциях, симпозиумах в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Перми, Иркутске, Улан-Удэ и других городах страны.

Профессор Б.Б. Батуев всегда был окружен своими учениками, аспирантами. Целая плеяда ученых, преподавателей считают себя учениками и продолжателями дела своего учителя, наставника, тем самым он создал научную школу.

Одно из направлений деятельности профессора Б.Б. Батуева как ученого составляет его работа в Специализированном совете по защите докторских диссертаций при Иркутском государственном университете, членом которого он являлся с 1976 года. Там он участвует в разработке и координации научных исследований по историческим наукам в Восточной Сибири и систематически выступал в качестве эксперта и официального оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций.

С 1999 года до конца своей жизни Б.Б. Батуев был членом диссертационного совета при Бурятском государственном университете и активно участвовал в обсуждении и оппонировании кандидатских диссертаций.

За вклад в развитие исторической науки в 1977 году Б.Б. Батуеву было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР», вскоре «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Можно считать его научным подвигом то, что 14 аспирантов под его руководством и с его помощью защитили кандидатские диссертации, трое из них – А.И. Шаповалов, Л.В. Курас и Б.В. Базаров – стали докторами исторических наук. С последними двумя из них плодотворно сотрудничал более 10 лет до ухода из жизни.

22 года он являлся членом диссертационного совета Иркутского государственного университета. Здесь он выступал официальным оппонентом по 4 докторским и 36 кандидатским диссертациям, которые были утверждены Высшей аттестационной комиссией.

С 1976 года Б.Б. Батуев, будучи членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Иркутском государственном университете, активно участвовал в

разработке и координации научных исследований по историческим наукам в Восточной Сибири, систематически выступал в качестве эксперта и официального оппонента при защитах докторских диссертаций.

Кроме педагогической, научно-исследовательской деятельности Б.Б. Батуев был активным общественником. Он много лет возглавлял партийную организацию своего вуза, помогал ректорату в решении различных вопросов, прежде всего в подготовке специалистов высшей квалификации для учреждений культуры Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Монголии.

Бато Бадмаевич был активным пропагандистом исторических знаний, обладал большим лекторским мастерством. Его лекции, по словам Р.И. Пшеничниковой, были емкими, логичными, убедительными, насыщенными богатым фактическим материалом. Со своими яркими лекциями по истории России, Сибири, Бурятии он выступал не только перед студентами и аспирантами, но и перед населением.

Благодаря своей многогранной педагогической, научной и общественной деятельности профессор Б.Б. Батуев стал самым авторитетным человеком в своей академии, пользовался большим уважением среди научной общественности Бурятии, Сибири, как крупный ученый.

О профессоре Бато Бадмаевиче Батуеве, о его нравственном качестве, о человеке, который стоял у истоков первого в Сибири вуза культуры, работавшего в нем до конца своей жизни, с большой душевной теплотой вспоминали его коллеги, друзья, ученики.

Р.И. Пшеничникова – ректор ВСГАКИ, профессор, академик МАН ВШ считает его уникальным человеком, равнодушным и очень принципиальным. Когда в период перестройки создалась ситуация быть или не быть ВСГАКИ, именно он поставил вопрос о сохранении уникального вуза. Вклад Б.Б. Батуева в развитие ВСГАКИ трудно переоценить. Его обаяние, мудрость, видение новых перспектив всегда создавали атмосферу творчества, диалога, поиска оптимальных и эффективных решений. Бато Бадмаевич был великим наставником не только для молодых и студентов, но и всего коллектива.

С.И. Никифоров, бывший ректор ВСГАКИ (1968-1995 гг.), профессор, Заслуженный работник культуры РФ знает Б.Б. Батуева как ученого и наставника, вырастившего яркую плеяду кандидатов и докторов наук. «Он никогда не отказывал в помощи тем, кто занимался наукой. Это я утверждаю тем примером, когда будучи преподавателем пединститута и работал над кандидатской диссертацией, не раз обращался к нему за советом и всегда получал полезные рекомендации».

Его отличал степенный, уравновешенный характер и он многие вопросы решал обдуманно и капитально. Он был с головой ученого и душой простого человека.

С.И. Никифоров считает целесообразным в музее истории ВСГАКИ создать галерею ветеранов Академии с кратким описанием их заслуг. И в ней самое почетное место должно быть отведено Б.Б. Батуеву.

Автор этих строк Б.Ш. Доржиев, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, отличник народного образования РФ, заслуженный деятель науки РБ, отмечает то, что наряду с многогранной педагогической, научно-творческой деятельностью, Б.Б. Батуев обладал высоким личным и нравственным качеством.

За 37 лет совместной работы на кафедре истории я знаю его как крупного сибирского ученого, отличающегося простотой и порядочностью, очень доброго, скромного, никогда не выпячивающего свои богатые знания и заслуги, обладающего большой тактичностью, проявляющего уважительное отношение к коллегам и вообще к людям.

Л.Г. Орлов, к.и.н., доцент, заслуженный работник культуры РБ, заведующий кафедрой истории в 1995-1998 гг., работал с Б.Б. Батуевым более 30 лет. Он особо выделяет такой важный факт, что профессор Б.Б. Батуев всегда был профессионалом в своем деле, вдумчивым и глубоким ученым. Хотелось подчеркнуть основательность научной проработки той или иной

темы к которой приступал Б.Б. Батуев, не оставляя неясных мест в ней. Он как человек, гражданин и ученый прожил свою жизнь достойно.

Г.Л. Санжиев, односельчанин, известный бурятский ученый, с юношеских лет шел рядом с Бато Бадмаевичем, считает его крупным ученым, пользующимся большим авторитетом и уважением среди научной общественности Бурятии и Сибири.

Р.Б. Ажеева, к.п.н., доцент, заведующая кафедрой библиотековедения (ныне кафедра библиотечно-информационных ресурсов) работала рядом с Б.Б. Батуевым с 1968 года. В ее памяти он остался очень добрым человеком, с высокой внутренней культурой. Кафедра истории была самой остепененной, и кафедра библиотековедения сотрудничала по научным исследованиям, в частности по изучению книжной культуры Бурятии.

Следует особо отметить то, что профессор Б.Б. Батуев имел широкие профессиональные и дружественные связи по всей стране. Среди его друзей были известные ученые библиотековеды: доктор педагогических наук, профессор, директор Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне РГБ), Николай Семенович Карташов, доктор педагогических наук, профессор Ленинградского государственного института культуры (ныне Санкт-Петербургского университета культуры), Василий Семенович Крайденко. Они начали свою карьеру в Восточно-Сибирском библиотечном, вскоре преобразованном институте культуры. В своих воспоминаниях они всегда подчеркивали, что уникальность Б.Б. Батуева заключалась в том, что он умел просто и с достоинством общаться с окружающими людьми.

Ю.Б. Авраева, к.п.н., доцент, известный библиотековед. За 35 лет работы рядом с Бато Бадмаевичем, выделяла то, что в нем удивительно сочеталась культура поведения со скромностью. Он не давил своим авторитетом, не давал ценных указаний. Умел уважать других, вести себя достойно. Он был исключительно интеллигентным человеком. Таким остался он в моей памяти.

С.А. Езова, профессор, академик МАИ особо отмечала то, что Б.Б. Батуев интересовался судьбой его коллег, особенно с которыми в первые годы становления вуза культуры стоял у истоков формирования его коллектива. Он радовался приездам Николая Семеновича Карташова, видного специалиста в области библиотековедения, начинавшего профессиональную карьеру в далекие 60-е годы.

В коллективе вуза культуры с его мнением считались, оно было авторитетно, в нем отражалось ответственное отношение не только за себя, но и за других, за общее дело подготовки кадров культуры. По ее словам его называли совестью вуза.

Учитель Загустайской средней школы Д.Д. Гуржапова придает большое значение изучению яркой, многогранной деятельности своего земляка, выпускника этой школы, профессора Б.Б. Батуева, увековечивая его имя.

В школе действует Информационно-краеведческий центр (ИКЦ) «Найдал». Его деятельность направлена на изучение и сохранение историко-культурного наследия родного края, в частности изучения жизненного пути выдающегося выпускника своей школы, профессора Б.Б. Батуева. Через него прошло не одно поколение юных загустайцев.

Автор считает назревшей необходимостью издания специального сборника, посвященного жизнедеятельности профессора Б.Б. Батуева.

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель наук Республики Бурятия и Российской Федерации Б.Б. Батуев достойно прошел большой жизненный путь.

**СИБИРЬ В ОКТЯБРЕ – ОКТЯБРЬ В СИБИРИ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ОКРАИНАХ РОССИИ В 1917-1918 ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА Б.Б. БАТУЕВА
SIBERIA IN OCTOBER – OCTOBER IN SIBERIA. SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES ON THE OUTSKIRTS OF RUSSIA IN 1917-1918: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM IN THE WORKS OF PROFESSOR V.V. BATUEV**

На основе научных публикаций профессора Б.Б. Батуева автор осмысливает проблему Октябрьской революции 1917 г., национально-государственного строительства и современного состояния исторической науки.

Based on the scientific works of Professor V.V. Batuev, the author comprehends the problem of October Revolution, 1917, national state development and current status of historical science.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Сибирь, Бурятия, историография, профессор Б.Б.Батуев.

Keywords: October Revolution, Siberia, Buryatiya, historiography, Professor V.V. Batuev.

Осмысление исторического прошлого государства Российского во все времена происходило под влиянием общего мировоззрения эпохи и интереса общества к конкретным проблемам. Именно осмысление прошлого и настоящего исторической науки представляет информацию для определения перспектив ее развития, совершенствования форм организации научных исследований, создания научных школ и формирования источниковой базы. Но это классическое понимание значения историографии требует иных подходов, когда речь идет об историографическом анализе трудов конкретного ученого, имеющего имя в научном сообществе, учеников и собственную научную школу, а труды которого становятся основой для изучения важнейшей проблемы в истории XX в. В этой связи очень важно найти ту единственную мысль, которая стала фундаментом творчества, научного поиска ученого, благодаря которой он состоялся. Речь идет о творчестве Заслуженного деятеля науки России и Бурятии, доктора исторических наук, профессора Б.Б. Батуева, которому в этом году исполнилось бы 90 лет. Для нас представляется важным и тот факт, что юбилей ученого совпадает с 70-летием Великой Победы советского народа над фашистской Германией, в достижение которой Бато Бадмаевич внес существенный вклад. В годы войны он – командир взвода, участник Яссо-Кишневской операции, принимал участие в освобождении Румынии и Болгарии, кавалер боевых орденов и 12 медалей, в том числе и болгарской.

Труды профессора Б.Б. Батуева находили историографический отклик в отечественной историографии при жизни ученого. Достаточно отметить, что к 70-летию Бато Бадмаевича автор настоящего очерка подготовил библиографический указатель его трудов [32], а к 75-летию – межвузовский сборник научных трудов, в котором помещено два историографических очерка, посвященных творчеству профессора Б.Б. Батуева [37; 35]. Но по прошествии 15 лет, когда в обществе меняется, причем, в негативную сторону, отношение к славному историческому прошлому нашего Отечества, возникла идея подготовить емкую и теоретически обоснованную статью о творчестве профессора Б.Б. Батуева и об эпохе, в которой он трудился, а также эпохе прошлой, о которой он писал. Для него было совершенно очевидным, что мощь Октябрьского взрыва, его глобальные последствия были обусловлены смыканием критических точек общероссийского и мирового развития. Поэтому в его творчестве большевистский Октябрь предстает дерзновенной попыткой уравнивать исторические шансы всех народов на пути мировой социалистической революции. И потому, не смотря на метаморфозы нашего времени, нельзя не признать, что они были подготовлены всем развитием тогдашней социальной мысли, а человечество до сих пор страдает от невозможности их воплощения в

жизнь. В этой связи начать историографический анализ трудов профессора Б.Б. Батуева, «делом всей жизни» которого стала Октябрьская революция, хочется тезисом из публикации российского ученого В. Булдакова, по существу ставшего сегодня аксиомой в истории Октября: «...В целом Октябрьская революция свершилась под знаком общечеловеческих ценностей и демократии, но стала утверждаться путем невиданного классового насилия» [33]. И, стремясь подчеркнуть значение Октября для национальных регионов и интеграции провинции в Россию, профессор Б.Б. Батуев постоянно заостряет внимание на объективном характере инкорпорации национального движения в общереволюционный процесс, в политико-административную и социокультурную систему государства и его историко-типологическую модель. Но если в течение 30-летнего творческого пути квинтэссенция его трудов – это обязательно роль и влияние большевистских организаций на революционные события в регионе [24], внутривластная борьба [2; 4; 12; 18] и, конечно же, борьба за власть в Бурятии [3; 6] и в Восточной Сибири [18; 25; 26; 27], то в конце 80-х – начале 90-х – это национально-государственное строительство как основа и базовая ценность единого государства [23]. Причем, такой подход, ни в коей мере не противоречит объективному подходу к проблеме, да и самой сути Октябрьской революции и укрепления российской государственности.

Но появлению этих положений, реализованных в монографиях, статьях и лекциях в студенческой аудитории, предшествовали годы - более 50 лет. В 1949 г. Бато Бадмаевич Батуев окончил исторический факультет Бурятского государственного педагогического института и в течение 5 лет преподавал историю в родном Селенгинском районе, работал инспектором района, директором Новоселенгинской средней школы, заведующим районо.

С 1954 г. Б.Б. Батуев – аспирант Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской; защита кандидатской диссертации состоялась в Москве в 1959 г. [14], а докторской – в Ленинграде, в 1973 г. [13]. С 1957 по 1961 гг. он работает в аппарате Бурятского обкома партии лектором, а затем заведующим отделом науки, школ и культуры, избирался членом обкома партии.

С 1961 г. и до последнего дня своей жизни Бато Бадмаевич Батуев трудился в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (ВСГАКИ), в течение 30 лет возглавлял кафедру истории, стоял у истоков ВУЗа.

Сразу же хочется отметить политическую составляющую проблемы, которой автор занимался всю жизнь. Поэтому ученый, естественно, следовал традиционным постулатам советской историографии. Но при этом он постоянно демонстрировал не только собственную научную зрелость, но и политическую смелость. Опираясь на документальные источники, он пришел к «крамольной мысли» о том, что после победы Февральской революции в регионе не оказалось последовательных большевистских групп, которые могли бы противостоять меньшевикам-оборонцам. Более того, руководители Верхнеудинского Совета стояли на позициях меньшевиков и выступали против Октябрьской революции и установления Советской власти [10]. Сегодня, после смены идеологической парадигмы и распада СССР, сама проблема может показаться несущественной и даже вызвать усмешку у непосвященного читателя. Но тогда, начавшаяся на защите кандидатской диссертации в 1959 г. дискуссия, и продолжавшаяся почти 30 лет, могла стоить партийного билета, а сам автор концепции революционного процесса в национальной провинции мог оказаться на обочине жизни. В книге воспоминаний об Александре Хахалове профессор Б.Б. Батуев описывает сложности работы над главой об Октябрьской революции в книге «Очерки истории Бурятской организации КПСС» [31, с. 34]. Отголоски этих событий проявились даже в период перестройки, в 1987 г., когда Б.Б. Батуев выступил на республиканской конференции с докладом «О некоторых вопросах истории подготовки и проведения Октябрьской революции в Бурятии» [21].

Вообще в период подготовки кандидатской, а затем и докторской диссертации любой исследователь последовательно публикует историографические и источниковедческие работы, которым свойственна глубокая теоретическая проработка и широкая компаративистика, что и позволяет ученому обосновать объект исследования. При этом ученый вводит в научный обо-

рот принципиально новые документальные источники. Но здесь очень важно понять суть эпохи, которую красноречиво характеризует академик РАН С.Л. Тихвинский, когда подтекстом историографического «академизма» оказывалась апологетика, как считалось, «общезначимых», а в идеале *однозначных* истолкований исторических событий и явлений. Историческая наука представляла в нем гносеологически законченной системой, определяющей *эффективные* средства раскрытия *исторической истины* и дающей описание «реестра», не подлежащих пересмотру концепций и тем. По сути дела, «академисты» настаивали на сохранении в исторической науке таких принципов, как единство идеологического и содержательного «планов» историографии; ее нацеленность на известную окончательность научных трактовок; необходимость борьбы с идеологическими противниками и, следовательно, «выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших проблем» [41]. Историография осмысливалась в рамках этого направления не столько в качестве модуса познания, сколько в качестве *мировоззрения*. В соответствии с этим сомнение в научной продуктивности историографии приравнивалось «академистами», по меньшей мере, к постановке под вопрос эффективности советской научной политики, а в более серьезном и значительном плане — к глобальному сомнению в научности марксистской историографической традиции. В связи с этим историографический «академизм» был отмечен особенным восприятием «научности», как *непреходящей* ценности советской исторической мысли. «Академическое» направление постулировало, что именно она обеспечивает «объективность» подхода к историческому прошлому, наиболее адекватное отражение его самобытности и ценности и соответствие исторического знания запросам КПСС. В их трактовке «объективность» исторического знания, его политико-идеологическая ангажированность выступали реальной почвой для преобразования действительности на научных основаниях и преодоления деформаций исторического прошлого. При этом успех общественных реформ увязывался «академистами» преимущественно с эффективностью «исторической пропаганды», а она имела смысл и значение только в качестве информации о научных «достижениях» [там же].

Необходимо помнить, что профессор Б.Б. Батуев всю жизнь занимался историей партии, где научные, оценочные суждения сразу же приобретали идеологическую окраску и критика этих суждений могла негативно отразиться на дальнейшей судьбе оппонента. Что означают такие оценки, автор в полной мере ощутил на себе [37, с. 5-6]. Думается, что именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что в творчестве профессора Б.Б. Батуева по проблеме Октября мы практически не находим историографических работ. Имеется лишь брошюра, подготовленная совместно с Б.Ц. Дондоковым к 50-летию газеты «Правда» и небольшая историографическая работа [8]. Не случайно и то, что и во введении к монографиям ученый по возможности уходил от обстоятельного историографического анализа трудов коллег. Что касается немногочисленных рецензий на труды ученых, то это были такие работы, которые являлись эталоном советской историографии и потому не требовали негативных оценочных суждений [30]. Но при этом ученый ни разу поступился принципами и всегда твердо, на всех уровнях отстаивал свою позицию профессионала. Но как профессионал профессор Б.Б. Батуев прекрасно понимал, что настоящий историк — это, прежде всего, историограф. Именно поэтому в 90-е годы, когда изменилась политическая, а значит и историографическая ситуация, Бато Бадмаевич впервые в истории региона разработал спецкурс «Историография истории Бурятии», первыми слушателями которого стали студенты ВСГАКИ.

Особо следует остановиться на источниковедческой составляющей творчества профессора Б.Б. Батуева. Более 30 лет он осуществлял поиск, сбор и систематизацию документов по истории национального движения бурят как важной составляющей Октябрьской революции. Понятно, что «академическая объективность» делали нереальной саму возможность опубликования этих документов в обозримом будущем, ибо бурятские национальные демократы изначально получили статус «буржуазных националистов». Поэтому не случайно, что в творчестве ученого мы находим лишь одну источниковедческую работу, опубликованную на пороге защиты докторской диссертации [5].

Но с созданием современной российской государственности и возникновением новой историографической ситуации работа с источниками потребовала выработки новых специальных исследовательских методик. Причем, возникшая ситуация весьма напоминала ситуацию столетней давности, которую П.Н. Милюков описывал как весьма схожий период завершения оформления «старой» и перехода к «новой» модели исторического прошлого: «Пользование актами требовало совершенно иных приемов ученой работы и иных взглядов на задачи научного исследования, чем те, которыми располагали старые исследователи» [38]. Возвращаясь к источниковедческим публикациям профессора Б.Б. Батуева, хочется отметить, что автор, опираясь на классический учебник по источниковедению XIX в. С.А. Никитина, использовал принцип типологии, который дает возможность раскрыть условия формирования видовых свойств источников в длительной исторической перспективе. Сегодня стало очевидным, что именно «видовой типологический принцип оптимально соответствует исследовательской цели – системному осмыслению культуры» [40]. Нелишним будет отметить, что типологический курс источников русской истории в Московском университете читал В.О. Ключевский. Современное источниковедение констатирует, что «источники в их видовой специфике представляют собой проекцию изучаемой культуры в пространстве и дают возможность проследить их эволюцию во времени, они несут информацию о функционировании социокультурной общности, страны, этноса, о структурах и способах функционирования системного механизма» [34, с. 94]. Поэтому не случайно, что в источниковедческих публикациях Б.Б. Батуева четко прослеживается классическое направление научного поиска, что вылилось в издание сборников документов «Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг.» и «Элбэк-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма», которые осуществили настоящий прорыв в октябристской тематике и способствовали появлению в научной периодике целой серии публикаций ученого, посвященных национальному движению и национально-государственному строительству [17; 29].

С этим направлением научного поиска профессора Б.Б. Батуева органично связана «портретная» историография ученого, когда бурная революционная эпоха, особенно в Сибири, настоятельно нуждалась в исследованиях через призму исторической личности. В их числе М.М. Сахьянова, Э.-Д. Ринчино, Б. Барадин, которые стояли у истоков бурятской государственности [15; 16; 9; 1]. Конечно, время эпохи «зрелого социализма», да и сама советская историография наложили отпечаток на творчество профессора Б.Б. Батуева. Классическая тема исследования, «всемирно-исторический» Октябрь 1917 г. – это, конечно же, история политическая. Но при этом принцип «партийности», предполагавший отнесение ученого к тому или иному научному лагерю в зависимости от его ответа на вопрос о степени соответствия отечественного и европейского исторических процессов [36, с. 128-129], мало влияет и уж совсем не противоречит объективности истории. Более того, классификация по принципу «партийности» была обусловлена еще в сочинениях и лекционных курсах С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского. Что касается марксистской науки, то она пошла по пути еще большего развития принципа «партийности» ученых, классифицировав их как представителей революционно-демократического, либерально-буржуазного и официально-охранительного направлений [42, с. 373]. И в этом нет ничего предвзятельного, ибо изучение истории XX в. и особенно истории КПСС без такого подхода маловероятно и, наверно, бессмысленно. Под влиянием того времени у Б.Б. Батуева появляются публикации о предпосылках национального движения народов Сибири [7; 11; 20; 21; 23; 28]. Следует особенно отметить, что указанные направления в творчестве ученого, многие из которых были для него лишь сегментом в реализации основной цели научного поиска, стали побудительным мотивом для появления новых направлений научных изысканий тогда еще молодых исследователей (Б.В. Базаров, Л.В. Курас, В.Н. Качанов и др.). Особенно важно, что это происходило в период «развитого социализма» и расцвета советской историографии, когда труды «классиков марксизма-ленинизма» являлись методологической основой любого исследования. Этот аспект в творчестве ученого имеет важное значение в настоящее время, ибо

пока новая российская историография истории XX-XXI вв. декларировала множественность методологий и рассуждала «о формационном и цивилизационном подходах», профессор Б.Б. Батуев опирался, прежде всего, на документальную базу. Конечно, сейчас мало у кого вызывает сомнение, что классификация по «партийным» направлениям нуждается в существенных коррективах. Поэтому вполне, понятно желание современной исторической науки выстроить новую систему координат, без которой историография превращается в голый перечень фамилий, дат, названий произведений. В этой связи часть исследователей исключили политическую направленность своих трудов из числа определяющих факторов их принадлежности к какому-либо научному лагерю. Но большая часть ученых и к их числу, несомненно, принадлежит и профессор Б.Б. Батуев, не отвергают подобную классификацию, которая вполне оправдана при изучении истории науки как составной части общественно-политической мысли. Тем самым в российской исторической науке фактически определился намеченный еще в рамках советской исторической науки 1980-х годов отход от былого единомыслия. И в этих условиях особую роль играет ответственность историка, его индивидуальная популярность как преподавателя и исследователя, когда историческое познание несет на себе неизбежную печать мировоззрения исследователя. В современных российских условиях личная порядочность ученого, его гражданская позиция, тематика его научных изысканий, его ученики становятся базовыми понятиями развития современной исторической науки. Все это, несомненно, ощущал и осознал профессор Б.Б. Батуев и потому понимал меру собственной ответственности за будущее развитие отечественной историографии.

Появляются новые поколения молодых ученых, до которых просто необходимо донести основополагающие мысли, ранее казавшиеся аксиоматичными и которые сегодня, к сожалению, следует доказывать. Сменилось не просто государство, сменилась идеология, сменился исследовательский подход, отвергаются основополагающие методологические принципы, появилось целое поколение «историков-дилетантов», а советская историческая школа воспринимается как атавизм. Сегодня даже в историографических сочинениях упоминание классических трудов советских историков – большая редкость.

Вообще историческая наука объективно отличается консервативностью мышления. Невозможно оценить работу по принципу «новая» методология или «старая», ибо качественные «скачки» в ее развитии растягиваются на десятилетия. И готовятся они не директивным утверждением «новой» методологии, а видовым и количественным расширением источниковой базы, выработанной методикой, соответствующих этим источникам и воплощением этих достижений в конкретную публикаторскую деятельность.

Таким образом, смена методологий – это, прежде всего, смена «поколений» в науке, что само по себе явление сложное, болезненное и противоречивое, сопряженное с полемикой концептуального характера и человеческим фактором. Как раз итогом этих сложных общественных и научных коллизий и стали труды профессора Б.Б. Батуева, отличающиеся объективностью, историзмом и партийностью. Поэтому мы должны не просто задаваться риторическим вопросом о классовом подходе к оценке революционной историографии, родоначальником которого стал великий русский историк В.О. Ключевский.

По наблюдениям П.Н. Милюкова, близко знавшего В.О. Ключевского, трагедия его как личности ученого заключалась в том, что, своевременно поняв новые задачи гуманитарных дисциплин, он не сумел сформулировать «цельного философского и общественного мировоззрения», освободиться от «метода исторического мышления и подхода к историческим данным», выработанным С.М. Соловьевым [38, с. 444-445]. На наш взгляд, «метод исторического мышления» - скорее достоинство, нежели недостаток, и дискуссия между представителями разных школ была риторической, в большей мере реакцией на излишнее теоретизирование и политизирование отечественной науки. Проблема творчества В.О. Ключевского выражалась вовсе не в том, что он «посредник» между государственниками и современной им наукой. С творчеством В.О. Ключевского современники связывали начало нового «научно-реалистического» этапа в отечественной историографии, понимаемого как взаимодействие

«общественных классов и их интересов». Драма В.О. Ключевского, на наш взгляд, заключалась в том, что изучение социального «механизма истории», нового подхода, нового этапа и нового видения исторического процесса по причинам объективного характера было прервано. Проблема современного состояния исторической науки, изменения в области теории и методологии как раз и привело социальный «механизм истории» к той же проблеме, с которой столкнулся в более ста лет назад В.О. Ключевский. И заслуга профессора Б.Б. Батуева заключается как раз в том, что он следовал и продолжал традиции великого предшественника.

Таким образом, перед нами творческий портрет не только блестящего ученого, основавшего направление научного поиска и воплощения научных идей, не только научную школу, но и прекрасную теоретическую основу для реализации современной национальной политики, регионального развития и укрепления российской государственности.

Примечания

1. Батуев Б. Б. Базар Барадин: штрихи к политической биографии // Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). Улан-Удэ, 1991.

2. Батуев Б. Б. Борьба большевиков Восточной Сибири против оппортунистов справа и «слева» за идейно-организационное укрепление своих рядов (1912 – февраль 1917) // Ленин и местные партийные организации России. Пермь, 1970. С. 611-621.

3. Батуев Б. Б. Борьба за власть Советов. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1977. 224 с.

4. Батуев Б. Б. Борьба за создание самостоятельных большевистских организаций в Восточной Сибири в период Октября // Первая научная конференция профессорско-преподавательского состава ВСГИК. Улан-Удэ, 1966. С. 3-6.

5. Батуев Б. Б. Газеты Восточной Сибири как источник изучения истории Октябрьской социалистической революции // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1972. Т. 1. С. 153-173.

6. Батуев Б. Б. Из истории борьбы большевиков за установление Советской власти в Бурятии // Записки Бурятского научно-исследовательского института культуры. Улан-Удэ, 1958. Вып. XXV. С. 40-56.

7. Батуев Б. Б. Из истории борьбы за национальное самоуправление в Бурятии (1917-1923 гг.) // Октябрьская революция и гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Улан-Удэ, 1993.

8. Батуев Б. Б. Историко-партийная литература последнего десятилетия об установлении Советской власти в Сибири // Вопр. истории КПСС. 1972. № 2. С. 189.

9. Батуев Б. Б. К вопросу о деятельности Э.-Д. Ринчино в Монголии в 1921-1925 гг. // Элбек-Доржи Ринчино и народно-демократическое движение в России, Центральной Азии в XX веке. Улан-Удэ, 1998.

10. Батуев Б. Б. К вопросу о политике Верхнеудинского Совета в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Из истории партийной организации Бурятии. Улан-Удэ, 1961. Вып. 11. С. 3-32.

11. Батуев Б. Б. К вопросу о характере национального движения (на примере Бурятии) // М. Н. Богданов: жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1999.

12. Батуев Б. Б. К истории рабочего класса и социал-демократического движения в Бурятии (1908 – февраль 1917 г.) // Из истории партийной организации Бурятии. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 8-36.

13. Батуев Б. Б. Коммунистическая партия – организатор победы и упрочения Советской власти в Восточной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / [ЛГУ]. Л., 1972. 36 с.

14. Батуев Б. Б. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Бурятии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / [Обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской]. М., 1958. 16 с.

15. Батуев Б. Б. М. М. Сахьянова (о ее деятельности в 1917-1928 гг.) // Национально-освободительное движение бурятского народа. Улан-Удэ, 1989.

16. Батуев Б. Б. Мария Михайловна Сахьянова: страницы политической биографии. Улан-Удэ, 1992.
17. Батуев Б. Б. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. : сб. док. и материалов. Улан-Удэ, 1994. 199 с.
18. Батуев Б. Б. О деятельности большевиков Восточной Сибири в годы нового революционного подъема и империалистической войны // Коммунисты Восточной Сибири в борьбе за победу Советской власти и построение коммунизма. Иркутск, 1965. С. 53-61.
19. Батуев Б. Б. О мероприятиях Советов Прибайкалья в области развития промышленности (1918) // Тр. бурят. комплексного НИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. Вып. 10. С. 62-75. (Серия историческая).
20. Батуев Б. Б. О национальном движении в Бурятии в период борьбы за Советскую власть // Тр. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1962. Вып. 1. С. 3-37.
21. Батуев Б. Б. О некоторых вопросах национально-освободительного движения в Бурятии в 1917-1919 гг. // Национально-освободительное движение бурятского народа. Улан-Удэ, 1989.
22. Батуев Б. Б. О некоторых особенностях Октябрьской революции в национальных районах Сибири // Вторая научная конференция профессорско-преподавательского состава ВСГИК. Улан-Удэ, 1967. С. 3-7.
23. Батуев Б. Б. О путях национально-государственного строительства в Бурятии (1917-1923 гг.) // Взаимоотношения народов России и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1995.
24. Батуев Б. Б. Об июльских событиях и об отношении к ним большевиков Восточной Сибири // Тр. ВСГИК. Улан-Удэ, 1971. Вып. 7. С. 43-51.
25. Батуев Б. Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири // Тр. ВСГИК. Улан-Удэ, 1968. Вып. 5. С. 3-22.
26. Батуев Б. Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 263 с.
27. Батуев Б. Б. Партия большевиков в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Бурятии (март 1917-август 1918) // Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970. С. 32-83.
28. Батуев Б. Б. Революция и бурятская национальная интеллигенция // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). Улан-Удэ, 1997. Вып. 2.
29. Батуев Б. Б. Элбэк Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994.
30. Батуев Б. Б., Курас Л. В. Октябрь и Советы Сибири // Байкал. 1982. № 3. С. 119-120. Рец. на моногр.: Агалакова В. Т. Советы Сибири (1917-1918 гг.). Новосибирск : Наука, 1978.
31. Батуев Б. На крутом повороте // Александр Хахалов. Статьи и воспоминания его современников. Улан-Удэ, 1999.
32. Биобиблиографический указатель трудов Батуева Бато Бадмаевича / сост. Л. В. Курас. Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 1997. 26 с.
33. Булдаков В. Путь к Октябрю // Октябрь 1917 : Величайшее событие или социальная катастрофа? М. : Политиздат, 1991.
34. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. М., 2000.
35. Качанов В. И. Вопросы национально-государственного строительства в трудах профессора Б. Б. Батуева // Проблемы истории Сибири (XVIII-XX века) : межвуз. сб. науч. тр. (к 75-летию д-ра ист. наук, проф. Б. Б. Батуева). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. С. 12-19.
36. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. С. 128-129.

37. Курас Л. В. Октябрьская революция и гражданская война в Сибири в трудах профессора Б. Б. Батуева // Проблемы истории Сибири (XVIII-XX века) : межвуз. сб. науч. тр. (к 75-летию д-ра ист. наук, проф. Б. Б. Батуева). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. С. 4-12.
38. Милюков П. Н. Источники русской истории в русской историографии // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 55.
39. Наумова Г. Р., Шилко А. Е. Историография истории России. 2-е изд. М., 2009.
40. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX век. М., 1940.
41. Тихвинский С. Л. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопр. истории. 1985. № 7. С. 3-13.
42. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

УДК 94(517)-057.4(044)

Кузьмин Ю.В.

ТВОРЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОНГОЛЬСКОГО АКАДЕМИКА Б.РИНЧЕНА CREATIVE CORRESPONDENCE MONGOLIAN ACADEMICIAN B. RINCHEN

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Международный проект №15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика». Руководитель: Суходолов А.П. Исполнители: Василенко В. А., Крайнова Л. Н., Папонова Д. А., Кузьмин Ю. В., Манжигеев А. Ф. Года выполнения: 2015-2016 гг.

Грант РГНФ 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

Доктор филологических наук, профессор, академик Б.Ринчен – выдающийся монгольский ученый, писатель, переводчик и журналист. Оставил огромное творческое наследие. В этом году отмечается 110-летие со дня рождения исследователя. Особую ценность для историографии имеет эпистолярное наследие известного ученого. В научной переписке Б.Ринчена раскрывается творческая лаборатория известного монгольского ученого и писателя. Его адресами были известные российские и зарубежные ученые-монголоведы.

Doctor of philological Sciences, Professor, academician B. Rinchen outstanding Mongolian scholar, writer, translator and journalist. Left a great musical legacy. This year marks the 110th anniversary since the birth of the researcher. Of particular value to the historiography has epistolary heritage of the famous scientist. In the scientific correspondence B. Rinchen reveals the creative laboratory of the famous Mongolian scholar and writer. His addresses were known Russian and foreign scientists in the Mongolia.

Ключевые слова: Б.Ринчен, научная переписка, российское и мировое монголоведение, творческая лаборатория ученого, переводческая деятельность, монгольский фольклор, бурятские писатели и ученые, научные и дружеские связи.

Keywords: B. Rinchen, scientific correspondence, Russian and world Mongolian studies, creative laboratory scientist, translational activity, Mongolian folklore, Buryat writers and scientists, scientific and friendships.

Эпистолярное наследие академика Б.Ринчена чрезвычайно обширно, нам удалось познакомиться и исследовать только его часть. Совместно с переводчиком и журналистом Ц.Цереном, автором монографии творческой биографии Б.Ринчена, подготовили к печати отдельный том переписки известного ученого и писателя. Оригиналы и копии писем Б.Ринчена и его адресатов хранятся в личном архиве монгольского переводчика и любезно предоставлены для научного изучения и введения в научный оборот.

Эпистолярный жанр позволяет ближе познакомиться с творческой лабораторией монгольского ученого, расширить представление о широте его научных интересов, неформальных оценках научных результатов отдельных монголоведов, а также об уровне развития научной мысли Монголии и России. Несомненную ценность для историографии имеют творческие планы выдающегося ученого, часть из которых так и не удалось реализовать. Оригинальные оценки и меткие характеристики академика Б.Ринчена современной ему эпохи, политических и научных деятелей представляют интерес для филологов, историков, политологов и социологов. Остроумные и меткие характеристики Б.Ринчена давно уже превратились в пословицы и поговорки.

Академик Бимбын Ринчен (1905-1977 гг.) – выдающийся ученый-филолог, писатель, журналист и переводчик. В каждой из этих сфер он полностью состоялся как крупный и выдающийся деятель. В России впервые творческую биографию представил известный монголовед, профессор Ширап Бодиевич Чимитдоржиев. В приложении он также опубликовал некоторые письма Б.Ринчена [1].

Б. Ринчен-гуай прожил яркую и трудную жизнь, полную неустанного и напряженного труда, научных изысканий и высоких научных результатов и вершин. Был репрессирован, неоднократно подвергался необоснованной критике и гонениям. С другой стороны, его творчество и научные результаты были изданы на многих языках мира и получили национальное и мировое признание, он стал академиком и лауреатом Государственной премии Монголии, почетным членом многих иностранных научных ассоциаций и обществ.

Научная переписка Б.Ринчена свидетельствует о глубине и широте научных поисков ученого, оригинальности его научных идей и творчества, научной честности и бескомпромиссности ученого, а также широте научных связей исследователя с российскими и зарубежными монголоведами и писателями. Поражает его увлеченность, доброжелательность и научная щедрость Б.Ринчена.

Адресатами Б.Ринчена были люди различных специальностей: писатели, литераторы, переводчики, историки, этнологи, филологи, монголоеды, антропологи. Среди них писатели А.Бальбуров, А.Костицын, А.Гатов; монголоеды Н.Н.Поппе, А.Сандерс, С.А.Кондратьев, Е.М.Даревская, Н.Ц.Мункуев, филологи В.Д.Виноградов, С.П.Балдаев, историки Л.Н.Гумилев, Б.Ф.Поршнев, М.Ф.Нестурх. Невероятна широка география переписки: Россия, Германия, Польша, Чехия, Венгрия, Великобритания, США. Он вел переписку с К.Седлачек (Чехия), Э.Трыярски, Р.Ямна, В.Плавински (Польша), Н.Н.Поппе (США), В. Хайссиг, У.Иохансен (Германия), С.А.Кондратьев, Л.Н.Гумилев, Е.М.Даревская, А.В.Бадмаев (Россия) и др.

Широка тематика переписки Б.Ринчена: перевод его книги «Заря на степью» на русский язык в Москве, проблемы монгольского и бурятского шаманизма, монгольский фольклор, проблема «снежного человека» и антропологии, монгольский язык и письменность, письменное наследие монгольских народов, место монгольской культуры в мировом наследии, оценка отдельных книг и статей, характеристика монголоведов и ученых в Монголии и в мире.

Много времени и усилий было потрачено на перевод с монгольского на русский язык романа-трилогии «Заря над степью» («Уурын туайя», опубликованного в 1951, 1955, 1971 гг.). Сохранились письма литератора и писателя А.П.Костицына Б.Ринчену за 1958 год, который около двух лет совместно с переводчиком А.Р.Ринчино трудился над переводом романа. А.П.Костицын обрабатывал подстрочный перевод романа и стремился передать монгольский колорит русскому читателю. В письме от 19 февраля 1958 г. он предлагает Б.Ринчену назвать роман «Свет над степью», считая его более «перспективным». Познакомившись со списком писателей, которых Б.Ринчен переводил на монгольский язык, в письме от 17 марта 1958 г. А.П.Костицын восклицает: «Да это ведь не человек, а целая академия! Найдутся ли во всей мировой литературе хотя бы единицы, которые переводили бы произведения сорока авторов. Вашу разностороннюю эрудицию я почувствовал уже сквозь ткань романа». А.П.Костицын жалуется на низкое качество перевода А.Р.Ринчино («это был совершенно сырой материал»).

В письме от 17 августа 1958 г. А.П.Костицын отмечает о качестве подстрочного перевода следующее: «Из Ваших замечаний я понял, что Ринчинэ дал мне мешковину вместо шелковой ткани Вашего романа». А.П.Костицын отмечает увлеченность и высокую занятость монгольского писателя: «Ваша необыкновенная работоспособность как то и меня подтягивает, заставляет беречь часы и минуты».

В последующих письмах А.П.Костицын сетует на затягивание с изданием романа: «рукопись продвигается к типографскому станку со скоростью черепахи».

В переписке Б.Ринчена с А.П.Костицыным возникла дискуссия об уровне грамотности монгольского населения до революции. Монгольский ученый выступал против общепринятого тогда в научной литературе низкого уровня грамотности и культуры монголов. В ряде других писем Б.Ринчена отмечается жесткая критика этого неверного и несправедливого заключения о низком уровне и культурном уровне монгольского общества до революции 1921 г. Это была принципиальная позиция монгольского ученого, считавшего, что монгольский народ имеет оригинальную и самобытную национальную культуру и высокий процент образованных людей страны. В письме Б.Ринчена С.А.Кондратьеву от 23 февраля 1968 года он так написал об этом: «Я собираюсь написать после книги о ламских танцевальных масках еще книгу о сокровищах книгохранилищ наших старых библиофилов с цветными фотографиями, чтобы европейцев познакомить с книжным искусством монголов, которые знали книгопечатание задолго до И.Гутенберга. Развесистую клюкву надо монголисту выдирать и дать знать, что невежество чужеземцев, выдумывающих всякие благоглупости в конце двадцатого века уже нетерпимо и отнюдь не украшает их авторов, а является, наоборот, свидетельством их духовной нищеты и убожества».

Дается и общая характеристика писем Б.Ринчена: «вообще, письма от Вас – это как чистый родник, заглянешь в него и видишь пятна и морщины на своем лице».

Будучи оригинальным и самобытным национальным ученым, Б.Ринчен переписывался с опальными исследователями, похожими на него самого. Об этом свидетельствует его переписка с Н.Н.Поппе, Л.Н.Гумилевым. Так, в письме Льву Николаевичу Гумилеву (называет его в письме «мой Арслан») от 22 января 1968 года Б.Ринчен приветствует его книгу «Древние тюрки», но и высказывает свои конкретные критические замечания по качеству трактовки классических текстов. Как откровение звучат его слова об исследовании шаманизма: «Собираюсь уже давно на основании моих материалов по монгольскому шаманизму, которым занимаюсь уже сорок лет, написать книгу натурфилософии монгольского шаманизма. По вашей книге вижу, как это было бы нужно для историков. Теперь, когда после четырех десятков лет собирания и изучения шаманских обрядов, мифологии, призываний и преданий от около двухсот шаманов и бесед с ними уже сошедшими со сцены поколением знатоков и хранителей устных традиций, дополняющих и раскрывающих краткие показания письменных источников, я могу, наконец, сказать, что многое, когда-то бывшее мне таким же непонятным, как моим европейским коллегам-монголистам, уже стало давно на место. И я могу сказать, что шаманское мировоззрение сквозь призму которого смотрели на окружающее древние монголы и, конечно, тюркиты, руководило их поступками и в частной и государственной жизни».

В письме Л.Н.Гумилева Б.Ринчену от 16 марта 1971 г. просит дать свой отзыв на книгу о монголах: «Я жду Вашего суда, единственного, безусловно, компетентного и справедливого. С нашими монголистами я не виделся уже пять лет, и надеюсь не встречаться дальше. Историки наши не решаются со мной спорить, а хвалить не хотят».

Это позднее будет всеобщее признание научных заслуг Л.Н.Гумилева, будут массово издаваться его книги, установят памятники и мемориальные доски. В переписке мы наблюдаем общение двух талантливых ученых, не особенно ценимых у себя на родине, и они ищут взаимной поддержки и понимания.

По понятным причинам в архиве ученого преобладают письма к Б.Ринчену, так как сам монгольский ученый в редких случаях оставил копии своих писем. Ц.Церену удалось списаться не со всеми адресатами Б.Ринчена [2], чтобы получить копии его писем. Так, уда-

лось восстановить переписку монгольского ученого с Е.М.Даревской из Иркутска, которая бережно сохранила письма монгольского академика.

Вопросы российско-монгольских связей начала XX века, состав дипломатического корпуса России в Монголии, обучение монгольских учащихся в Иркутске обсуждались в переписке 1971-1972 гг. с известным иркутским монголоведом Е.М.Даревской. Эти сведения были необходимы Б.Ринчену при написании романа «Наместник Сандо» - последнем маньчжурском наместнике в Монголии.

В письме Б.Ринчена от 21 марта 1971 года отмечается: «для моего романа мне хотелось бы знать состав царского консульства в Урге девятьсот девятого-одинадцатого года, точнее, чем я знаю сейчас. По нашим архивным монгольским материалам кое-что можно узнать, но это дипломатическая переписка с подписями консула Любы и др. В консульской церкви был и один священник, которого. Возможно, я упомяну в романе, над которым я сейчас работаю. Если у Вас есть кое-какие имена консульских работников и некоторые их характеристики, то это представляло бы для меня интерес».

Б. Ринчен вел активную переписку с учеными Бурятии, Калмыкии, Тувы, подчеркивал общность языков и культуры монголоязычных народов, предлагал совместные работы, предлагал совместные работы, проведение научных конференций.

Вопросы монгольского этногенеза, антропологии и монгольского «снежного человека» обсуждается в переписке с профессорами Б.Ф.Поршневым, М.Ф.Нестурх (специалист по антропологии, приматологии) из Москвы, Венчиславом Плавински (Польша). Речь шла о черепе и останках гоманоида, принадлежащего т.н. «снежному человеку» (алмас). Б.Ф.Поршневу (1905-1972 гг.) – известный советский ученый, доктор исторических и философских наук, специалист по криптозоологии и основоположник гоминологии – науки о снежном человеке. Б.Ф.Поршневу написал несколько писем о монгольском снежном человеке – алмасы. Профессор Б.Ринчен опубликовал несколько научных статей на данную тему, которая чрезвычайно его занимала.

Особое место в эпистолярном наследии Б.Ринчена занимают письма к лидеру Монголии Ю.Цеденбалу. В письме от 16 января 1967 г. он пишет Ю.Цеденбалу, Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР в связи с изданием третьей книги «Грамматика монгольского литературного языка». Книга была издана, но была запрещена к распространению и лежит в типографии. Б.Ринчен считает, что мелкие придирки к книге носят не научный, а личный характер со стороны директора Института языка и литературы Хорлоо: «драконовские меры нашего директора по отношению ко мне и моим работам являются пережитком аракчеевщины, еще живущий в стенах нашего института, но осужденных прогрессом науки за пределами власти нашего директора».

Приводится информация и данные о том, что советские и венгерские монголоведы считают, что книга написана на должном уровне и имеет новаторский характер: «в ней много новых данных по морфологии монгольского языка, совершенно по иному трактующих образование слов, структуру корнеслов и иное объяснение категории Числа в монгольском языке».

2 августа 1976 г. Б.Ринчен написал самое известное письмо Ю.Цеденбалу. Оно являлось ответом на статью «Высокий долг ученого», опубликованную в центральном журнале ЦК МНРП «Партийная жизнь», в которой очернялась его родословная и творческая биография, подвергалась сомнению честность ученого в изложении автобиографии и воспоминаний. Впервые оно было опубликовано в 1990 г. писателем Г.Аким в журнале «Цог» и газете «Новости Монголии».

Б. Ринчен был вынужден объяснять и уточнять родословную семьи Бимбаевых и деятельность своего отца Р.Бимбаева – переводчика и чиновника, особенно в годы гражданской войны и революции. Для современных историков это ценный исторический источник, который не появился бы в других условиях. Была представлена краткая история научной травли и необоснованной критики Б.Ринчена. Защита традиционной национальной культуры, мон-

гольского литературного языка привели к навешиванию ярлыка «националиста». В заключении письма, Б.Ринчен выражает надежду, что со временем, «уберет запреты анонимщиков на печатание моих работ, которые я пишу не ради карьеры, а выполняя свой долг филолога-монголиста, этнографа, фольклориста, писателя и переводчика. Я выражаю надежду, что в скором времени будет спасен наш родной язык от чудовищно малограмотных «правил букв», подобных которым не было со времени появления письменности.

Всю науку Б. Ринчен делил на настоящую научную мысль и имитирующую науку. В его письмах к адресатам это постоянно подчеркивается. Конъюнктурщики, лжеученые, и приспособленцы от науки критиковались им, являлись предметом иронии и сарказма.

Б. Ринчен был противником догматических идей, схоластики в науке. Еще в 1947 г. он писал, что «появляются люди, мысль которых, усыпленная убийственной трафаретом, начинает уже просыпаться и работать над фактами монгольского языка, который мне так хотелось поднять до уровня современных культурных языков мира, используя его великие возможности». В письме к Н.Н.Поппе от 30 ноября 1935 г. он пишет о жестокой борьбе «с кустарничеством малограмотных переводчиков, я также добился победы и признания необходимости унифицирования терминологии».

Даже внешне Б.Ринчен-гуай отличался от современных ему ученых. Одевался в национальный костюм, носил оригинальную прическу и бороду. Таким образом, он подчеркивал приверженность традиционной национальной культуре. Один из немногих он владел иностранными языками, переводил с ряда европейских языков выдающиеся памятники мировой литературы, вел обширнейшую переписку с зарубежными писателями и учеными. Б.Ринчен имел настолько благородный вид, что однажды за границей маленькая девочка спросила, глядя на него: «Это Бог?!». Комментарии, как говорится, излишни.

Получив в 1945 году за сценарий художественного фильма «Цогт-тайджи» Государственную премию, Б.Ринчен сделал благородный поступок и передал всю сумму (15.000 тугриков) ленинградским детям-сиротам. Благодарные дети Ленинграда написали ему теплые письма благодарности, и с некоторыми из них завязалась многолетняя переписка. Сохранилась трогательная переписка с ленинградскими сиротами Володей и Галиной Королевыми. Сохранились письма детей Б.Ринчену, из которых мы узнаем, что великий писатель до совершеннолетия детей писал им письма поддержки и посылал посылки с теплыми вещами: валенками, ботинками, свитерами. В одном из писем дети писали: «Дорогой дяденька, нам очень хотелось бы повидаться с Вами на месте своего папы, если Вас не затруднит, то пришлите нам Вашу фотокарточку, если Вы приедете в Ленинград, то зайдите к нам».

В годы политических репрессий Б.Ринчен пять лет (1937-1942) провел в тюрьме, получив приговор по ложному доносу и обвинению [3]. В переписке он постоянно критиковал сталинский режим. Очень символично, что памятник Б.Ринчену установлен на месте прежнего памятника И.В.Сталину, около Национальной Публичной библиотеки в Улан-Баторе.

Примечания

1. Чимитдоржиев Ш. Б. Бимбын Ринчен – выдающийся ученый и писатель (1905-1977). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 96 с.
2. Цэрэн Ц. Буурал отгос Ринчен мэхийн есолбай. Улан-Батор, 2005. 200 с.
3. Степные были и небылицы / сост. и пер. Хасбаатарын Мэргэн. Улан-Удэ : Буряад-Монгол ном, 2010. С. 307-311.

МАЛЕНЬКИЕ ЗАРИСОВКИ О БОЛЬШОЙ ЛИЧНОСТИ SKETCHES OF A STRONG PERSONALITY

Материал содержит воспоминания об известном ученом и педагоге ВСГАКИ, кандидате исторических наук, доценте В.В. Гапоненко – экс-декане факультета Культурного и природного достояния. Многолетнее профессиональное межличностное общение автора с Валентиной Владимировной создало предпосылки для нанесения ряда штрихов, т.е. выделения маленьких, но существенных черт характера к словесному портрету неординарной личности.

The paper is devoted to a well-known researcher and teacher of East Siberian State Academy of Culture and Arts, PhD in history, Associate Professor, ex-dean of the Culture and Natural Heritage Faculty V.V. Gaponenko. Long professional and personal interaction with Valentina Vladimirovna allows the author to distinguish some essential traits of this extraordinary personality.

Ключевые слова: педагог, коллега, сфера и виды взаимодействия, личностные, профессиональные качества, оценочные суждения.

Keywords: teacher, colleague, the scope and types of interaction, personal and professional qualities, value judgments.

Валентина Владимировна Гапоненко была яркой, колоритной, самобытной русской натурой. У нее был бойцовский характер, убежденно и страстно отстаивала свои идеи, факультет Культурного и природного достояния, который она создала и пестовала долгие годы.

В ней было развито обостренное чувство справедливости, объективности, всякое несоответствие в поведении людей с тем, что должно быть, она воспринимала очень близко к сердцу, реагировала сиюминутно, эмоционально, страстно.

Валентина Владимировна понимала людей, как бы внедрялась в их глубину, сущность, давала меткие верные характеристики. Это касалось и негативной оценки некоторых людей, с моей точки зрения (она) оценка, как правило, была справедливой, меткой, точной.

Можно заслушаться, как Валентина Владимировна рассказывала о многих своих коллегам, ученикам словно слагала песню о них, наделяя красочными эпитетами, боготворя этих людей. Она очень много знала о них, поэтому характеристики были сочными, каждый представлял как индивидуальность, как незаменимый человек, специалист. Ей удалось сформировать прекрасную команду на факультете, которой она всегда гордилась и восхищалась.

Вспоминаются экскурсии, которые она провела для нашего бывшего педагога, доктора пед. наук, профессора Н.С. Карташова (Москва), а впоследствии директора ГПНТБ СО РАН, директора ГБЛ им. Ленина, ведущего научного сотрудника РГБ, к.п.н. С.Г. Матлину, а ныне ответственного секретаря журнала «Библиотечное дело». Отклик гостей был восторженный. Они поразились глубиной познания Валентиной Владимировной тех мест, куда выезжали, а рассказывала она так, словно была очевидцем событий далекой давности. Валентина Владимировна хорошо знала и любила Бурятию (и это без пафоса, напыщенности). Естественность и искренность пронизывали ее отношение к природе, к музейным экспонатам, к людям.

Мы с Валентиной Владимировной с разницей на один курс учились у Николая Семеновича, и когда он приехал в институт в качестве председателя ГЭК на БИФ, радость от предвкушения общения с ним у нас была велика. И оно состоялось на лоне природы, куда выехали на двух машинах, одной управлял ее супруг, а другой – родственник Бато Бадмаевича Батуева, известного ученого-историка, большого друга Н.С. Карташова. Быть приглашенной на эту встречу двух семей и московского именитого гостя я сочла как большую честь.

Я вскользь наблюдала за беседой двух друзей – Бато Бадмаевича и Николая Семеновича, они словно помолодели на число лет расставания, задорно смеялись, иронизировали, взахлеб что-то вспоминали, произносили тосты, расхваливали «барский» стол. Тогда хотелось сказать: «Остановись мгновенье, ты прекрасно». Шли годы, ушли в иной мир Б.Б. Батуев и Н.С. Карташов, а душа сохранила праздник от той памятной встречи и добрые воспоминания от общения со старшими и мудрыми коллегами.

В.В. Гапоненко была замечательным педагогом, я слышала, что после некоторых лекций студенты долго аплодировали ей. В формировании музееведческой элиты в Сибири она добилась немалых успехов.

Уже в зрелом возрасте она сменила свою профессию библиотечного специалиста на специальность историка, музееведа. Увлеченность историей декабристского движения сказалась на замене темы диссертации, на выход интересов в область музееведения, основание кафедр музейного дела и охраны памятников.

Расцвет научных интересов Валентины Владимировны происходил на созданном ею факультете, что свидетельствует о значимости и роли постоянного увлечения человека, нахождения своего подлинного профессионального призвания на базе своего хобби. И в этом отношении Валентина Владимировна была самодостаточным человеком. Она была счастлива и в семейной жизни с замечательным мужем Валентином Трофимовичем (мне приятно было наблюдать за их отношениями равных партнеров, влюбленных друг в друга людей, понимающих друг друга с полуслова, полувзгляда), не часто такое встретишь, с родителями, сестрами, их семьями.

От Валентины Владимировны исходила сила духа, интеллект, мужественность, этакая земная мощь, надежность, убежденность в своей правоте. Она умела притягивать людей, среди ее друзей были ученые, писатели, художники, журналисты, краеведы, библиотечные и музейные работники и др. Это объяснялось широтой ее натуры, энциклопедичностью знаний, способностью дружить, быть интересной и значимой для других, готовностью проявлять щедрость душевную и материальную.

Вспоминаются давние годы, когда на библиотечно-информационном факультете издавали настенные факультетские газеты и проводили конкурсы: «А ну-ка девушки!». Творческая активность Валентины Владимировны проявлялась во всей красе. Позже мы с ней совместно издали методические рекомендации по проведению этих конкурсов, на которые получили рецензию из Германии, напечатанную в библиотекведческом журнале.

Валентина Владимировна отмечала, что ряд ее положительных качеств был сформирован на библиотечно-информационном факультете: ответственность, пунктуальность, обязательность и др. Она неравнодушно и с долей ревности следила за делами на БИФ.

Валентина Владимировна жила аппетитно, со вкусом, полно, ее энергии на все и всех хватало. Ее дом гостеприимный, уютный был широко открыт для коллег, друзей.

Творческая натура Валентины Владимировны проявлялась в убранстве ее квартиры, в выборе гардероба, особенно шляп, которые удивительно преображали ее лик, невероятно шли ей, придавая некоторую загадочность ее образу, меня восхищали ее ювелирные украшения (самоцветы в серебре), сделанные по ее эскизам лучшими мастерами.

Несправедливость ее корбила, задевала за живое и она кидалась в бой, отстаивала правду матку, порой она говорила то, о чем хотели сказать многие, но молчали, а посему я в душе приветствовала ее выступления.

С Валентиной Владимировной ассоциируются такие понятия, как удасть, размах, бескорыстие, широта, это проявлялось в песнях, которые она любила, в отношениях к людям, к делу. Да, это был весьма неординарный человек, ей претили штамп, шаблон, она ненавидела серость, застой и убогость людей, лезть, лизоблюдство, раболепие. Будучи трудоголиком, Валентина Владимировна, даже находясь на больничном, продолжала заниматься наукой, поддерживала творческие контакты с коллегами, с выпускниками, с аспирантами. Она иронично относилась к своему болезненному состоянию, не расслаблялась, не жаловалась.

К большому сожалению, движение ее мысли, эмоций, чувств к научной истине, к умам и сердцам единомышленников оборвалось преждевременно.

Я ей благодарна за то, что она расширила мое представление о декабристах, проживавших в Бурятии, влюбила в места, связанные с их славными именами, за то, что смогла понять в трудных ситуациях, поддержать и помочь просто, за то, что была в моей жизни.

Когда вспоминаешь человека, заслужившего это, то отбрасываешь мелочные обиды, недоговоренности, недомолвки, отмечаешь сиюминутное и выделяешь главное, то, какой след он оставил в твоей жизни, памяти, что я и попыталась сделать. А след этот заметный, яркий, освещающий и мой сегодняшний день.

УДК 378(091)(571.54)

Зайцева Л.А.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БГСХА ИМ. В.Р. ФИЛИПОВА A BRIEF HISTORY OF THE BSAA. V. R. FILIPPOV

В статье рассматривается краткая история первого аграрного вуза Забайкалья, приведены архивные источники, раскрывающие роль и значение зооветинститута в формировании высшего сельскохозяйственного образования.

In article the short history of the first agrarian higher education institution of Transbaikalia is considered, the archival sources opening a role and value of zoovetinstytut in formation of the higher agricultural education are given.

Ключевые слова: агропединститут, высшее учебное заведение, Бурят-Монголия, факультет, директор – ректор, кафедра.

Keywords: agroteacher's college, higher educational institution, Buryat Mongolia, faculty, the director – the rector, chair.

Политика современного российского государства в области образования представляет важный предмет изучения. Осмысление имеющегося опыта и поиск перспективных путей развития опираются на научные исследования соответствующего профиля, в этом случае изучение процессов создания отечественной системы высшего образования является актуальным.

В ноябре 1929 г. состоялся пленум ЦК ВКП (б), принявший резолюцию «О кадрах народного хозяйства». В ней отмечалось, что подготовка кадров, не идет ни в какое сравнение с темпами индустриализации и задачами социалистического переустройства сельского хозяйства. Пленум принял решение расширить сеть вузов нового типа с четко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности [1]. Решения партии, принятые июльским (1928) и ноябрьским (1929) пленумами ЦК, имели принципиальный характер для развития высшего образования страны. С целью сближения вузов с народным хозяйством, было создано Главное управление высших и средних технических учебных заведений (Главвуз).

С 1930 года все вузы, большинство технических факультетов вузов передавались в распоряжение ВСНХ СССР, через него – совнархозам республик и хозяйственным объединениям. В ходе реформы высшей школы все руководство вопросами подготовки кадров сосредотачивалось в руках хозяйственных наркоматов и объединений. В 1928 г. при ВСНХ СССР наряду с отраслевыми вузами стали создаваться политехнические институты. В 1930-1931 гг. сложилась система, когда вузы готовили специалистов для отдельных отраслей народного хозяйства и для конкретных производств в промышленности и сельского хозяйства.

Первые высшие сельскохозяйственные учебные заведения в Сибири появились в советский период – сельскохозяйственный и ветеринарный институты в г. Омске (1918 год и 1920 год). Кадры преподавателей первых сибирских аграрных вузов формировали ученые, прие-

хавшие из других вузов страны. В Восточной Сибири, Забайкалье первым аграрным вузом стал агропединститут Наркомата земледелия СССР в г. Верхнеудинске.

Открытие высшего учебного заведения в республике откладывалось, так как было сопряжено с большими трудностями: не хватало кадров ни педагогических, ни научных, ни административно – хозяйственных. Наконец, отсутствовал опыт, ощущалась серьезная нехватка учебных программ, научно – методической литературы. Еще одна, может быть самая главная проблема, в те годы существовала в республике – не хватало молодых людей, имеющих среднее образование [2].

Два наркомата – Наркомзем СССР и Наркомпрос РСФСР практически одновременно на своих коллегиях выносят решения о необходимости организации агропедвуза в г. Верхнеудинска. И это также было вполне понятно – республике нужны были как специалисты сельского хозяйства, так и педагоги.

Создание высшего учебного заведения было делом новым, поэтому в Москве программно – методическая группа Наркомзема СССР с участием представителя СНК Бурят – Монголии приняла решение об организации агропединститута в Верхнеудинске, о профиле института: поскольку ведущими отраслями сельского хозяйства в Бурят – Монголии было мясное животноводство и овцеводство, решено, что институт будет готовить специалистов высшей квалификации этих отраслей. 5 декабря 1931 года был издан приказ по Наркомзему СССР: «Организуемый на основании Постановления коллегии НКЗ СССР от 13 августа 1931 года за №38 Бурят-Монгольский государственный агропедагогический институт включить в систему Наркомзема СССР» [3].

5 декабря 1931 года Наркомзем СССР издал приказ, по которому государственный агропединститут включил в свою систему и ассигновал 35 тысяч рублей, а также утвердил директором института М.П. Хабаева [4].

Почему все же институт Наркомзема СССР открылся в г. Верхнеудинск раньше? Все думается, просто: в стране в 1929-1930 годы развернулась сплошная коллективизация, и политика государства была в то время однозначной – все силы, да и средства были направлены на ее успешное проведение. Как тут обойтись без квалифицированных кадров.

Поскольку ведущими отраслями сельского хозяйства в Бурят-Монголии были мясное скотоводство и овцеводство, то было решено, что институт должен готовить специалистов высшей квалификации этих отраслей.

Название агропединститута Наркомзема СССР просуществовало до 26 декабря 1932 года, в 1933 году институт стал называться сельскохозяйственным [5].

Управление подготовки кадров НКЗ СССР в свою очередь предположило реорганизовать его в зоотехнический институт, с тем, чтобы обеспечить обслуживание специалистами-зоотехниками всех видов животноводства Бурят-Монголии с отделениями: 1. мясного и молочного крупного рогатого скота; 2. овцеводства; 3. кормодобывания [6].

Об открытии Наркоматом земледелия СССР в 1931 году агропедагогического института, впоследствии реорганизованного в сельскохозяйственный – зооветеринарный, приводятся данные в материалах к докладу правительства БМАССР на пятую юбилейную сессию ЦИК Б-МАССР за 1923-1933 годы.

В фондах Государственного архива РБ, сельскохозяйственной академии есть документы, подтверждающие, что на 1 декабря 1931 года агропединститут Наркомзема СССР уже действовал, указаны планируемые показатели по набору студентов на 1932 год. О втором вузе в г. Верхнеудинске агропединституте Наркомата просвещения РСФСР – речь идет только о предстоящем открытии его в 1932 году [7].

Переход на отраслевую систему организации высшей школы и подготовки кадров позволили решить кадровую проблему, способствуя обеспечению экономики страны необходимыми специалистами.

Таким образом, 1930-е годы в стране и регионе стали, в целом завершающим этапом создания советской высшей школы. Он был обусловлен последовательной и настойчиво про-

водимой политики руководства страны. В регионе, как и в стране в целом, появился ряд отраслевых институтов, ориентированных на обслуживание определенных отраслей экономики.

9 августа 1934 года в докладной записке начальника Главного управления вузами и техникумами НКЗ СССР Наркому земледелия СССР сообщалось, что по решению крайкома ВКП (б) Восточно-Сибирского края Бурят-Монгольский сельскохозяйственный институт организован в зооветеринарный институт.

Постановлением СНК СССР и ВКП(б) 16 июня 1935 г. это решение было утверждено. В этом же году был открыт ветеринарный факультет [8].

В условиях начавшейся войны на основании распоряжения Главвуза Наркомзема СССР от 27 сентября 1941 года Бурят-Монгольский зооветеринарный институт был временно закрыт. Студентов всех курсов ветеринарного факультета перевели в Омский ветеринарный институт, а студентов зоотехнического факультета – в Омский сельскохозяйственный институт. Часть преподавателей и студентов была призвана в армию. Оставшиеся преподаватели перешли на другую работу. Имущество вуза передали сельхозтехникуму в селе Тамча Селенгинского аймака [9].

Второе рождение института связано с Постановлением СНК СССР №53 от 16 марта 1944 года, в соответствии с которым был восстановлен Бурят-Монгольский зооветеринарный институт. Дальнейшее развитие его неразрывно связано с огромными преобразованиями в промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре. Открылись новые факультеты: агрономический (1952 г.), технологический (1955 г.) с тремя отделениями: технология кожи и мяса, технология молока и мяса, промышленное и гражданское строительство. Этот факультет в составе института произвел три выпуска специалистов и в 1962 году был преобразован в Восточно-Сибирский технологический институт [10].

В связи с переименованием Бурят-Монгольской АССР в июле 1958 года в Бурятскую АССР и в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 21 марта 1960 г. №1516 Бурят-Монгольский зооветеринарный институт был переименован в Бурятский сельскохозяйственный институт [11].

С 1961 года в институте был открыт факультет механизации сельского хозяйства, а в 1962 году – экономический факультет с двумя отделениями: агрономов-экономистов и экономистов по бухгалтерскому учету. В 1955 году было открыто заочное отделение, которое в 1962 году преобразовано в факультет.

На основании Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 августа 1969 г. № 681 при институте было организовано подготовительное отделение для поступающих в вуз.

В апреле 1995 года по результатам государственной аттестации Бурятский сельскохозяйственный институт был переименован в Бурятскую государственную сельскохозяйственную академию. 4 марта 1998 года постановлением Правительства Республики Бурятия № 79 Бурятской государственной сельскохозяйственной академии было присвоено имя Василия Родионовича Филиппова [12].

По мере становления агропединститута (1931 г.) – сельхозинститута (1933 г.) – зооветеринарного института (1935 г.) – сельхозинститута (1960 г.) – сельскохозяйственной академии (1995 г.), вводились в строй новые учебные корпуса, образовывались новые кафедры и лаборатории. Пришли опытные ученые и педагоги, представляющие различные школы и направления. Это закладывало прочную основу для подготовки высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства. Среди них, В.О. Липпинг, Е.В. Эйдригевич, М.Г. Косарев, А.В. Мишарев, Д.К. Червяков, П.И. Тихомиров, Ф.А. Чиркин и многие др. В 30-е годы начинает складываться система научной и производственной помощи сельскохозяйственному производству, основанная на участии ученых института в работе курсов по подготовке кадров массовых сельскохозяйственных профессий, пропаганде научных знаний.

Период с 1944 по 2015 годы был для сельхозинститута – сельскохозяйственной академии временем превращения небольшого вуза в крупное многофакультетное высшее учебное заведение, осуществляющее профессиональную подготовку кадров для сельского хозяйства практически для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вырос престиж вуза как научно-методического центра сельскохозяйственных вузов Сибири и Дальнего Востока, значительно укрепилась материально-техническая база. Главным жизненным принципом института – академии, которому он следовал всегда, было стремление к поиску новых путей развития. Открытие гуманитарного факультета (2003 г.), в 2005 году – Института землеустройства, кадастров и мелиорации (ИЗКИМ), института дополнительного профессионального образования и инноваций (ИДПОиИ – 2005 г.), института лингвистики и межкультурных коммуникаций (ИЛИМК – 2010 г.), было требованием жизни.

Первый выпуск зоотехников состоялся в декабре 1936 года – январе 1937 года. Их было всего 15 человек; через два года ветеринарный факультет дал путевку 20 своим первым выпускникам; в 1957 агрономический факультет подготовил 50 первых ученых агрономов; в 1960 технологический факультет выпустил 49 инженеров-строителей, технологов по переработке кожи и меха, производство молочных и мясных продуктов; в 1966 году факультет механизации сельского хозяйства вручил дипломы первым 53 инженерам сельского хозяйства; в 1967 году экономический факультет подготовил 68 экономистов и бухгалтеров; в 2002 г. – первый выпуск 23 землеустроителей; в 2004 г. – первый выпуск 27 специалистов земельного и городского кадастров, в 2011 году первый выпуск гуманитарного факультета – 21 специалист по связям с общественностью, в этом же году окончили академию первые 72 специалиста по лесному хозяйству [13].

Начав в 1931 году с 48 студентов и 17 преподавателей, в 2011 году в академии обучалось 3603 студента очного обучения и 7960 – заочного, 444 преподавателя из которых 54 доктора и 248 кандидатов наук. Академия располагает 29 компьютерными классами, более 600 компьютеров имеют доступ к интернету, все корпуса академии и общежития связаны общей компьютерной сетью, активно внедряется система дистанционного образования. БГСХА им. В.Р. Филиппова – одна из крупнейших учебных и научно – производственных центров аграрного образования Сибири и Дальнего Востока. В её составе три института: шесть факультетов, располагающих учебными полигонами, ресурсными центрами, другой необходимой учебно-производственной базой.

В истории академии объективно отражены процесс становления и развития сельскохозяйственного сектора экономики Забайкалья, Бурятии, потребности хозяйств и предприятий и высококвалифицированных кадров.

Выпускники академии работают в хозяйствах, органах административного, сельскохозяйственного управления, учреждениях Восточной Сибири, Дальнего Востока. Среди них орденосцы, заслуженные агрономы, инженеры, зоотехники, ветеринарные врачи, экономисты, известные ученые.

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова – это вуз с 83-летней историей, одна из старейших в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Академия продолжает оставаться региональным вузом, ведущим подготовку специалистов для аграрного комплекса. В связи с запросами времени введены новые специальности в сфере лесного хозяйства, природообустройства, землеустройства, туризма. Решаются задачи непрерывного аграрного образования, в перспективе – создание Байкальского аграрного академического комплекса с использованием информационных технологий.

Академия с сентября 2011 года перешла на двухуровневую систему обучения. За четыре года обучения теперь студенты будут получать высшее образование, квалификацию бакалавра, за последующие два года – квалификацию магистра.

Наряду с подготовкой специалистов сельского хозяйства профессорско-преподавательский состав института ведет большую научно-исследовательскую работу, основанную на ши-

роких связях с агропромышленным комплексом, направленную на решение коренных проблем сельскохозяйственного производства.

Большой вклад в дело подготовки научных кадров не только для института, но и для научных учреждений республики и ряда областей страны внесли профессора: И.А. Спириухов, В.Р. Филиппов, С.Н. Мачульский, В.Я. Суетин, А.Г. Давыдов, К.Т. Мункоев, А.А. Баертуев, И.Л. Найманов, Н.В. Барнаков, Ц.-Д.Д. Доржиев, А.Ц. Балдуев, И.А. Ленец, Ю.А. Тарнуев и др.

Особое место в структуре академии занимает библиотека, располагающая книжным фондом более 600 тысяч книг. Научная библиотека вуза – крупнейшая библиотека сельскохозяйственного направления в регионе.

Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В.Р. Филиппова 83 года, она положило начало высшему профессиональному образованию республики. Развиваясь вместе со страной, академия разделила судьбу Бурятии и Забайкалья, перестраивала село в предвоенные годы, восстанавливала его в послевоенные, добивалась значительных результатов в экономических и социальных преобразованиях в последующие годы.

За каждым достижением огромный подвижнический труд преподавателей и сотрудников академии. Жизнь института, его успехи во многом определяли и определяют руководители – ректора (директора) М.П. Хабаев (1931-1935 гг.), К.Х. Шантанов (апрель 1935 г. – ноябрь 1935 г.), М.В. Широковский (ноябрь 1936 – сентябрь 1937 гг.), Г.Н. Борисов (ноябрь 1937 – август 1939 гг.), А.И. Иванов (август 1939 – сентябрь 1941 гг.), Т.М. Омельченко (сентябрь 1943 – июнь 1952 гг.), В.Р. Филиппов (июнь 1952 – январь 1956; июль 1962 – апрель 1969 гг.), Н.В. Барнаков (январь 1956 – август 1962 гг.), К.Д. Миронов (1 апреля 1969 – март 1977 гг.), А.Ц. Балдуев (март 1977 – апрель 1997 гг.), А.П. Попов (1997-2012 гг.), И.А. Калашников (с 2012 г. – по настоящее время), деканы факультетов, заведующие кафедрами, рядовые преподаватели и сотрудники, чей вклад не всегда измеришь наградами и должностями.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. 1929-1932. М. : Политиздат, 1984. С. 19, 22.
2. См. более подробно: Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ : БГСХА, 2001 ; Зайцева Л. А. Попов А. П. Нам 75 лет. История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. Улан-Удэ : БГСХА, 2006 ; Зайцева Л. А., Тумурхонова Н. В., Зангеева Л. Р. Первые. Улан-Удэ : БГСХА, 2011.
3. РГАЭ (Рос. гос. архив экономики). Ф. 7486. Оп. 19. Д. 84. Л. 47.
4. РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д. 21. Л.10.
5. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 474. Оп.1. Д.2. Л.19 ; Архив БГСХА. Архивная справка № 688 от 13 мая 1990 г. ГАРФ (Гос. архив Рос. Федерации).
6. ГАРБ. Ф. 474. Оп. 3. Д. 199. Л. 19 ; Оп. 1. Д. 2. Л. 19.
7. Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2001. С. 12-14.
8. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 15. Л. 10 ; ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2343. Л. 4, 110 ; Ф. 474. Оп. 1. Д. 13. Л. 152.
9. ГАРБ. Ф. 474. Оп 1. Д. 155. Л. 2, 13, 1, 106.
10. Зайцева Л. А., Попов А. П. Указ. соч. С. 15.
11. Там же.
12. Там же. С. 16.
13. Зайцева Л. А., Тумурхонова Н. В., Зангеева Л. Р. Первые. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2011. С. 99, 122, 142, 176, 193, 205, 233, 236, 242.

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ
THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN THE MIRROR OF SELF-
DETERMINATION OF MODERN BURYATS**

В статье проанализирована проблема национальной идентичности на примере современных бурят как определенной этносоциальной общности. В ней показано, что процессы национальной идентификации применительно к таким россиянам как буряты сложны и неоднозначны, что они внутренне отличаются противоречивым характером. Это явление на сегодня представляет собой многомерную, многоуровневую конструкцию. В результате такой «многоэтажной» интеграции современные буряты являют собой своеобразную этносоциальную целостность, которой по существу присуща мультиидентичность.

The article analyzes the problem of national identity on the example of modern Buryats as a specific ethno community. It is shown that the processes of national identification in relation to such Russians as the Buryats complex and ambiguous that they differ internally contradictory character. This phenomenon today is a multidimensional, multilevel design. As a result of this "multi-storey" integration of modern Buryats are a kind of ethno-social integrity, which is essentially inherent in multidentificate.

Ключевые слова: идентичность, процессы национальной идентификации, уровни идентичности.

Keywords: identity, the processes of national identification, the identity levels.

Особенность полиэтничности России зиждется на том неоспоримом факте, что более ста ее этносов вместе с главной титульной нацией – русскими – прошли процесс этногенеза на единой территории. В настоящее время в составе Российской Федерации представлены более 180 этносов, входящих в различные языковые группы, территориальные общности, культуры, конфессии и отражающих определенные уровни индустриально-экономического и социально-культурного развития. Эти этносы исторически принадлежали к разным цивилизационным зонам и культурным традициям.

Поэтому российская общенациональная идентичность, призванная стать базовым, фундаментальным, системообразующим фактором в межнациональных отношениях в РФ, пока, мягко говоря, очень далека от завершения в своем формировании. Она продолжает оставаться чрезвычайно дифференцированной и неустойчивой. Несмотря на многочисленные и разноплановые попытки политической элиты страны по формированию общенациональной идентичности, в массовом сознании российских граждан все еще не сложилось понимания и презентации себя как единой общероссийской нации, все еще не происходит единой устойчивой самоидентификации. Если судить по периодическим опросам общественного мнения, макроидентичность «россияне», к сожалению, прививается крайне слабо.

Это обстоятельство во многом объясняется тем, что граждане России на сегодня, в зависимости от традиционных мест проживания, от отнесенности к различным регионам, республикам, областям и городам, из-за принадлежности к тем или иным народам, этническим и языковым группам, культурам, конфессиям и т.д., невольно становятся носителями сложной, множественной идентичности. Для подтверждения вышесказанного обратимся к современному бурятскому этносу, чья традиционная среда обитания и жизнедеятельности простирается на Республику Бурятия, Иркутскую область и Забайкальский край.

Идентификационные процессы, происходящие в среде современных бурят и обуславливающие необходимость осмысления и осознания ими самой себя как определенной этносоциальной целостности, необходимо подчеркнуть, непросты и неоднозначны, хотя они осуще-

ствляются в русле единых, вполне объективных закономерностей. Тем не менее, эти процессы применительно к современному бурятскому этносу отличаются большим своеобразием. В них сокрыто немало противоречий. Это явление, т.е. сами идентификационные процессы, в некотором роде напоминает многослойный «пирог», многомерную, «многоэтажную» конструкцию. По существу речь тут может идти о некоей мультиидентичности современных бурят.

Поэтому более или менее полная и развернутая идентификационная «карта» по отношению к бурятам как к некоторой этносоциальной и регионально-территориальной общности возможна только с учетом ее многопластного, многоуровневого характера. При ее построении актуальным представляется, прежде всего, анализ такого, по существу - латентного, уровня, как внутринациональные отношения (т.е. взаимоотношения среди самих бурят).

На этом уровне, казалось бы, проблема национальной идентичности бурят должна встать с особой остротой. Однако тщательное рассмотрение и анализ сложившейся ситуации в этом вопросе нередко свидетельствуют об обратном: грани, очерчивающие и определяющие функционально-предметное поле национальной идентичности, оказываются в немалой степени размытыми. Поэтому необходимо обосновать, насколько фактор национальной идентичности (идентификации) является или не является главенствующим детерминантом в структуре сознания, в менталитете современных бурят.

Неоднозначность ответа на такой вопрос может состоять в том, что сознание, менталитет нынешних бурят (в особенности старшего и среднего поколений) так или иначе, но всегда как бы пребывают в состоянии «разорванной цепочки». Этот «разрыв», причем, так сказать, не одноразовый, предзадан наличием в нем, по крайней мере, трех достаточно обособленных, автономных подуровней идентификации, требующих детального анализа ввиду отсутствия проблемной постановки этого феномена как в официальной печати, так и в исследовательской литературе. Первый из них можно определить как кланово-родовую идентификацию, имеющую весьма прочные и глубокие корни в сознании многих современных бурят. Этот традиционный «вид» идентификации на рубеже двух веков и тысячелетий успешно трансформировался в разного рода культы и празднества землячеств. Следующий подуровень непосредственно связан с идентификацией во многом условного, но вместе с тем очень устойчивого территориально-блокового характера (в границах известной, в практическом плане – зловерной, дихотомии «западные и восточные буряты»). К нему зачастую примыкает еще один пласт, «рассекающий» современных бурят по существу на три этнотерриториальные части – западные («баруун», «худари»), восточные («зуун», «хори»), южные («сонгоол»). И, наконец, третий подуровень (по существу – уровень, так как на нем в принципе должна достигаться тотальность, целостность охвата) предполагает собственно национальную идентификацию.

В результате такого «утроения» процесс формирования полноценного – единого – национального самосознания у современных бурят в значительной мере сковывается (главным образом – клановым их замыканием, территориально-блоковым их размежеванием и противопоставлением) и вылился в весьма непростую, хотя внешне и малозаметную, проблему, так или иначе требующую своего разрешения и в научном, и в практическом планах.

Из этих трех подуровней наиболее деструктивной, опасной с точки зрения национального единства, представляется территориально-блоковая идентификация по типу: «либо восточные, либо западные буряты». Она по существу способствует возникновению внутринационального раскола и противостояния.

Эти специфические моменты детерминированы рядом конкретных обстоятельств, в т.ч. национально-территориальной разьединенностью, языковыми, религиозными факторами. Язык и религия, будучи одними из основных факторов национальной идентификации бурят, тем не менее, в структуре их этнического самосознания оказываются на разных полюсах индикации. Например, шаманизм как основное вероисповедание большинства западных бурят в первую очередь выступает именно как их религиозно-этнический знак. Что же касается буддизма, которому традиционно поклоняются восточные буряты, то он, напротив, олицетворяет

в большей степени их религиозное своеобразие, как бы представляет их религиозно-этнический «портрет». Но вместе с тем имеет место немало дубль-фактов, когда многие буряты одновременно веруют в то и другое. В результате зачастую вырисовывается парадоксальная картина: общее число бурятских буддистов и шаманистов начинает превосходить реальную численность самих бурят (получается точно также как в Японии, когда общее число японских буддистов и синтоистов ввиду их некоторой биконфессиональности оказывается больше, чем само население страны).

Но имеет место биконфессиональность другого рода. Среди западных бурят немало и тех, кто одновременно почитает шаманизм и ходит в православную церковь. И есть такие буряты, кто, утверждая «бог един!», признает, так сказать, тройную веру: сознательно посещает буддийские монастыри и православные церкви, бывает на шаманских обрядах.

Неоднозначная ситуация сложилась и в отношении бурятского языка как фактора национальной идентификации. Суть ее заключается в проблеме становления национального языка государственным. В процессе ее разрешения выявились противоречие и разрыв между двумя уровнями: 1) де-юре, формально-статусный; 2) де-факто, реальный. Иными словами, официальное декларирование Закона Республики Бурятия о языках, конституционное закрепление бурятского языка в качестве второго государственного в рамках республики без соответствующего механизма реализации фактически «продвигают» его не дальше символического явления. В результате большинство современных (особенно молодых и городских) бурят слабо или вовсе не владеет языком, традиционно считающимся родным. Поэтому бурятский язык для них невольно предстает малозначимым индикатором в процессе национальной идентификации. Кроме того, бурятский язык в практическом плане продолжает оставаться многодиалектным. Отсюда литературный бурятский язык, основанный на хоринском диалекте, больше ассоциируется с его прямыми носителями - хори-бурятами, т.е. восточными бурятами.

Для современных бурят в некоторой степени характерны и другие уровни идентификации, носящие по сути наднациональный (вненациональный), территориально-региональный характер [2]. Учитывая важность Байкальского региона, признанного ЮНЕСКО участком мирового наследия, многие из них сознательно идентифицируют себя с этим регионом, по праву считают себя его «полномочными представителями». [3] Особенно это относится к ольхонским, кабанским, баргузинским бурятам, которые из-за географического положения их исконных территорий проживания зачастую себя идентифицируют с Байкалом, презентуют себя его «истинными представителями».

Следующим уровнем идентификации для бурят, безусловно, выступают «сибирство», «сибирячество» как форма особой региональной (территориально-географической) идентичности. Понятие «сибиряк» для них давно стало символом регионального единства, знаком принадлежности к особому территориальному образованию с исторически сложившимся единым хозяйственно-культурным укладом, с устоявшейся системой межэтнических связей. Подобные Сибирскому региону «территориально-географические общности являются достаточно целостными культурно-историческими образованиями, обладающими своими ценностными ориентациями, символами, стилем общественной жизни, наряду с административно-территориальными, поселенческими и др. сообществами» [1,10]. Поэтому неслучайно то, что современные буряты многие положительные качества, присущие собственно народу, не без гордости связывают с такими понятиями как «сибирский характер», «сибирская широта», «сибирская открытость», «сибирское мужество» и т.д.

В системе многомерной идентификации у современных бурят, безусловно, особое место занимает уровень общегражданской идентичности. Этот уровень непосредственно восходит к таким категориям как «Россия», «россиянин», «россиянка». Здесь несомненный приоритет придается идее единства и равноправия всех народов, населяющих великую Россию. Причем идея российского великодержавия ничего общего не имеет (во всяком случае, не должна иметь) с пресловутыми принципами «Россия для русских», «Россия для славян». Тем

не менее, как показывает ряд социологических опросов, проведенных в вузах г. Улан-Удэ, у бурятских студентов (2011, 2013) при определении общегражданской идентичности продолжают вызывать серьезное опасение и тревогу имевшие место в истекшем десятилетии в Москве, Санкт-Петербурге и других центральных городах РФ многочисленные факты вандализма и насилия, основанные на расовой нетерпимости, со стороны фашиствующих молодчиков по отношению к нерусским россиянам, в т.ч. выходцам из Сибири и Севера – бурятам, тувинцам, алтайцам, якутам и.д.

Поэтому в процессе формирования общероссийской идентичности принципиально важным представляется следующий императив: в фундаментальном послые «Россия как единая и нерушимая целостность и как объединяющий все российские этносы общий дом» необходимо высвободиться от довлеющих (или продолжающих довлеть) в сознании большинства россиян, включая и некоторую часть бурят, европоцентристских интенций и установок. На всех уровнях образовательной, воспитательной, познавательной и информационной работы должно быть осуществлено кардинальное переосмысление России именно как евроазиатской державы. Следует усвоить как базовый постулат, как неопровержимую истину то, что Россия по своим основополагающим параметрам (по понятию, по определению, исторически, территориально, в геополитическом плане, в хозяйственно-экономическом отношении, по своему духовно-культурному и конфессиональному многообразию, ментально и т.д.) никак не может быть чисто европейским государством. Россия – это Евразия, межконтинентальный феномен.

Таким образом, система идентификации у современных бурят представляет собой сложное и многомерное явление. Поэтому только компетентный анализ и учет его внутренне противоречивого, многоуровневого характера позволяют исследователю получить в необходимой полноте и особенностях отображение данного феномена.

Примечания

1. Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. СПб., 2003. С. 9-20.

2. Очирова О. А. Образовательная и экологическая культура бурят: целерациональный и ценностно-рациональный опыт жизнедеятельности // Вестн. ВСГУТУ. 2013. №5 (44). С.172-176.

3. Очирова О. А. Проблемы и противоречия социально-экологического развития регионов России: межпоколенческий и межкультурный аспекты // Вестн. ВСГУТУ. 2014. №3 (8). С.138-142.

УДК 39,001

Хилханов Д.Л.

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ CULTURAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF ETHNIC IDENTITY.

В статье анализируется значение и роль основных компонентов этнической идентичности.

The paper analyzes the significance and role of main components of ethnic identity.

Ключевые слова: маркеры этнической идентичности, этническая граница, культурная дистанция, производственный уклад.

Keywords: ethnic identity markers, ethnic boundary, cultural distance, production mode.

Сегодня мировые политические процессы демонстрируют устойчивость этнических границ, и даже их актуализацию в ряде регионов. Прошедший референдум Шотландии о не-

зависимости 18 сентября 2014 г., итоги аналогичного референдума в Крыму и последующее его вхождение в состав России, ставят перед нами новые задачи в области исследования и понимания этнических процессов.

В 1996 г. в США вышло в свет издание «Теории этничности: хрестоматия американских классических работ», в котором были собраны опубликованные в течение XX столетия исследования в данной области, получившие мировое признание. Предисловием данного издания являлась статья Вернера Соллорса. Указанный автор выбрал несколько узловых проблем этничности, вокруг которых сосредоточены исследования современных американских авторов: «этничность как принадлежность к этносу», «этничность и классовость», «содержание и смысл этнической самоидентификации в современности», «этническое ядро и установление границ», «ассимиляция и плюрализм», «раса и этничность» [4]. Данная схема, на наш взгляд, объективно отражает основные направления исследования этничности в современной науке. Историографический анализ, проведенный В. Соллорсом, демонстрирует отсутствие единого мнения буквально по всем теоретическим направлениям, что является следствием сложности и противоречивости рассматриваемых явлений и процессов, связанных с этничностью. Интересным в этом обзоре является тот факт, что американские антропологи и социологи уделяют большое внимание в своих исследованиях взаимосвязи этничности и социального. Например, признается, что взаимодействие понятий «этничности» и «классовости» является одним из основополагающих

Этничность – это прежде всего социальный и организационный феномен, когда проблема выстраивания этнических границ между группами определяется путем процесса приписывания к группе на основе диакритиков, основных культурных маркеров.

В отечественной литературе в советские годы наряду с базовыми понятиями *нация* и *этнос* ученые широко использовали понятия *национальность*, *национальное*, вкладывая в них сходное с *этничностью* содержание. Что касается термина «этничность», то до 70-х годов прошлого века в СССР он редко употреблялся в научных работах. В мировой науке концепция этничности развивалась в первую очередь в рамках антропологической теории, что являлось следствием политической активизации этнических меньшинств в развитых странах (выдвижение феномена этничности на первый план в научных исследованиях объясняется целым рядом факторов).

Таким образом, можно определить *этнос* как *определенную общность, сложившуюся в ходе исторического развития, существующее единство людей с общим самосознанием, заметно отличающимся от других групп и совокупностью как объективных (культура, язык, хозяйственный уклад и т.д.) признаков, так и субъективных (психологические черты, менталитет, религия.) характеристик.*

Этническая граница – это характеристика, которая описывает этническую группу не как территориально-административное образование, а как культурную и социальную общность людей. Этническая граница по Ф.Барту – это результат внутреннего социального конструирования или организации культурных и психологических различий в условиях взаимодействия данной этнической группы с другими группами [8].

В отечественной литературе понятие этническая граница заменялась понятием социальная и культурная дистанции, поскольку считалось, что эти понятия имеют сходное содержание [5]. При этом данное понятие использовалось в широком значении как мера сходства или различия не только в социальных позициях, но и в макросистемных социальных и социально-политических ориентациях этнических групп. Автор настоящего исследования согласен с обоснованностью такого подхода к изучению этнической границы. Действительно исследование социальных и культурных дистанций является основой определения этнической границы.

В настоящее время одной из наиболее актуальных теоретических проблем в области этничности является проблема значимости тех или иных факторов и компонентов (маркеров) этнической идентичности, соотношения различных компонентов в ее структуре. В работе

«Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России» Л.М. Дробижева с соавторами рассматривает проблему этнических границ в России через призму целого комплекса социально-культурных маркеров: политическая ситуация и социальный статус, идеология и культура, этнопсихологические стереотипы. Одними из таких маркеров являются социальный статус и социальная стратификация основных контактирующих этносов в республиках Российской Федерации. Авторы отмечают тот факт, что зарубежные исследователи всегда считали сходство в социальной структуре контактирующих народов одним из важных условий их благоприятного взаимодействия. Отечественные этносоциологи отмечали, что именно период значительных изменений в социальной структуре этнических групп повышает конкурентность и влияет на межэтнические отношения [5]. Авторы монографии считают, что социальное значение этнической идентичности четко проявляет себя, когда используется в конкуренции, антидискриминационных поисках путей развития или, наоборот, льгот в социальной мобильности, в местном доминировании, солидарности во имя социального контроля или использования ресурсов. В этом заключается основное отличие подхода Л.М. Дробижевой от концепции Ф. Барта. Другим весомым отличием является признание роли предпосылок исторического, социального, политического, экономического и социально-психологического свойства, которые способны стать маркерами этнических границ, провоцирующих конфликтность. Как известно, Ф.Барт является сторонником конструктивистского подхода и решающую роль в этнической мобилизации он отводит лидерам, которые преследуют политические цели.

Л.М. Дробижева в своей работе расширила список маркеров с целью выявления не только того, что разъединяет, разграничивает этнические группы, но и того, что их не отличает и не разъединяет, а возможно и объединяет людей разных национальностей в солидарные общности. Авторы проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» исходили из представления, что в полиэтнических обществах отношения между этническими группами не сводятся исключительно к поискам «чужаков», как считают многие западные специалисты в области этничности, а определяются интересами взаимодействия с живущими рядом людьми иных национальностей.

Необходимо отметить тот факт, что интерпретация концепции Ф. Барта Л.М. Дробижевой несколько отличается от интерпретации другого известного российского исследователя В.А. Ачкасова. Как уже отмечалось Л.М. Дробижевой, Ф. Барт понимает этничность как форму социальной организации культурных отличий. При этом этническая граница определяет группу, а первичную значимость имеют те культурные характеристики, которым группой придается маркирующее значение.

В.А. Ачкасов отмечает тот факт, что Ф. Барт рассматривает этническую идентичность скорее как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса, а процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий. Существенную значимость имеют только те культурные характеристики, которые используются для маркировки различий и групповых границ [1].

В отечественной этнопсихологии исследование феномена культурной дистанции было осуществлено Н. Лебедевой. Автор констатировал, что «социальная перцепция культурной дистанции – это субъективный образ ... (который) является как отражением объективной разности взаимодействующих этнических культур, так и отражением реальности межгрупповых отношений и внутригруппового состояния» [3].

Первыми зарубежными исследованиями в области культурной дистанции считаются работы А. Фэрнхэма и С. Бочнера. Также теории межкультурных различий разрабатывались специалистами по межкультурному менеджменту. Классическими в этой области считаются работы Г. Хофстеде и Ф. Тромпенаарса.

Обе теории предлагают набор культурных измерений, по которым могут быть сгруппированы доминирующие системы ценностей в тех или иных культурах. Эти системы ценностей во многом определяют человеческое мышление, чувства и действия, которые можно предсказать, если знать особенности типа данной культуры. Оба набора измерений отражают основные проблемы, с которыми сталкиваются любые общества, но решают их различными способами. Измерения могут быть сгруппированы по нескольким категориям:

В первой категории, «отношения между людьми», Хофстеде различает индивидуализм и коллективизм. Тромпенаарс в этой же категории проводит двойную дифференциацию: универсализм – партикуляризм и индивидуализм – коммунитаризм. Индивидуализм и его противоположность – коллективизм – это степень, в которой индивидуумы, по нормам данной культуры, либо живут своими собственными интересами, либо объединяются в группы, как правило, вокруг семьи. Позиционирование себя между этими полюсами – основная проблема, стоящая перед всеми обществами. По определению Хофстеде, «индивидуализм – это черта общества, в котором связи между индивидуумами являются свободными: каждый, как ожидается, будет заботиться только о себе и своем непосредственном семействе. Коллективизм характерен для общества, в котором люди еще до рождения объединены в сильные группы с тесными связями, которые на протяжении всей их жизни защищают их в обмен на беспрекословную верность группе» [9].

Исследование культурных границ как социального феномена и явления культурной дистанции провела Л.М. Дробижева при анализе взаимодействия титульных национальностей и русских в Татарстане, Туве, Северной Осетии и Саха-Якутии [2]. Данная работа послужила теоретико-методологической основой для группового исследовательского проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» и коллективной монографии, упомянутой выше. По мнению автора, понять культурную дистанцию можно только рассматривая ее комплексно в историческом, социальном и политическом контексте. Социокультурные различия зависят от сферы деятельности. При этом на характер этих различий влияет процесс рассогласования привычных статусных ролей в меняющейся стратификационной системе российского общества.

Помимо этнического самосознания, традиционными и наиболее изученными являются такие этнодифференцирующие маркеры, как язык, родная земля, этноним, культура, антропологическое сходство и религия.

На наш взгляд, большинство современных отечественных исследований делают упор в основном на языковых, религиозных, психологических и исторических характеристиках этносов, что несколько сужает представления об этнических границах. Автор согласен с тезисом, что родной язык – это традиционно основополагающий маркер этнической идентичности. В то же время необходимо учитывать, что в период глобализации его идентифицирующая роль у сравнительно небольших этносов неуклонно снижается [6].

К основным маркерам этнической идентичности относят и традиционные отрасли хозяйства или производственные уклады. Для каждого этноса очень важно, чтобы успешно развивалась главная, определяющая экономику этого народа отрасль хозяйства. Для чукчей, ненцев, эвенков, некоторых других северных народов – это оленеводство, для эскимосов и алеутов – морской зверобойный промысел, для якутов и бурят – скотоводство и т. п. «Традиционный хозяйственный комплекс – фундамент культуры любой этнической общности. Его сохранение и развитие – неперемнное условие сохранения и развития самих этнических общностей» [7].

Этнический состав населения большинства регионов закреплен в специфических производственных укладах, сложившихся на протяжении столетий проживания этносов на данных территориях. Совокупность этих традиционных хозяйственных укладов, непосредственно вплетенных в процесс воспроизводства и повседневную жизнь этносов, и составляет так называемую этническую экономику. В ходе своего развития этносы сформировали конкретные трудовые навыки, деятельностные мотивы, этнические предпочтения отдельных видов труда.

В свою очередь производственный строй оказал и оказывает определяющее влияние на формирование менталитета и специфического отношения к явлениям окружающего мира. Так например, кочевое скотоводство сформировало свою экологическую этику, основанную на бережном отношении к природе.

В регионах проживания коренных народов Сибири и Севера по-прежнему сохраняются основные элементы традиционного ведения животноводческого хозяйства, а также комплекса представлений и обрядов, связанных с животноводческой деятельностью. Этому способствует ряд факторов: исторический, природно-климатический, географический.

Зарубежный и отечественный опыт убедительно свидетельствуют, что народы, традиционное хозяйство которых сохраняет свои определяющие позиции в системе жизнеобеспечения, лучше сохраняют и все другие элементы традиционной культуры – язык, пищу, средства передвижения, особенности семейно-брачных отношений, хозяйственно-бытовой уклад и др.

В социальной практике люди имеют самые разные представления о своей этнической общности. Это объясняется тем, что этническая общность в основном представляет общность отдельных индивидов, каждый из которых воспроизводит этничность для самого себя. В частности, среди бурят существует ряд вариантов своей этнической идентичности: для одних – это родной язык и национальная культура, для других – буддизм или шаманизм, для третьих – любовь к родной природе, Байкалу и т.д. Этническая идентичность личностного уровня инвариантна.

Таким образом, основой этнической идентичности является совокупность таких объективных этнодифференцирующих признаков, как общность языка, общие черты материальной и духовной культуры, а также субъективных характеристик (особенности национального характера, или поведенческие и мыслительные стереотипы, наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, религия, отличающая членов одной этнической группы от другой).

Влияние социально-экономического фактора на этносы в целом и этническое самосознание является важным аспектом формирования этнической идентичности. Теория Ф. Барта напрямую связывает процесс формирования этнической идентичности со сферой социального взаимодействия, в том числе и в области хозяйственной деятельности этносов [8]. В этнологических исследованиях ученые (в основном представители примордиализма) традиционно уделяли и уделяют большое внимание культурным различиям (культурной дистанции) между этносами, в то время как процесс создания и поддержания этнических границ долго оставался вне их поля зрения. Барт исходил из того, что этнические группы представляют собой определенное организованное социальное взаимодействие, которое отличало одну группу от другой (социальная дистанция). Все остальные характеристики (в том числе культурные маркеры) он соотносил с этим основным, по его мнению, признаком. Таким образом, он сдвинул фокус исследования с внутренних культурных характеристик и исторических фактов отдельных групп к этническим границам и процессам их поддержания. С подобной позиции факт культурной отличительности группы рассматривается как результат, а не первичный организационный фактор.

Если этническая общность определяется как группа, основанная на процессах аскриптивности и исключения, то ее природа зависит в первую очередь от поддержания границы. Обозначающие ее культурные характеристики могут меняться, культурные признаки отдельных членов группы также могут трансформироваться, может видоизменяться даже форма социальной организации группы, однако факт длительной дихотомизации членов группы и «чужих» позволяет исследовать меняющиеся культурные формы и содержание.

Примечания

1. Ачкасов В. А. Этнополитология : учебник. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 31.

2. Дробижева Л. М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 44-63.
3. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 71-72.
4. Цит по: Майничева А. Ю. Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов : историограф. очерк. URL: <http://www.zaimka.ru>.
5. Социальная и культурная дистанции : опыт многонациональной России / Ин-т этнологии и антропологии РАН ; отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 385 с.
6. Хилханова Э. В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. 205 с.
7. Этнополитология / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Тураев. М. : Ладомир, 2001. С. 13.
8. Bart F. (ed.). Ethnic Groups and Boundaries. Boston : Little, Brown, 1969.
9. Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks : Sage Publications, 2000. С. 225.

УДК 81:39

Зориктуев Б.Р.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОНИМОВ SOME REFLECTIONS ON METHODOLOGY THE STUDY OF ETHNONYMS

В статье на основе обобщения преимущественно личного опыта выявлены и исследованы некоторые закономерности образования и функционирования этнонимов. Существенное внимание уделено обоснованию направлений изучения этнонимического материала.

In the article on the basis of the generalization mainly personal experience there were found and investigated some sequences of the formation and functioning of ethnonyms. The significant attention is paid to the clarification of the approaches to study the ethnonym material.

Ключевые слова: эндоэтноним, экзоэтноним, праформа слова, этническое самосознание.

Key words: endoethnonym, ekzoethnonym, archetype, ethnic self-consciousness.

Знакомство с этнической историей народов убеждает в том, что наиболее точное представление о происхождении этноса может дать расшифровка его самоназвания, или этнонима. Этноним (англ. – ethnonym, нем. – Ethnonym) – собственное имя народа, необходимое условие и предпосылка существования этноса, стержневой элемент его коллективного самосознания. Наряду с устойчиво функционирующими самоназваниями (эндоэтнонимами), бытуют экзоэтнонимы – названия, данные этносам другими народами. Такие имена нередко существенно отличаются не только от эндоэтнонимов, но и друг от друга. Например, народ с эндоэтнонимом *Deutsch* по-русски называется «немцы», по-английски – «*German*», по-французски – «*Allemand*», по-итальянски – «*tedesco*» и т.д. [6, с. 151; 5, с. 196; 7, с. 623].

Правильное решение проблемы происхождения и смыслового значения этнонимов означает наиболее эффективное выявление и изучение этнических связей, которые развивались внутри этноса и привели к его сложению. Согласно общепринятой точке зрения, этнонимы содержат некую характеристику называемых этносов. Содержащиеся в них оценки всегда исторически обусловлены и тем самым представляют большую ценность как исторические свидетельства [4, с. 3]. Но изучение этнонимов актуально не только для решения проблемы этногенеза, но и лингвогенеза народов. Этнонимика (не путать с этнонимией! – Б.З.), исследующая совокупность этнических наименований, является частью ономастики. Та, в свою оче-

редь, изучая все разнообразие собственных имен, составляет важнейший раздел лексикологии. Поэтому исследование этнонимов, которые, будучи очень давними по времени образования терминами, содержат в себе не только ценную историко-культурную, но и лингвистическую информацию, дает возможность объяснить генезис и эволюцию имен, проследить по ним пути этнических миграций, культурные и языковые контакты между народами.

Несмотря на то, что в последнее время этнические названия становятся предметом все более целенаправленного исследования, замечание о том, что на каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной, сохраняет свою силу [4, с. 15]. Это объясняется тем, что во многих работах либо отсутствует, либо крайне низок уровень теоретического осмысления вопроса, как возникает этноним. Не снижается процент трудов, авторы которых не видят необходимости изучения роли тех внешних факторов, которые вызывают к жизни появление имен. Зато в них часто проскальзывает мысль, что этнические наименования могли возникать спонтанно, в результате действия каких-то неизвестных внутренних причин, найти которые невозможно. Под пером авторов таких работ этимологизация имен напоминает занимательную игру по угадыванию сначала отдельных частей лексемы, а потом всей лексической единицы как правило из словарного состава своего родного языка. Между тем изучение и сопоставление этнонимии (совокупности этнонимов. – Б.З.) разных народов убеждает в глубокой социальной мотивированности этнических наименований, т.е. возникновение имен было тесно сопряжено с конкретной исторической эпохой, средой обитания, спецификой хозяйственно-культурных типов, образом жизни, совокупностью ментальных установок, религиозных представлений, своеобразием этнического окружения и т.д. Нет нужды лишней раз доказывать, что изучение перечисленных и других объективных факторов образования этнонимов является необходимым и важным шагом в понимании того, как могло возникнуть то или иное имя. Венцом же исследования имен является определение их семантики, являющейся, с одной стороны, ключом к пониманию неизвестных ранее аспектов истории языка, с другой, - способом выявления и раскрытия разных уровней объединительных процессов, завершившихся сложением этноса.

Точная расшифровка имени возможна в случае нахождения его первоначальной формы. Важно знать, что этнонимы (если не все, то большинство – Б.З.) не представляли собой что-то неизменное, они изменялись, в некоторых случаях даже не один раз, во времени, что прямо зависело от характера развивавшихся внутри этноса процессов. Если не выявить первоначальную форму, то найти правильное значение слова никогда не удастся. Мне кажется, что именно по этой причине громадное количество имен до сих пор остаются не этимологизированными. Наиболее часто праформу слова пытаются определить путем использования известных на сегодня архаических языковых норм. Но это очень шаткий и ненадежный подход, потому что не так просто определить время и конкретный язык, к которому относилось слово. Поэтому единственно верным путем остается отыскание исходной формы слова в как можно ранних по времени создания письменных источниках, анализируя ее в том виде, в каком она дана в памятниках.

При определении первоначальной формы этнонима раскрыть ее содержание уже не составляет труда. Исследователь получает возможность полнокровного использования главного, недоступного прежде источника – самого имени. С его помощью он в состоянии теперь прояснить многие неразработанные ранее вопросы глубоко архаичного лексического состава изучаемого языка и понять коренные проблемы начального этапа этногенеза той или иной общности, потому что в этнониме в сжатом виде заключен тот единственно верный материал о языке и истории его носителей, какой невозможно сыскать ни в одном другом источнике. Что касается современной формы этнонима, то оперируя им можно изучить относительно недавнюю историю этноса. Углубление в более ранние периоды неизбежно приведет к ошибочным выводам, не имеющих никакого отношения к реальной истории прошлого.

Примечательной особенностью этнонимобразования является то, что самоназвания не придумывали и не давали себе сами этносы. Большая часть имен получена со стороны. Вна-

чале данные соседями имена функционировали в роли прозвищ. Лишь по истечении некоторого времени они, если не ущемляли достоинство этносов, закреплялись за ними как их самоназвания.

В этнонимии имеются довольно близко совпадающие по звучанию названия. Таковы, например, бытующие в Сибири и сопредельных территориях имена: *хорчин* ~ *харчин*, *таргут* ~ *торгут*, *хори* ~ *хоро*, *тумат* ~ *тумэт*, *хонгодор* ~ *хунгират*, *бурят* ~ *бурут*, *бурут* ~ *буркут* (*мюркют*) и др. Сходство названий – игра случая, скрытые правила которой отнесли к категории этнонимов некоторые похожие по произношению слова. Такие имена требуют к себе повышенного внимания. Схожесть названий вовсе не означает, что они имеют общие корни. Чтобы не впасть в ошибку и не отождествить внешне созвучные, но имеющие разное семантическое наполнение слова, необходим тонкий и скрупулезный анализ каждого из них. Например, на первый взгляд кажется, какое может быть различие между словами *хори* и *хоро*. Однако *хори* – это название племенной общности, жившей на берегах Байкала (Баргуджин-Токум), *хоро* (мн.ч. - *хоролор*) – крупной этнической группы в составе якутов. Первопредками хоролоров являются прилетающие из теплой южной страны Хоро сирэ Ворон и Орел. Хоролоры почитали Ворона и Орла и называли их «Наш дедушка», «Наш предок». В мифах говорится, что хоролор во время наводнения лежал в безлюдной местности и умирал от голода и холода. Вдруг прилетел Ворон и подал ему трутницу с огнивом. Тот развел огонь и остался жив. Такие же типологически одинаковые мифы имеются в фольклоре северо-восточных чукчей, коряков и ительменов. У баргуджин-токумовских хоринцев племенная мифология по существу сведена к одному мифу об охотнике Хоридой-мэргэне и его браке с птицей-лебедем, превращающейся в девушку. Этот миф резко контрастирует с «вороньими» и «орлиными» мифами, что является отражением разного миропонимания и, главное, разного происхождения хоролоров и хоринцев. Хоролоры, в отличие от монголоязычных хоринцев, имеют нижнеамурские палеоазиатские генетические корни [3, с. 120-121, 123-127].

Следует особо подчеркнуть, что этноним является внешним проявлением наиглавнейшего признака этноса – этнического самосознания. Утрата этнического самосознания, выражающего чувство принадлежности к определенной этнической общности и являющегося отражением в сознании людей реально существующих этнических связей [6, с. 114, 151], означает распад и смерть этноса. Возникший на его месте новый этнос имеет другое самоназвание. Поэтому иногда встречающееся утверждение, что после исчезновения этноса его имя спустя ряд веков может возродиться в другой общности, является грубейшим извращением основных положений теории этноса. К примеру, линия развития средневековых монголоязычных народов представляла собой цепь последовательно сменявших друг друга этносов. В начале были дунху, после них появились сяньби, ухуани, жужани и нынешние монголы. Если бы исчезнувшие этнонимы обладали свойством появляться снова, то сейчас на этнической карте вновь существовали бы четыре первых названных, а также другие давно канувшие в Лету имена: хунну, ухуань, кидань, кумоси и т.д. Но их нет, что говорит об абсолютной беспочвенности мнения о некоей возобновляемости этнических наименований.

Изложенные подходы к изучению этнонимов можно кратко проиллюстрировать на примере имен *бурят* и *монгол*. Проблема этимологизации имени *бурят*, как, впрочем, и *монгол*, является одной из старейших и нерешенных в востоковедной науке. Главная ошибка исследователей заключалась в том, что они не пытались найти точную первоначальную форму названия *бурят*. Имя рассматривалось в отрыве от реального исторического контекста, вне связи с объективными предпосылками его возникновения. Это приводило к тому, что образование этнонима относили то к эпохе хунну, то к древнетюркскому времени, то к XVII в., считая его русизмом. Крупным недостатком было то, что имя изучалось без привязки к конкретному типу этнической общности, т.е. исследователи не осознавали, с чем имеют дело: то ли с племенным названием, то ли с именем народности. Отсутствие наименования *бурят* в письменных памятниках до присоединения Байкальского региона к России, объясняли его невостребованностью. В XVII-XVIII вв., когда началось активное формирование бурятской народности и

для ее обозначения потребовалось имя, этноним *бурят* после долгого перерыва был снова введен в употребление. В целом знакомство с опубликованной литературой показывает, что вся неопределенность с названием *бурят* была обусловлена тем, что у авторов не было четкого ответа на вопрос, как надо исследовать данное имя.

Между тем все источники однозначно свидетельствуют о том, что этноним *бурят* с самого возникновения был именем народности, складывание которой началось на западной стороне Байкала. В ее образовании и становлении прослеживаются три этапа, каждому из которых соответствует та или иная форма имени *бурят*. Первый этап (XVI – XVII в.) – сложение племенного объединения как этнической основы бурятской народности на западной стороне Байкала. Второй этап (начало - 60-гг. XVIII в.) – включение в объединительные процессы населения Забайкалья. Третий этап (40-е – 80-е гг. XVIII в.) – осознание жившими по Селенге монгольскими родами своей принадлежности к бурятскому этносу. Завершение процесса образования бурятской народности.

В рамках первого этапа в Предбайкалье сформировалось прочное племенное объединение (соплеменность) в составе булагатов, эхиритов и других этнических групп, на базе которого позже сложилась народность. Оно называлось *бурат*, что с монгольского значит «народ, живущий в лесистой местности», кратко «лесные». Это имя, которое записывалось появившимися на Ангаре в начале XVII в. русскими казаками как *браты*, было дано степными племенами Монголии.

В границах второго этапа название *бурат* приняло форму *бурэт*. В начале XVIII в. консолидационные процессы перекинулись на восточную сторону Байкала и ускорили трансформацию соплеменности *бурэт* в общность более высокого уровня – народность, занимавшей территорию уже на обоих берегах Байкала. Установление в 1727 г. русско-китайской границы, что означало окончательное присоединение Предбайкалья и Забайкалья к России, с неизбежностью привело к тому, что в орбиту объединительных процессов оказались вовлеченными хоринцы и многочисленные монгольские роды на юге Забайкалья. Как следствие этого, наименование *бурэт*, распространившись в Забайкалье, стало употребляться в качестве общего имени всего населения. В результате к 70-м гг. XVIII в. в Забайкалье, как и ранее в Предбайкалье, установилось общее название *бурэт*.

Данный факт можно было бы расценить как сложение контуров новой народности. Но образование народности не было завершено. В начале третьего этапа, в 40-х гг. XVIII в., у живших по Селенге монголов под влиянием особенностей их языка название *бурэт* стало приобретать известную ныне форму *бурят*, которой до этого у Байкала никогда не было. Имя *бурят* в условиях довольно сложных отношений России с Цинской империей по вопросу о забайкальских монголах не без помощи российского правительства получило быструю известность в стране в качестве официального наименования формировавшейся народности. Варианты *бурэт* и *бурят* имеют то же значение («лесные»), что их общая исходная форма *бурат*.

В 80-е гг. XVIII в. *бурятами* называло себя большинство населения Забайкалья. Исключение составляли северные районы, где предбайкальские выходцы именовали себя по-старому *бурэт*. Это означало, что объединительные процессы по обе стороны Байкала получили свое завершение. Образовалась бурятская народность, имевшая такой важный для этого типа общности признак как единое этническое самосознание. Стержневым его элементом было имя *бурят*, благодаря ему все население осознавало свою принадлежность к единому бурятскому народу. Так как становление самосознания, скрепившего все части этноса, относится к 80-м гг. XVIII в., то данный рубеж может считаться временем образования бурятской народности [1, с. 208-239].

Что касается имени *монгол*, то оно название возникло в северо-восточном Китае на правобережье р. Эргунэ (в русском написании – Аргунь) в известной по письменным источникам местности Эргунэ-кун, где после сокрушительного поражения от врагов укрылись предки монголов. Местонахождение прародины монголов было установлено международной экс-

педицией, в 2004-2006 гг. проводившей исследования по ее поиску и идентификации. Автором идеи о необходимости проведения экспедиции в долине Эргунэ и Хайлара, ее организатором и руководителем был автор настоящей статьи.

Эргунэ-кун представляет собой сравнительно небольшое степное пространство в окружении гор и глухой тайги на месте соединения Эргунэ и его притока Цзилюхэ, который до переименования китайцами имел тунгусское название Мангу. Там на двух высоких плато (одно на берегу Эргунэ, другое – в устье Цзилюхэ, на этом плато располагалась ставка вождя предков монголов) сохранились остатки двух городищ, а на гребне крутой горы – поселения, выполнявшего роль наблюдательного пункта. Эти объекты специалистами по найденным на них артефактам определены как существовавшие в эпоху династии Тан и принадлежавшие ранним монголам (мэнью шивэй). Обращает на себя внимание тесная взаимосвязь других основных моментов. В древнемонгольском языке слово *кун* означало одиночные горы с крутыми склонами. Такими же возвышенностями являются плато и гора вблизи Эргунэ, вызвавшие появление топонима Эргунэ-кун. Гористая правобережная сторона Эргунэ до сих пор называется своим древним именем Шивэй. В источниках танской эпохи впервые упоминающееся имя *монгол* записано в форме *мэнью шивэй*. Эти данные, а также содержание гидронима Мангу, о чем будет сказано дальше, дают право утверждать, что прилегающая к Эргунэ территория являются той самой местностью Эргунэ-кун, где в эпоху Тан находились предки монголов.

Этимология названия *монгол* всегда привлекала внимание ученых. Одним из первых к его разгадке обратился Д.Банзаров. В статье «О происхождении имени *монгол*» он писал, что это имя «без всякой натяжки... разлагается на мон-гол, “река Мон”. Значение этих слов прямо указывает, откуда произошло это имя, т.е. от реки, на которой жил самый народ». Статья Д.Банзаров была опубликована в 1849 г. в Казани. Но еще до выхода ее в свет он признался в ошибочности своего предположения, о чем сообщил в своем письме от 4-го января 1849 г. акад. А.А.Шифнеру.

Хотя Д.Банзаров ошибся в вопросе о происхождении названия *монгол*, его гипотеза о двусложной конструкции этого этнонима (мон + гол) оказала заметное влияние на ряд последующих исследователей, направив их по неверному пути. Так, Ч.Хасдорж писал, что значение слова *монгол* – «главное племя мон», Намжилцэвэн – «истинный центр», Ли Дунфан – «вечная река» и т.д. Все ошибочные трактовки этнонима *монгол* предопределены тем, что авторы не провели его глубокого анализа и, как в случае с именем *бурят*, не попытались найти его точную первоначальную форму.

Но монголоведам повезло в том плане, что в их распоряжении имеется «Тайная история монголов» – выдающийся памятник монгольской историографии, созданный, что важно, самими монголами. В монгольском тексте источника имя *монгол* передано в форме *мангол*, что говорит о том, что в XIII в. еще сохранялась эта первоначальная его форма. Слово *мангол* состоит из двух частей: корня *манго*, соотносимого с названием р. Мангу (Цзилюхэ), притока Эргунэ, где в ее низовье, напомню, располагалась ставка вождя прибывших в Эргунэ-кун предков монголов, и суффикса множественного числа *-л*, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение «те, которые живут на реке Мангу».

Вначале слово *мангол* было прозвищем, полученным предками монголов от шивэйских племен. Позже сформировавшееся со временем новое этническое самосознание обусловило то, что оно закрепилось у них как самоназвание. Последующая эволюция имени *мангол* привела к тому, что оно после выхода монголов из Эргунэ-куна и прибытия к истоку Онона (предположительно в конце VIII в.), завершения формирования дарлекино-нирунской группы (нач. XII в.) – этнической основы современного монгольского народа, называемой в источниках «коренные монголы Трехречья», приняло общеизвестную сейчас форму *монгол*. Трансформация этнонима (*мангол* → *монгол*) произошла после XIII в. Семантика имени *монгол* та же, что у его исходной формы [2, с. 48-49, 53-56].

Примечания

1. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М. : Вост. лит. РАН, 2011. 278 с.
2. Зориктуев Б. Р. Об этимологии этнонима *монгол* // Восток. 2011. № 1. С. 47-57.
3. Зориктуев Б. Р. Якутские хоролоры: кто они? (к проблеме этнической идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 120-127.
4. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 5-33.
5. Садохин А. П. Этнология : учеб. словарь. М. : Гардарики, 2002. 208 с.
6. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. М. : ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. 216 с.
7. Тавадов Г. Т. Этнология : соврем. словарь-справ. М. : Диалог культур, 2009. 704 с.

УДК 291

Зомонов М.Д.

ОСНОВЫ ВЕРОВАНИЯ БУРЯТСКОГО ШАМАНИЗМА: ПРИНЦИПЫ И ИДЕАЛЫ THE BASICS OF BURYAT SHAMANISM BELIEFS, PRINCIPLES AND IDEALS

В статье кратко рассматриваются основные принципы и идеалы верования бурятского шаманизма.

The paper briefly considers principles, ideals and beliefs of the Buryat shamanism.

Ключевые слова: дискурс, принципы, идеалы, шаманизм, тэнгэрины, хаты, шаманы.

Keywords: principle, ideal, shamanism, tengerins, khans, shamans, discourse.

В бурятском шаманизме признаются три мира, расположенные по вертикали, а именно: небесный, земной и подземный. Так, в небесном мире живут 99 тэнгэриев во главе Хухэ Мунхэ тэнгэри (Синего Вечного неба). Небо считается мужским началом бытия, а Земля (Улгэн Эхэ Дэлхэй) – женским началом. Подземный или Нижний мир возглавляется божествами - четой Эрлэн хан и Эхэ Нур-хатан. Очевидно, небесный мир или верхний мир следует сравнить с райским миром - идеальным миром, миром божеств – тэнгэриев. На наш взгляд, данный мир отражен в сакральном фольклоре, а в полном объеме - в эпосе «Гэсэр», который является уникальным культурным наследием бурятского этноса, и его сравнивает с «Теогонией» Гесиода и с «Илиадой» Гомера. Ипостасью данных фольклорных памятников является Эсэгэ Малаан Тэнгэри, чье имя в буквальном переводе означает «Отец Лысое Небо», и в переносном смысле «Отец ясное Небо», представленный как старший сын Манзан Гурмэ. Эсэгэ Малаан баабай – небесный отец – прародитель бурят, согласно материалу культовой поэзии, и он тоже – глава 55 западных тэнгэриев [1].

Бинарным партнером Эсэгэ Малаана выступает Асарангуй Хара тэнгэри («Черный тэнгэри Асарангуй»), считающийся старшим сыном Маяс Хара, возглавляя поколение 44 Восточных богов. Согласно мифу, ранее они считались светлыми и добрыми, составляя единство под руководством Асарангуй тэнгэри. По М.Н.Хангалову – этнографу, после его смерти произошел раскол в рядах небожителей. Термин «асарангуй» означает «Милостивый». Хан Хормуста, считающийся сыном Эсэгэ Малаана, оттесняет своего отца и становится главой Западных 55 небожителей.

Атай Улаан считается вторым сыном Маяс Хара и младшим братом Асарангуй Хара Тэнгэрия, которого он фактически замещает в качестве главы Восточных 44 небожителей. Разгорелся небесный конфликт между Хан Хормустой и Атай Улааном, что выражает смену поколений небожителей и утверждение нового правителя в Верхнем мире в качестве главного бога неба. Западные 55 тэнгэриев – светлые, добрые, а Восточные 44 тэнгэрии – черные, злые.

Восточные считаются «нозологическими» (от греч. *nosog* - болезнь) божествами, насылающими недуги и эпидемии на людей и домашний скот. Согласно мифу, происхождение зла связано с метаморфизмом расчлененных частей тела Атай Улана, сброшенных с неба на землю Хан Хормустой, из которых возникают воинственные монстры и чудовища – мангадхай, представляющие угрозу для существования человеческого рода. А Западные небожители защищают людей от нашествия демонических сил: мотив небесной теомеханики переносится на землю.

Хухэ Мунхэ тэнгэри – Синее Вечное Небо управляет всем миром. Кстати, вера в Синего Вечного Неба в бурятском шаманизме позволяет утверждать о том, что бурятский шаманизм как бы достиг до монотеизма в этой своей части, а вера в 99 тэнгэриев связана уже с политеизмом. И эта вера объединяет всех шаманистов в единую конфессию, что позволяет также говорить о том, что шаманизм выступает в качестве национальной религии и в наши дни.

Связующими звеньями Небесного и Земного (Верхнего и Среднего) миров является сыновья супружеской четы Эсэгэ Малаана и Эхэ Юурэн, а именно: по одной версии, Хан Хутэ баабай, Хан Шаргай ноён и Хилман Сагаан ноён – три сына, а по другой – 9 сыновей: Хан Шаргай, Хутэ Нойон баабай, Улаан Зала мургэн, Хараасгай зарин, Хан Хурьгай-ноён, Хэрмэшэ Нойон баабай, Хан Мунгэтэ Заарин, Эмнэг Сагаан-нойон и Буха-ноён баабай, что связана с иерархической системой бурятского шаманизма в целом. Числа 3 и 9 считаются сакральными в шаманизме.

Согласно мифу, Эсэгэ Малаан нередко разрешал сыновьям спускаться в созданный им мир для общения с людьми, в результате чего небесные существа однажды осквернились, приняв земную пищу. Это послужило поводом их строгому отцу предложить своим детям сменить небесное местожительство на земное. Сыновья, покинув пределы синего неба, избрали в качестве священной обитатели вершины Саянских гор, превратившись в 99 западных хатов – покровителей людей во главе с Хан Шаргай-нойоном. Об этом факте говорится в шаманском гимне – дурдалга следующим образом:

Эсэгэ Малан тэнгэри
Девять сыновей имел.
Девять сыновей
На нижнее замби – землю спускаясь
На западные крутые
Белые гольцы
Сосредотачиваясь спустились,
Девяносто белыми хатами стали,
Девятью полными старцами стали...
Держа верховенство над хатами
На западных крутых Белых гольцах
Трон – сиденье сделал
Хан Шаргай – ноён...

Дополнением к характеристике Эсэгэ Малаана как бога – отца является институт его божественных дочерей, количество которых достигает девяти: Халиндар хатан, Ялбагана хатан, халбаргана хатан, Оргомо хатан, Оробсор хатан, Ехэ хатан, Бэлэгэнэ хатан, Хэлдэр хатан и Бэшэмшэ хатан. Вся эннеада дочерей Эсэгэ Малаана считаются богинями – покровительницами женщин и различных видов женского ремесла, как-то: вязанья, шитья, кройки, катания войлока и т.п., а также женского тайлгана «тухэроон». Их появление на Земле аналогично мифу о появлении в среднем мире 9 сыновей Эсэгэ Малаана [2].

Таким образом, если быть кратким, небесный мир постоянно покровительствует земному, цивилизуя его во всех сферах общества: в экономическом, политико-правовом, социальном и духовном - словом, аккультурация идет с Верхнего мира в Средний и Нижний.

В Среднем мире – на Земле духовными существами являются божества, хаты, духи и души, что связано с олицетворением сил природы, общества и человека. Все бытие этого ми-

ра обожествлено, одухотворено, одушевлено и оживлено и связано с монотеизмом, анимизмом, тотемизмом, фетишизмом и магией. Они коррелируют с индивидуальной, групповой и общечеловеческой культурой на базе традиционализма, трайбализма и т.д. бурятского этноса, вызывая индивидуальные, семейные, родоплеменные, общенациональные обряды, как-то: угаалга и һунэһэ дуудалга, хада тахилга, обо тахиха, тайлган и т.д.

Наконец, Нижний мир, где царствует Эрлэн-хан – царь преисподней, подземного мира. Очевидно, подземный мир шаманизма ассоциируется с адом в мировых религиях. Правда, там жители являются карликами – ростом с локтя человека.

С учетом веры в три мира бурятского шаманизма следует фрагментарно упомянуть следующие основные принципы картины мира и мировоззрения шаманистов:

- *мифологический*, связанный с верой в божеств, хатов, духов и душ;
- *онтологический* - все бытие олицетворяется, персонифицируется, оживляется;
- *антропологический* – человек осмысливает свое тело и душу, взаимоотношение человека с душой, духами, божествами и т.д.; шаманист приходит к убеждению о том, что душа бессмертна, а тело смертно;
- *гносеологический*: а) рациональный (призывание божеств, хатов, духов и душ без транса; б) эмоциональный (призывание с трансом);
- *духотворческий*, где с помощью семиотических знаков, особенно вербальных, символических и т.д. шаманы коммуницируют с сакральными существами трансперсонального мира.

Кульминацией и центральным пунктом веры тэнгэриев, хатов, духов и душ является общение (монолог, диалог) в ходе обрядов с этими духовными силами, которые либо помогают, либо вредят людям в их жизнедеятельности. Основная цель и мечта шаманиста – жить в добром согласии с духами. Отсюда вытекает все ценностные идеалы шаманизма.

Далее, кратко перечислим основные типы идеалов бурятского шаманизма:

1) *Социально-экономический идеал* шаманизма характеризует труд бурята, зависящий от духов, олицетворяющих сферу экономики – это скотоводство, охота, рыболовство и т.д.

2) *Социально-экономический идеал*, связанный с верой бережного отношения к окружающей экологической среде – с культом природы, а именно: с растительным и животным миром, с хтоническими элементами мира - водой, воздухом, огнем, землей – словом, с природой Байкальского региона.

3) *Социально-политический идеал* шаманизма содержит представление о приоритете власти духов над человеком и его душой, олицетворяющих правовой тип взаимодействия с объединением в государстве (Республики Бурятия, Российская Федерация).

4) *Нравственно-этический идеал* шаманизма заключается в признании западных добрых 55 тэнгэриев, доставляющих людям счастье, и 44 восточных грозных тэнгэриев, опасных для человека, «ниспосылающие» людям всевозможные бедствия – эпидемии, засуху, голод, падеж скота и т.д. Западные божества олицетворяют добро, а восточные – зло. Этот идеал полностью реализуется в нравственных принципах клятвы шаманов «шахал», которые перекликаются с нравственными принципами буддизма, христианства.

5) *Мировоззренческо-тотемический идеал* состоит в представлениях о зооморфных духах, например, в виде быка, волка и т.д.

6) *Мировоззренческо-анимистический идеал*, связанный с верой в духов и душ – с анимизмом.

7) *Мировоззренческо-политеистический идеал* – вера в богов Неба, связанная с культом небесных тел (культ Солнца, Луны, Венеры, Большой и Малой Медведиц и т.д.)

8) *Художественно-эстетический идеал* объявляет эстетичным всё то, что выражает шаманскую концепцию мироощущения, мировосприятия и миропонимания. Образы божеств, духов и душ является предметом художественного творчества (символы, эмблемы, модели и т.д.).

Следовательно, указанные выше идеалы объединяет людей, и они возникают на основе природного, эмоционального, речекоммуникационного, деятельностного и правового взаимодействий, т.е. на базе всех типов взаимодействия в природе и обществе. Так, общество шаманов – система субъектного типа, элементы которой (шаманы и шаманские организации) находятся в деятельностном взаимодействии в ходе всех индивидуальных и групповых обрядов.

Носителями указанных выше принципов и идеалов являются шаманы и шаманки, потомственные по отцовской или материнской линии, прошедшие особую школу подготовки, побывавшие в роли ученика у старого опытного шамана «Эсэгэ». Бурятские шаманы в течение своей жизни могли пройти несколько посвящений под названием «шанар», каждый раз поднимаясь на новую ступень шаманской иерархии, повышая свой статус в обществе, пополняя свои аксессуары новыми атрибутами. Так, существует 9-13 этапов – ступеней посвящений. 9-ое посвящение давало право называться «зарин» - высший, а 13 – «Гэгэн-зарин» (буквально означает «Святой-зарин»).

Названия посвященных шаманов

1. Шанартай
2. Жодоото
3. Шэрээтэ
4. Нойтлоһон
5. һорьбито
6. оргойто
7. хэсэгэ
8. дуурэн
9. зарин

Название непосвященных шаманов

1. Хаялгаша
2. Ябган
3. Хуурай
4. Заяанай
5. Тайлгаша
6. Минааша (шаман с кнутом)

Шаманы, находящиеся в состоянии транса «онго оруулха», могут быть: а) на психодинамическом или биографическом уровне бессознательного, диалогизируя с духами – онгонами предков кровного родства; б) на уровне архетипов и коллективного бессознательного; в) на уровне индивидуального и трансиндивидуального (интерсубъективного) бессознательного; г) на третьем трансперсональном уровне бессознательного, где переживания пренатального и перинатального переплетаются с переживанием трансперсонального характера или мистического типа.

Трансперсональные переживания шаманов включает в себя генетическую (родовую, расовую) память о предыдущих жизнях, филогенетическую и эволюционную память, а также различные формы расширения сознания вплоть до переживания Абсолюта и т.д.

По мнению ученых, вхождение в транс и выход из транса бурятских шаманов и шаманок является их уникальным феноменом духовной культуры, удивительным опытом трансляции информации от онгонов (божеств, хатов, духов) к самому шаману и к его окружению, которые заинтересованы в советах, предсказаниях и прогнозах трансперсональных существ.

В традиционной социологической парадигме считается, что магия, анимизм, фетишизм и шаманизм является формами ранней религии. Установлено, что аниматизм, анимизм, тотемизм связаны с рядом трансперсональных переживаний – с чувством слитности со всей жизнью во Вселенной, с видением «духовных сущностей» людей и иных существ с переживаниями «сознания» неодушевленных субстанций и с коллективно-расовой (племенной), филогенетической и кармической памятью, поэтому они носят религиозный характер, а что каса-

ется магии и фетишизма, то они не имеют такого характера и не связаны с трансперсональными переживаниями.

По мнению ученых, только шаманизм можно назвать перворелигией человечества, которую можно определить как систему психотехники и которая имеет следующие свои аспекты: а) «шаманскую» болезнь, б) инициационные ритуалы, в) переживания и камлания.

Камлание как основная форма шаманской психотехники включает в себя «волшебный полет» в небесный мир и нисхождение в подземный мир.

Известно, что шаманизм встречается по всему Земному шару, являясь совокупным коллективным достоянием всего человечества. Он воплощает в себе родовое свойство человека и человечества. Шаманизм народов мира внутренне един и одновременно самобытен и уникален. Бурятский народ, обладающий собственной традиционной культурой шаманизма, вносит определенный вклад в общую сокровищницу культурных достижений человечества. Многообразие и единство культур шаманов является объективной реальностью. Потеря шаманизма как традиционной культуры бурятского этноса неизбежно обернется потерей для всего человечества. На фундаменте ранней религии, в частности шаманизма, зиждутся национальные и мировые религии. По нашему мнению, бурятский шаманизм является традиционной национальной религией бурят, функционирует в рамках свободы совести Российской Федерации, наряду буддизмом, православием и т.д. Толерантность шаманизма известно жителям Байкальского региона, потому что его верующим является люди разных национальностей и рас. Это, безусловно, касается шаманской организации «Хан тэнгэри» г. Улан-Удэ, где идет строительство культурного центра шаманизма; данный центр, по нашему убеждению, будет выполнять и функцию музея артефактов традиционной культуры, привлекая туристов не только Российской Федерации, но и зарубежья. Российская Федерация в год культуры (2014 год), очевидно, будет оказывать правовую и финансовую помощь в возведении и функционирования названного центра в местности Комушка г. Улан-Удэ в русле ее культурной политики в рамках своего культурного пространства, ибо верование бурятского шаманизма построено на фундаменте принципа любви к космосу – Небу и матери Земля, к человеку – человечеству, к гражданину – государству, к личности – обществу, к индивиду – роду, к самосознанию – мыслящему духу Тэнгэри, ибо шаманы ратуют за добро, ведя борьбу со злом.

Примечания

1. Зомонов М. Д., Зомонов Ж. М. Эзотеризм и анимизм как феномен шаманизма. Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. 227 с.

2. Зомонов М. Д., Зомонов Ж. М. Стиль мышления шаманизма. Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2011. 132 с.

УДК 294.3(=512.31)

Жамбалова С.Г.

НОВАЯ НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА БУРЯТ-БУДДИСТОВ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ THE NEW FOLK RELIGIOUS PRACTICE OF BURYAT BUDDHISTS - AN ANSWER TO CHALLENGES OF THE SOVIET TIME

В статье на основе литературных сведений и полевых материалов рассматривается сангарил, малоизученная традиция коллективного моления мирян в домашних условиях. Выдвигается гипотеза, что сангарил впервые возник нелегально в ответ на вызовы советского атеистического прессинга по инициативе бывших буддийских лам. Тактическая цель сангарила – обслуживание религиозных потребностей населения при полном отсутствии дацанов и лам, а стратегическая – сохранение в атеистическом государстве буддизма, духовной опоры традиционного бурятского социума, в ее народной форме.

The objective of this article is sangaril - a poorly understood tradition of collective Buddhist prayers in the homes of laity. The hypothesis has been put forward that at first sangaril has appeared as an underground practice on the initiative of Buddhist lamas and as an answer to challenges of the Soviet atheistic pressure. The tactic purpose of sangaril - maintenance of the religious needs of the population in the absence of datsans and lamas and the strategic purpose - preservation of Buddhism, spiritual support of the traditional Buryat society in its folk form in the atheistic state.

Ключевые слова: буряты, буддизм, советский, атеизм, народная религиозная практика, инновация, коллективное моление, женщины, нелегальный, легализация.

Keywords: Buryats, Buddhism, Soviet, atheism, folk religious practice, innovation, collective prayers, women, underground, legalization

Подготовленная на основе литературных сведений и полевых материалов статья рассматривает сангарил, малоизученную современную традицию коллективного чтения мирянами буддийских молитв в домашних условиях, как одно из важных проявлений народного буддизма, возникшей, по нашему мнению, в ответ на вызовы советского атеистического пресинга.

В условиях постсоветского времени, когда религия официально поддерживается как одна из важных скреп общества, особый интерес представляют практикующие буддисты, ценными становятся наблюдаемые и фиксируемые мной на протяжении многих лет картины коллективного моления мирян в домашних условиях – сангарил и трехдневного маани, которое проводят ламы в Еравнинском, Заиграевском, Кижингинском, Мухоршибирском, Хоринском р-нах РБ. Имеются сведения о практике сангарила в с. Хурамша и Иволга Иволгинского р-на. В начале 2000-х гг. в Кяхтинском р-не мной зафиксировано отсутствие сангарила. Есть такие же свидетельства 2012 г. в Джидинском р-не. Исследования данного вопроса в других районах Бурятии не проводились.

Полевые наблюдения свидетельствуют о высокой степени религиозности хоринских бурят, об этом достоверно свидетельствуют интерьеры домов, где главенствует божница, зафиксированные рассказы о повседневной и праздничной жизни простых, особенно пожилых людей, о распространении до 1970-х гг. традиции содержания во дворах в отдельных семьях специальных маленьких домов для хранения буддийских книг и икон. Хотя хамбо-лама Д. Аюшеев неоднократно высказывался об особой религиозности селенгинских бурят: «Хоринские буряты лучшие в литературе и искусстве, иркутские сильны в бизнесе и политике, а селенгинские в буддизме» [1]. Следует особо подчеркнуть, что здесь в научных целях констатируются факты полевых наблюдений, а не выявляются региональные особенности бурят. Есть слой верующих буддистов, не только не знающих что такое сангарил, но и не принимающих такую форму молитв из-за определенных нюансов.

Введенные мной в научный оборот, а также неопубликованные полевые материалы свидетельствуют, что тайное коллективное моление сангарил возникло под руководством мужчин, в основном лам, а иногда в их отсутствии знающих, читающих стариков. Возможно, сангарил получил широкое распространение в указанных выше районах в виду их удаленности от государственной границы. Есть факты о советских запретах на поселение лам и других ненадежных групп людей в приграничных районах (Кяхтинский, Джидинский, Селенгинский). Кроме того, в приграничных районах был сильнее контроль.

В современной Бурятии сангарил легализовался, он значительно расширил ареал, сегодня это в основном женское занятие, являющееся неотъемлемой частью повседневной жизни. К женщинам пожилого возраста постоянно присоединяются все новые поколения пенсионеров. Однако, это довольно ограниченное количество людей, обычно собирается от девяти до двадцати человек. Например, 6 марта 2004 г. мы с японской коллегой Н. Игауэ оказались в доме, где в связи со смертью старика приглашенные девять женщин читали сангарил [2, с. 147-148].

Коллективное чтение молитв получает распространение в советское время в моноэтничных малых поселениях, а в некоторых поселениях в постсоветское время благодаря активной деятельности одного или нескольких его жителей, однако главным зачинателем раньше всегда являлся знающий старик. Например, в ул. Галтай Мухоршибирского р-на проведение сангарила организовала Е.Д. Дашинамаева, 1936 г.р., которая переняла опыт от старика из Хошун-Узура, который читал молитвы наизусть. Женщины переписали молитвы на бурятский манер и начали их читать. Впоследствии традиция была подхвачена Ц.-Х.С. Цыбикжаповой, как более молодой в группе пожилых женщин [3].

В день нашей с Н. Игауэ полевой работы в 2004 г. хозяин дома Б.-М.Л. Дугаров, 1975 г.р. поясняет: «В нашем доме проводятся поминки со дня смерти деда Лыгдена <...>. Обычно поминают на сорок девятый день и в год. Женщины села пришли, мы их пригласили, чтобы они почитали молитвы – Сангарил. Мы накрыли стол. Они попили чай, теперь читают. Сангарил у нас проводится уже лет пятнадцать-семнадцать. Есть общественные вещи для проведения Сангарила – икона *Арьябала*, бурхан, *хадак*, 108 лампад, красный шелк» [4]. Почти в каждом поселении, где проводится сангарил, обычно имеется в общественном пользовании подобный набор необходимых ритуальных предметов. Такое я наблюдала в с. Можайка Еравнинского р-на в 1998 г. В с. Кусоты Мухоршибирского р-на на сангарил собираются до двадцати женщин. Одна из них привезла из Улан-Удэ для чтения 60 экземпляров книги «Этигэл» [5].

По мнению ламы Т.Д. Доржиева из Ацагатского дацана, до 1930-х гг. сангарила не было: «Мой дед на молочно-товарной ферме руководил двадцатью доярками, и всех доярок силой своего авторитета заставлял читать сангарил в 1939-40-е гг., перед началом и во время войны» [6]. Пока нет точных сведений о том, когда, где, и кем было положено начало такой традиции. Важно, что в каждом случае находился человек, готовый и способный повести за собой людей.

В с. Ацагат Заиграевского р-на благодаря инициативе деда Т.Д. Тарбаева до настоящего времени женщины села совершают в домах коллективное чтение буддийских молитв – сангарил в соответствии с буддийским лунным календарем и по просьбе односельчан. Ацагат – моноэтничное бурятское село, почти все советское время бывшее отделением колхоза, совхоза. Только на его излете оно получило ненадолго статус центральной усадьбы совхоза. Судя по полевым материалам, после официального запрета в 1930-е гг. религии в стране, на территории Бурятии в бурятских и в русских старообрядческих селах она ушла в подполье: люди собирались для молитв в маленьких селах, на отдаленных фермах.

Ценной информацией о сангариле является небольшое, но очень информативное упоминание о нем в работе Н.Л. Жуковской 1969 г. Здесь она пишет: «Коллективные моления – сангарилы посвящены уже сугубо буддийским богам (Шакьямуни, Арьяболо, Ногон Дара-эхэ, Цаган Дара-эхэ и т.д.). И до сих пор они продолжают от одной ночи до трех суток» [7]. Учитывая характер просьб, связанных с событиями повседневной жизни народа, сангарил проводился очень часто и в более раннее время с обязательным участием лам, которые проживали не только в монастырях, но и в улусах [8]. Далее исследователь пишет: «Ныне в связи со значительным сокращением числа лам некоторые молебны старики и старухи проводят собственными силами. Это так называемые *сангарил-маани*, бдения, длящиеся целую ночь под неустанные чтения молитв сменяющимися по очереди стариками» [9]. Видно, исследователь считает, что сангарил был распространен в досоветское время, когда дацаны еще не были разрушены, а участие ламы было обязательно. Поэтому приведенные материалы требуют дальнейшего уточнения двух моментов: проводились ли сангарилы в дореволюционное время, обязательно ли было участие лам? Важен достоверный факт - в более раннее время, а мы думаем, это 1930-40-50 -е гг., в сангариле участвовали наравне со старухами старики.

Естественно, имеются сомнения в достоверности периодизации сангарила как советского явления, возникшего в ответ на вызовы воинствующего атеизма. В поисках сведений о бытовании сангарила в дореволюционное время в среде центральноазиатских буддистов, а

именно у кочевников-скотоводов сухих степей, перечитаны дневники путешественников, где зафиксирована повседневная жизнь монголов. Обращает внимание факт большой роли буддизма в тяжелой, скудной на события жизни номадов. Н.М. Пржевальский пишет в 1870-х гг.: «... ламаистское учение пустило здесь такие глубокие корни, как, быть может, ни в одной стране буддийского мира» [10]. Эти материалы в достаточной степени могут быть отнесены к большому кругу бурят конца XIX – первой четверти XX в.

Мной не найдено письменных доказательств бытования коллективной формы чтения молитв мирянами в досоветское время. Более того, П.К. Козлов пишет, правда, о Монголии: «Самое учение Будды разделяется на три части: высшее, среднее, низшее. Изучать то или другое учение и, следовательно, усваивать его себе человек может только после принятия соответствующих обетов; не приняв же посвящения, читать священные книги почитается греховным. Это положение, всецело соблюдаемое у современных монголов-буддистов, служит одной из главных причин, по которым монголы принимают на себя духовное звание и посвящают ему своих детей еще в младенчестве. Не будучи посвящен, ребенок не имеет права читать священных книг, а, следовательно, не только готовится к высшим ступеням священства, но и знает основательно правила своей религии» [11].

Всегда была прослойка истинно верующих людей, которая в условиях государственного атеизма создала новые формы реализации религиозной обрядности. Не случайно именно насильно отлученные от религии ламы и старики взяли на себя роль защитников и хранителей буддийской религии и передали свои знания женщинам. О.О. Розенберг, опираясь на предании об учителе Шакьямуни, считает, что буддийский метод пропаганды таков, что он может быть донесен до каждого своим особым способом. Поэтому буддизм процветает среди самых разнообразных народов. Он пишет: «... буддистом, при том убежденным буддистом, может быть и простой кочевник, и философ, и ученый монах, и мирянин. Основы учения буддизма могут быть изложены так, что с ними согласится каждый. Но форма изложения будет неодинакова. <...> Истина одна, но для разных людей нужно о ней говорить разными словами» [12].

В 1969 г. Р.Е. Пубаев создал совершенно объективный реестр востребованности ламаизма простыми бурятами. Ученый пишет, что вероучение ламаизма в Бурятии на тот период сводится к пяти пунктам: признание и почитание Будды как бога, который создал буддийскую религию, указал путь к освобождению от страданий и оказывает помощь верующим в их повседневной жизни; вера в то, что благополучие ламаистской церкви, веры и верующих зависит от покровительства богов – гениев-хранителей, как богиня Лхамо, докшиты Жамцаран и др.; почитание грядущего, пятого после Шакьямуни, будды Майтреи, пришествие которого на Землю восстановит величие буддийской религии, мир и благоденствие среди людей; почитание Цзонхавы как второго будды и основателя ламаизма; положение о том, что праведная жизнь в этом мире и совершение богоугодных дел обеспечат верующим счастливое перерождение в будущей жизни и даже перерождение в царстве блаженства Сукхавади, где восседает будда Амитаба [13].

Он выявил, что мольбы верующих сводятся к достижению благополучия в жизни и нирваны после смерти, это молебствия 1) в честь трех гениев-хранителей мира-сансары; 2) Эрлик-хана, высшего судьи душ умерших; 3) гения-хранителя дацана, покровителя местности; 4) восьми докшитов – грозных гениев-хранителей мира, религии, семей, благополучия хозяйства, жизни детей и т.д. Квинтэссенцией сознания верующих является поклонение и молитва «трем драгоценностям»: Будде, буддийскому учению и духовенству [14]. К сожалению, можно утверждать, что в современном бурятском обществе выявленные Р.Е. Пубаевым знания и практики присущи только глубоко верующим практикующим людям, остальным двум группам буддистов они малодоступны.

Р.Е. Пубаев не упоминает о коллективном чтении молитв мирянами в частных домах, о проведении трехдневных маани. Этому, наверно, есть объяснение – в 1960-е гг. они проводились тайно и, безусловно, практиковались в отдельных малых поселениях и имели более

узкий ареал. Думается, что в работе посвященной преодолению пережитков прошлого он по нескольким причинам не мог писать о такой инновационной традиции, если бы даже владел необходимыми данными.

В литературе нет описания сангарила, зато имеется подробное научное описание трехдневного маани. Главным для исследуемой темы является вывод, к которому пришли исследователи: «Ламаизм фактически позволил закрытому монастырскому обряду для духовенства перейти на бытовой уровень, он совершается в упрощенном и сокращенном порядке. <...> Верующие здесь – не пассивные сторонние зрители, а участники ритуальной игры – таинства буддийского спасения» [15]. Это единственное, найденное мной в литературе утверждение, близкое к пониманию современного сангарила.

Таким образом, в результате исследования получены следующие результаты. Сангарил – малоизученная современная традиция коллективного моления мирян в домашних условиях – инновационная тайная религиозная практика буддистов определенных районов Бурятии, возникшая в ответ на вызовы тоталитарного государства СССР, постепенно превратилась в традицию. В возрождающейся России она легализовалась, значительно активизировалась и постепенно расширяет ареал. Сангарил получил развитие в результате целенаправленной деятельности официально отлученных от религии буддийских монахов, лам, которые передали азы религиозной практики мирянам-старикам, а через них женщинам. Тактическая цель сангарила – обслуживание основных религиозных потребностей населения при полном отсутствии дацанов и лам, а стратегическая – сохранение в атеистическом государстве буддизма, духовной опоры традиционного бурятского социума, в ее народной форме. Сегодня сангарил в основном женское занятие, являющееся неотъемлемой частью их повседневной жизни.

Примечания

1. Белобородов С. Так сказал Хамбо лама [Электронный ресурс]. URL: <http://ulan.mk.ru/article/2014/01/22/973438-tak-skazal-hambo-lama.html> (дата обращения: 12.03.2014).
2. Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 147-148.
3. Там же. С. 148.
4. Там же.
5. Там же. С. 147–148, 153.
6. Жамбалова С. Г. Село Ацагат – частичка обновляющейся России // Гуманитарные исследования Сибири в контексте обновления историографических практик : материалы всерос. науч.-практ. семинара. Братск, 2010. С. 195–203, 201.
7. Жуковская Н. Л. Современный ламаизм (на материалах Бурятской АССР) // О буддизме и буддистах : ст. разных лет. 1969-2011. М., 2013. С. 280- 309, 293.
8. Там же.
9. Там же. С. 293–294.
10. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. М. : ОГИЗ, 1946. С. 80.
11. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. С. 62–63.
12. Розенберг О. О. О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Петербург, 1919. С. 7-8.
13. Пубаев Р. Е. Пережитки ламаизма в быту и сознании бурятского сельского населения // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становлении новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири : материалы науч.-практ. конф., 22–26 нояб. 1966 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1969. С. 139.

14. Там же. С. 140, 142.

15. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовых систем / [Галданова Г. Р. [и др.]. Новосибирск : Наука, 1983. С. 211.

УДК 2-677

Чебунин А.В.

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ RELIGIONAL WORLDVIEW AS THE BASIS OF INTERRELIGIONAL RELATIONS

Система различных мировоззрений может быть классифицирована на две основные формы: атеистическую и теистическую, четыре уровня: эмоциональный, эмоционально-рациональный, рациональный и интуитивный, шесть типов: иррациональный, мифологический, обыденный, религиозный, научный и философский, три жизненных установки: личностная, социальная и духовная. Данная классификация обуславливает объективную и конкретную систему мировоззрений, способствующую более глубокому исследованию разнообразных духовных и религиозных явлений. В результате, данная система на основе общего критерия выступает теоретическим инструментом к решению религиозных и этических конфликтов и проблем.

The system of a variety of worldviews can be arranged for two basic forms, namely, atheistic and theistic worldviews; four levels, namely, emotional, emotional and rational integrated, rational, intuitional worldviews; six types, namely, irrational, mythological, common, religious, sciential, philosophical worldviews; three kinds of life purpose, namely, personal, social, spirit life purposes. This differentiation determines the specific, accurate and objective system of various worldviews, and can help the study of various spiritual and religious phenomenon. Thus, this worldview classification by a common standard can make a theoretical-functional instrument of solution to religious and ethical controversies and conflicts.

Ключевые слова: Мировоззрение, атеизм, теизм, типы мировоззрения, религия.

Key words: Worldview, atheism, theism, worldview types, religion.

Процесс глобализации остро поставил вопрос о межкультурных, межнациональных и межрелигиозных отношениях, зачастую принимающих острые формы противоречий и выливающиеся в конфликты. Причина этих конфликтов, прежде всего, лежит в плоскости мировоззрения, определяющее интересы социальных групп и проявляющееся в определенных учениях и концепциях. Понять базовые мировоззренческие интересы социальной группы, значит понять основополагающие причины деятельности этой группы. Для понимания же мировоззренческих интересов необходимо провести классификацию различных форм и типов мировоззрения.

Существуют различные классификации форм, видов и уровней мировоззрения. В отечественной традиции, восходящей к марксистской философии, обычно выделяют обыденный, религиозный и философский типы мировоззрения. Также выделяют еще мифологический и научный, рациональный и иррациональный, атеистический и материалистический, космоцентрический, антропоцентрический и геоцентрический виды мировоззрения. Охватывая как вертикальный (генетический), так и горизонтальный (функциональный) срезы мировоззрения, данные типы и виды характеризуют разнообразие жизненных установок и отношений, которые в свою очередь определяют специфическое понимание самого человека, его сущности, роли и смысла существования.

Но во всех этих классификациях основной проблемой остается *критерий* их выделения, ибо только объективный и четкий критерий классификации позволяет представить объ-

ективную и четкую систему различных уровней и видов мировоззрения, показать их генетическую связь и функциональное различие.

Исходя из определения мировоззрения, таким критерием может служить *место человека в мире*, которое определяет и соответствующее соотношение человека и мира. Соответственно этому, можно выделить две основных формы мировоззрения, существующих на различных уровнях и в различных видах, которые во многом пересекаются с материалистическим и идеалистическим подходом марксистской методологии. Это атеистическое и теистическое мировоззрение.

Атеистическое мировоззрение основывается на постулатах о том, что человек и его сознание (как свойство высокоорганизованной материи) является высшим уровнем развития реальности. Нет ничего, что стоит выше сознания человека, которое отражает материальное бытие, все глубже и шире раскрывая его объективные законы. Жизнь человека здесь понимается в контексте его физического существования, после которого ничего не может быть.

Теистическое мировоззрение основывается на постулатах о том, что существует высшая сущность (сущности), которая непостижима нашими органами чувств. В различных учениях данная сущность может находиться в различных соотношениях с человеческим существованием и, помимо сущностного понимания (Бог), может иметь функциональное объяснение (Дао, Нирвана). Здесь жизнь человека понимается как существование некой духовной сущности, продолжающей существовать и после физической смерти.

В зависимости от формы мировоззрения определяются интересы и цель человеческого существования. Обуславливаясь потребностью человека в смысле жизни, цель человеческого существования может иметь весьма широкие варианты. Исходя из форм мировоззрения, а также базовых ценностей, выдвигаемых в качестве жизненных ориентиров, можно выделить три базовых целевых установки:

Во-первых, это теистическая установка на духовное начало человека, когда смыслом и целью человеческого существования является в первую очередь духовная жизнь, направленная на приближение к высшей сущности, а в идеале полное с ней слияние. В этом случае все ценности человеческой жизни подчиняются высшей духовной ценности, выступающей в качестве их основного критерия. Все то, что соотносится или близко к этой высшей ценности, соответственно, стоит выше в шкале жизненных ориентиров человека, придерживающегося данной установки. Теистическая мораль во многом определяется сотериологией, где основным принципом выступает принижение преходящего биологического начала человека и культивирование его вечного духовного начала, очищение эмоционально-чувственного состояния и ориентир на любовь и милосердие, что особо ярко выражено в мировых религиях.

Во-вторых, это атеистическая установка на общественные ценности, где само общество выступает высшей ценностью. Данная установка соответствует коммунистической идеологии с такими основными ценностями как долг, честь, самопожертвование и другие. Коммунистическая мораль определяется социальными ценностями с ориентиром на коллективизм, взаимовыручку, с основным принципом «человек человеку – друг и брат», где общественное благо является высшей целью

И, в-третьих, это атеистическая установка на высшую ценность индивидуальной личности, соответствующая либеральной идеологии. Здесь основной ценностью выступает личная свобода, определяющая либеральную мораль с ориентиром на независимость личности и принципом «человек человеку – волк». Помощь другим здесь не отвергается в той степени, покуда она не противоречит личному благу, высшей цели человеческого существования, зачастую соотносящемуся с благосостоянием.

В реальности же существует множество переходных типов мировоззренческих установок, сочетающих в себе различные ценности, что обуславливает множество мировоззренческих позиций.

Помимо базовых мировоззренческих установок также можно выделить три уровня мировоззрения, определяющиеся в зависимости от доминантной обусловленности соответст-

вующего уровня жизнедеятельности человека. Данная обусловленность отражается в представлениях о мире, человеке и их соотношении. Это эмоциональное, эмоционально-рациональное и рациональное мировоззрение.

1. Эмоциональное мировоззрение. Данный уровень мировоззрения определяется эмоционально-чувственной обусловленностью жизнедеятельности и характеризуется образностью, бессистемностью в качестве несвязанных между собой элементов, отсутствием четкого понимания места человека в мире и рационально-категориальной картины мира. На этом уровне можно выделить два типа мировоззрения – иррациональное и мифологическое.

Иррациональное мировоззрение образно, быстро изменчиво, в зависимости от эмоционально-чувственной обусловленности может проявляться в неадекватных и противоречивых суждениях и поступках.

Мифологическое мировоззрение также образно, но уже более устойчиво в рамках образных моделей – мифов, между которыми также можно наблюдать противоречия.

2. Эмоционально-рациональное мировоззрение. Этот уровень характеризуется попыткой совместить эмоционально-чувственную и рациональную обусловленность жизнедеятельности. Появляются элементы системного и связного осмысления места человека в мире и его рационально-категориального оформления в рамках базовых мировоззренческих установок. Категориальная картина мира начинает определять эмоционально-чувственное содержание, которое, таким образом, вводится в определенные рамки базовых ценностей. На этом уровне можно выделить обыденный и религиозный типы мировоззрения.

Обыденное мировоззрение, прежде всего, определяется так называемым здравым смыслом, который в свою очередь зависит от соотношения настроения и внешних условий с определенными жизненными установками. Иначе говоря, в зависимости от ситуации треугольник базовых установок поворачивается той гранью, которая наиболее соответствует настроению и внешним условиям. В различных ситуациях могут использоваться различные мировоззренческие установки, определяемые теми ценностями, которые в свою очередь обуславливаются изменяющимися потребностями человека. В зависимости от того, какая потребность на данный момент доминирует, такова и ведущая ценность для человека в этот момент, соответственно, такова и его мировоззренческая установка, хотя на теоретическом уровне человек вполне может симпатизировать какой-либо одной установке. В реальности, для данного типа доминирует атеистическая установка личного блага.

Религиозное мировоззрение определяется доминированием теистической установки и характеризуется нормированием эмоционально-чувственной жизни религиозными нормами, которые втиснуты в соответствующие рамки категориальной картины мира. Основопологающее положение в этой картине занимают религиозные заповеди в форме рациональных установок. В реальности эмоционально-чувственная обусловленность не всегда подчиняется религиозным положениям, поэтому часто в практической жизни проявляются элементы атеистических установок, на борьбу с которыми в основном и направлена религиозная практика.

3. Рациональное мировоззрение. На этом уровне доминирует рациональная обусловленность жизнедеятельности, определяемая теми базовыми установками и ценностями, которые придерживается человек. Рациональное мировоззрение характеризуется определенной рационально-теоретической обоснованностью, системностью и развитой рационально-категориальной картиной мира, которая полностью подчиняет эмоционально-чувственную жизнь личности. Данный уровень мировоззрения может быть дифференцированно на два типа – научное и философское.

Научное мировоззрение опирается на эмпирические факты и основанные на них теории и гипотезы. Характерной чертой данного типа мировоззрения является теоретическая систематизация и абсолютная эмпирическая рационализация, отвергающая сверхчувственный опыт.

Философское мировоззрение определяется обобщающей абстрактно-теоретической систематизацией, характеризующейся четко обоснованной категориальной картиной мира.

Таким образом, мы выделили 2 формы мировоззрения, 3 базовых мировоззренческих установок или позиций, 3 уровня и 6 типов мировоззрения. Помимо этого особо можно выделить *рационально-интуитивный уровень и тип мировоззрения*, который характеризуется рационально-теоретическим обоснованием интуитивно постигнутых высших истин. Данное мировоззрение присуще основоположникам всех великих учений, пророкам и встречается крайне редко, но оказывает существенное влияние на философское мировоззрение.

В результате, интересы человека могут рассматриваться как в рамках одного типа мировоззрения, так и с эклектических концепций, сочетающих различные ценности в разнообразных вариациях и иерархиях. Именно это приводит к этическим противоречиям, когда любая ситуация может вызвать неоднозначную реакцию и различные варианты ее решения, даже на рациональном уровне и привести к серьезным конфликтам.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что религиозные организации, носители религиозного мировоззрения, как субъект межрелигиозных отношений должны выступать институтом, формирующим это религиозное мировоззрение и культивирующим такие духовные ценности как любовь, милосердие, сострадание, терпение, смирение и прочие им подобные ценности. Данное мировоззрение и данные ценности имеют единые основы – это принятие реальности высших сфер и внутреннее очищение как условие духовного спасения. Все религиозные заповеди в своей основе нисколько не противоречат друг другу. В этом контексте нет никаких мировоззренческих расхождений и противоречий между представителями различных религиозных конфессий.

Поскольку единая основа религиозного мировоззрения определяет единые духовные интересы, конфликтов на этой базе быть не может. Трудно себе представить, что при гипотетической встрече Будды, Иисуса Христа и Мухаммеда между ними разгорелся бы религиозный спор, а тем более возник бы какой-либо конфликт. Почему же их последователи так часто конфликтуют между собой и не могут найти общий язык?

Ответ на этот вопрос очень простой. Поскольку в основе любых конфликтов лежит противоречие интересов, следовательно, в основе так называемых межрелигиозных конфликтов лежат совсем не религиозные интересы. Власть и материальное благополучие имеют такое же отношение к религии в целом, как и к их основателям. Следовательно, все те так называемые религиозные деятели, которые хоть в малейшей степени провоцируют какой-либо конфликт, не имеют к религии никакого отношения, они отстаивают совершенно другие интересы и опираются совершенно на другое мировоззрение. Выявление мировоззренческой основы этих интересов сразу выявит их антирелигиозный характер. Задача любой церкви прояснить свои установки и вернуться на главную магистраль духовного служения, а не обслуживать политические интересы власти и свои материальные интересы.

Таким образом, настоящее религиозное мировоззрение как основа межрелигиозных отношений исключает межрелигиозные противоречия и конфликты, и именно на нем должны строиться эти отношения. В завершение хотелось бы напомнить слова из Евангелия, которые четко отражают сущность религиозного мировоззрения: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В
ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ
FEATURES LEGITIMATION OF LEGAL INFORMATION IN TRADITIONAL
SOCIETIES**

Статья посвящается проблеме легитимации правовой информации в традиционных обществах. Показаны уровни легитимации применительно к опыту различных народов традиционной ориентации хозяйствования.

Annotation. The article is devoted to the problem of legitimacy of legal information in traditional societies. Shows the levels of legitimating in relation to the experiences of different people of traditional orientation of management.

Ключевые слова: легитимация, традиционное общество, информация, объективация, обычаи, культура.

Keywords: legitimation, traditional society, information, objectification, customs, culture.

Представляется, что легитимация в традиционных обществах может быть рассмотрена через систему динамических и статических механизмов трансляции. Одним из статических механизмов является способ следования традиции, содержащий конформистскую модель поведения. Этот способ обеспечивает идентичность поведения с деятельностью остальных членов коллектива; он как бы консервирует определенный шаблон, которому следуют все, руководствуясь принципом «вещи и порядки всегда были таковы, поэтому каждый действует так, как действовали до него».

Динамический механизм предполагает активную позицию участников обычно-правовых отношений. Благодаря этому обычаи приспособляются к определенным изменяющимся условиям и актуализируются в новом качестве. Здесь важная роль принадлежит прерогативе «социальных архитекторов».

Коммуникация как способ социального взаимодействия допускает и «инструментальную» интерпретацию, поскольку исследуемый феномен служит, помимо прочего, также специфическим средством накопления и передачи социально значимой текстуально оформленной информации. На уровне социальной формы текстуально оформленная информация в самом общем виде представляет релевантный опыт. Благодаря коммуникации осуществляется передача этой текстуально оформленной информации от одного поколения к другому, обеспечивается межпоколенная связь и происходит интеграция индивида в общество.

В традиционных обществах лучший наставник – обычай. Обычный опыт легитимировался коллективным и индивидуальным сознанием в форме определенных правил (обычаев), а коллективным бессознательным в архетипических моделях.

Передача социально значимого опыта из поколения в поколение осуществлялась, как в процессе осуществления повседневной социальной практики, так и в процессе праздничных ритуалов и обрядов. Например, у бурят приобщение к опыту «отцов, дедов и предков» осуществлялось путем имитации коллективной охоты, где «галши», «тубши» (распорядители охоты), позже шаманы инициировали мальчиков-подростков.

Инициации входили в институциональный обычно-правовой комплекс, от эффективности проведения инициаций зависела межпоколенная преемственность, а стало быть, и жизнеспособность всего социального организма. Коммуникация здесь переплетается с социализацией и легитимацией.

Инициационный комплекс охотничьих и скотоводческих народов насчитывает большое количество ритуализированных обрядов. Среди наиболее социально значимых являются:

«Приручение коня», «Дарение мальчику жеребенка», «Сажание мальчика на лошадь» и прочие [1]. Лошадь играла важную роль в кочевом охотничьем хозяйстве.

В процессе накопления необходимой информации, зафиксированной в результатах практической деятельности, прежде всего в социальном опыте, передаваемом из поколения в поколение, содержалась социально значимая информация, воспроизводившая определенные поведенческие стереотипы.

Передача текстуально оформленной информации и её легитимация общественным сознанием в традиционных обществах осуществлялась по разным каналам. Наиболее действенным был канал передачи, предполагающий трансляцию знаний из так называемых «первых рук». Передаваемые текстуально оформленные матрицы содержали спрессованную информацию, веками хранившуюся в общественном сознании и коллективном бессознательном (в виде архетипических моделей).

Эффективность данного механизма передачи информации напрямую зависела от фактора доверия, устанавливающегося между поколениями. Справедливо, в этой связи, звучат слова К. Лоренца, что если приемник традиции не испытывал «по крайней мере, к одному из представителей старшего поколения... эмоций уважения и любви... механизм, транслирующий традиционные нормы, не срабатывал» [2].

Именно механизм простого, постоянного воспроизводства социально оформленной, текстуальной информации от старших к младшим позволял старшим членам рода доминировать над младшими членами рода [2], так как именно старшим, принадлежала функция хранения и передачи традиции предков. Это, в свою очередь, закреплялось социальной организацией, использовавшей для этого устные предания, сказания, мифы, ритуалы.

Ритуалы, проведенные совместно формировали особый тип доверительно-сакральных обычно-правовых отношений между коммуникантами. Можно утверждать, что эти действия были уникальными способами передачи соответствующих ценностей (духовного сплочения участников, которые психологически становились коллективом сподвижников, познающих эпохальные события, подвиги, историю своего народа, священные обычаи и традиции предков). Ценности здесь выступают как некие определенности, реализация которых служит разумному устройству действительности.

Передача обычно-правовой информации в традиционных обществах осуществлялась через старших «знающих» к младшим «незнающим». При этом, как отмечалось выше, эффективность трансляции зависела от фактора доверия между ними. Поэтому в такого типа обществах особая роль в трансляции информации принадлежала уважаемым авторитетным людям, имеющим особый дар – «ману», «магу», «оренду» или «сээр» (у бурятских шаманистских племен).

У шаманистских народов именно шаманы обладали недоступными для основной массы «сверхзнаниями», а благодаря использованию психических средств воздействия (транс, камлание, призывание) они оставляли мощные эмоциональные переживания в психике, приобщающихся к знаниям. В результате фигуры великих предков, овеянные сказаниями и преданиями об их героических подвигах, символика ритуальных обрядов, захватывающий вихрь магических танцев – всё это продолжало жить через эмоции, через сильное чувственное воздействие, производимое ими. Это поддерживало определенный нравственный пиетет обычно-правовых моделей поведения человека в традиционном обществе [3].

«Социальным архитекторам» принадлежало право открывать завесу тайных, космических (правовых) знаний о соответствующих долженствованиях. Придавая обоснованность (легитимность) текстуально объективированным знаниям, «социальные архитекторы», тем самым конституировали сложившийся социальный порядок, обеспечивая его связь с системой традиционных ценностей.

Доступ к сакральному знанию «социальных архитекторов» и умение от имени предков транслировать обычаи обусловили их авторитет в глазах сородичей, а особые символические места осуществления правосудия обеспечивали доверие населения к транслируемым обыч-

но-правовым нормам. У бурятских племен эхиритов и булагатов местом вынесения приговоров был «Шаманский камень» у истоков реки Ангары, у озера Байкал, где по мифологическим преданиям жил когда-то большой шаман Гуртэ-Зарин, который при жизни занимался рыболовством и утонул в этом месте. После смерти шаман стал хозяином истока Ангары и верховным судьёй, не прощающим лжи. У забайкальских эвенков места осуществления правосудия были более регламентированными и в зависимости от степени общественной опасности подразделялись на определенные виды.

Так, при разборе тяжбных дел клятва давалась в Обне (ритуальная шаманская часовня). К месту присяги приводил шаман, призывающий духов, правителей стихий, засвидетельствовать факт правонарушения; при разборе маловажных и семейных дел клятва давалась перед родовыми религиозными святынями, в связи с чем родовые духи признавались свидетелями показаний и должны были в случае лжи покарать виновного. При разборе уголовных дел клятва давалась перед заряженным ружьем или обнаженным холодным оружием. В этом случае оружие являлось поручителем, и, по представлениям эвенков, должно было выстрелить и поранить нарушителя в ответ на ложь [4].

Легитимация связана со знанием человека о его месте, роли в обществе и правилах поведения в этом обществе, а также о соответствующих этому обществу ценностях. «Знание» предшествует «ценностям» в процессе легитимации, полагают П. Бергер и Т. Лукман. Это утверждение социальные феноменологи подкрепляют аналитически, выводя различные уровни легитимации (которые на практике, конечно же, пересекаются) [5, с. 154].

Зачатки легитимации П. Бергер и Т. Лукман вполне обоснованно усматривают в передаче лингвистических объективаций (текстуально оформленной информации) от поколения к поколению. Например, передача словарного запаса той или иной родственной группы легитимирует *ipso facto* структуру родства. Фундаментальные «объяснения» легитимации встроены, так сказать, в словарный запас. Так, ребенок, узнав, что другой ребенок – его «кузен», соответствующим образом формирует свое поведение по отношению к «кузенам» [5, с. 154].

Этот уровень П. Бергер и Т. Лукман считают дотеоретическим. Но именно он является основой «самоочевидного «знания», на котором должны строиться все последующие теории, и наоборот – это уровень, которого должны достичь все теории, чтобы быть включенными в традицию» [5, с. 154-155].

Второй уровень легитимации содержит, по Бергеру и Т. Лукману, теоретические утверждения в зачаточной форме. Здесь можно обнаружить, утверждают они, различные объяснительные схемы относительно ряда объективных значений (знаний. – *И. Л.*). Эти схемы непосредственно связаны с конкретными действиями. Сюда относятся пословицы, народная мудрость, сказки, легенды, поэмы, передаваемые в поэтической форме [5, с. 154-155].

Примеры этого уровня. «Кто ворует у своего брата, будет наказан бородавками на руках». Или: «Уходи, когда твоя жена кричит, но беги, когда твой кузен зовет тебя». Весьма примечательны в этом плане и бурятские поговорки: «Поможешь другому – тем же обернется самому» (по-бурятски – «хундэ туһа хэхэдэ, ӨӨртэ туһа болохо»); «Лучше кость свою сломать, чем честь потерять» («нэрээ хухаранхаар – яһаа хухара»); «В старинных словах нет лжи, в воде колодца нет рыбы» («хуушан угэдэ худал угы, худагай уһанда загаһан угы»); «Видна впереди, раскаяние позади» («гэмынь урдаа, гэмшэлынь хойноо»).

Третий уровень легитимации содержит уже теоретические концепты, выраженные в терминах дифференцированной системы знания. Легитимации предусматривают хорошо понятные системы отсчета для соответствующих секторов институционализированного поведения. Из-за их сложности и специализации, полагают исследователи, они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения. Так, может существовать сложная теория «двоюродного родства», определяющая права и обязанности и стандартные процедуры действия. Знаниями в этой области распоряжаются старейшины клана. Они иницируют молодежь и передают им свои знания в процессе осуществления соответствующих ритуалов [5, с. 156].

Например, у монгольских племен издревле существовал обычай помазания мясом и жиром пальца мальчика, впервые убившего зверя на охоте. Этот обряд проводил самый пожилой член рода [6]. Фактически обряд символизировал вступление в «мужской возраст», то есть в возраст, когда мальчик наделялся, как и все члены мужского охотничьего союза, определенными правами и обязанностями. Отныне он приобщался к общему родовому багажу знаний, при этом экспертом за какие бы то ни было отклонения от общепринятых моделей поведения выступали лица, отвечающие за его благополучную социализацию.

Четвертый уровень легитимации, по Бергеру и Т. Лукману, составляют символические универсумы. Это особые системы теоретических традиций, впитавших различные области значений (знаний) и включающих институциональный порядок во всей его символической целостности. Символизм в этом значении используется как процесс сигнификации (обозначения), имеющий отношение к реальности, отличной от реальности повседневной жизни. Символический универсум выступает здесь как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений (знаний) [7].

На этом уровне инцест достигает максимального осуждения из-за нарушения космического, божественного порядка и созданной богом природы человека. Так, например, у Марка Тулия Цицерона в произведении «О законах» говорится о том, что инцест расценивался общественным мнением как обольщение девы весталки («девы-весталки – богини, поддерживающие в Риме вечный огонь на очаге государства»). Или, «кто украдет или похитит предмет священный или доверенный священной охране, да будет «паррицидой» («паррицида» – убийца собственного отца или близкого родственника)» [8, с. 181]. То же самое можно сказать о неправильном экономическом поведении или любом другом отклонении от институциональных норм.

Поэтому любые правонарушения на этом уровне легитимации – это нарушение общего мира и справедливости. Как, например, у сибирских народов нежелание делиться добычей со своими членами рода или отстрел редких табуированных зверей и птиц. «Сделать что-то плохое – очень большой грех, то плохое, что человек сделал, само придет к его детям». «Большой грех», являлся нарушением правды, чести, совести и ассоциировался с несчастьем (наказанием, воздаянием).

Ярким примером символического универсума является и объяснение института божественного происхождения царской власти, выражающегося в концептах типа «Сын бога», «Сын Неба», «Наместник бога на земле» и проч.

Не вызывает сомнения, что традиционные представления о праве так же вытекающие из мифологического понимания мира, где боги и люди слиты в одном пространстве места и времени есть не что иное как продукт символического универсума. Отсюда и утверждения, что законы не создаются человеком и не являются постановлениями народов, они есть божественный разум. По этому поводу Цицерон писал: «Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же военным и гражданским властям, то они в большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и предержащему божеству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей. В гражданских общинах положение ветвей рода, на основании известных правил ... определяется родством; в природе это настолько более величественно и настолько более славно, что люди связаны с богами родством и происхождением» [8, с. 158].

Данный тип мышления оперирует в рамках исправленного континуума между человеческим миром и миром богов, формирующегося посредством символического универсума. Легитимация в форме символического универсума обеспечивает безопасность и сплочен-

ность в коллективе, так как все бытие предопределено божественным проведением, отсюда идея родовой кармы у восточных народов. И божественной кары – у западных народов: «За нарушение права да будет кара!» [8, с. 182].

Легитимация посредством символического универсума связывала всю социальную практику народа в единое целое, включая прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому как бы формировался архив, содержащий для всех членов коллектива своеобразный банк данных, благодаря которому индивид мог планировать свои действия в соответствии с общепринятыми шаблонами. Поэтому символический универсум функционировал как образец превращения хаоса в космос, то есть превращения беспорядка в порядок.

Легитимация, как институциональная стадия закрепления и признания обычно-правовых знаний (определенных моделей), напрямую связана с ценностной системой. Ценностная же система всегда испытывает на себе бремя времени. Это дает основание считать, что обычное право, как содержательная категория воспроизводит в сознании индивида и коллектива в целом те ценности, выраженные через долженствования, которые словно луч прожектора, высвечивают должное, то есть то, что должно быть, и то, что должно быть устранено.

Стало быть, ценности – это некие субъективные установки, служащие «разумному», «правильному» устройству действительности. Ценности, как правило, имеют коллективную направленность. Они отражают опыт народа, его дух, идеалы и стремления. Ценностные установки рассматриваются как некие формы добра, правды, справедливости.

Примечания

1. Липец Р. С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 5, 41, 48.
2. Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М., 1992. С. 63.
3. Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. С. 25.
4. Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX века. М., 2001. С. 96.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 2005.
6. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 108-109.
7. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 158.
8. Цицерон М. Т. О законах // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях : Речи. Письма. М., 1999.

316.42(571.54)''19''

Боронова М.М.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ: ПРОБЛЕМЫ 1960-1980-Х ГОДОВ THE SOCIAL INFRASTRUCTURE AND THE STANDARD OF POPULATION LIVING IN BURYATIA: THE PROBLEMS OF 1960-1980-S

В статье рассматриваются проблемы социального развития Республики Бурятия в последние тридцать лет советской истории. Освещены достижения и трудности в развитии важнейших отраслей социальной сферы: жилищного строительства, торгового, бытового и медицинского обслуживания населения.

The article is devoted to the problems of social development in the Republic of Buryatia for the last thirty years of Soviet history. The author analyzes advances and challenges in the development of the most important sectors in social sphere: housing, retail, consumer services and medical care.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, уровень жизни, жилищное строительство, здравоохранение.

Keywords: social infrastructure, standard of living, housing, health care.

Развитие производительных сил, рост образовательного и интеллектуального потенциала общества объективно способствуют повышению требований к условиям жизнеобеспечения, которые во многом зависят от уровня развития социальной инфраструктуры. Отрасли социальной инфраструктуры, представляющие услуги непосредственно человеку, определяют уровень жизни населения, т.е. обеспеченность материальными благами и услугами, достигнутые показатели их потребления, степень удовлетворения физических и духовных потребностей человека. Вместе с тем следует отметить, что наряду с прямой зависимостью уровня жизни от развития социальной инфраструктуры существует и обратная связь, проявляющаяся в том, что с ростом уровня жизни, в первую очередь денежных доходов населения, резко возрастают требования граждан к сфере обслуживания и степени комфортности условий проживания.

Однако на протяжении всего советского периода нашей истории продолжал господствовать технократический подход к развитию производительных сил, при котором сохранялся примат производственного строительства, а социальные проблемы отодвигались на второй план. Попытки изменить сложившееся соотношение в темпах развития отраслей группы «А» и «Б» в сторону опережающего развития группы «Б», зафиксированные в решениях XXIV-XXVII съездов партии, не принесли желаемых результатов. Это приводило к углублению противоречий в уровне экономического и социального развития общества, особенно ощущаемому на периферии и в районах нового хозяйственного освоения.

В Бурятии, как и в стране в целом, социальные проблемы долгие годы оставались на втором плане. В условиях жесткого экономического централизма большая часть образуемых на территории Бурятии доходов перечислялась за ее пределы, а за счет отчислений от прибыли предприятий формировалось менее 7% республиканского бюджета. Этих доходов, конечно, было недостаточно для ускоренного развития социальной инфраструктуры в регионе. Поэтому финансирование социальных нужд в расчете на одного жителя в Бурятии было в 2 раза меньше, чем, например, в Прибалтике и на 16% ниже, чем в среднем по Российской Федерации [1].

В 1960-1980-х гг. наблюдалась тенденция постепенного сокращения доли расходов на социальные нужды. К 1990 г. удельный вес расходов на социально-культурные мероприятия в бюджете Бурятии упал ниже уровня послевоенного 1950 г. Так, если в 1950 г. он составлял 74,3%, в 1960 г. - 69,1%, то в 1990 г. - уже 67,5% [2]. Сокращение расходов на социальные нужды привело к формированию тенденции прогрессирующего отставания республики от других регионов по показателям социального развития. В этих условиях обострилось противоречие между постоянно растущими потребностями людей в товарах и услугах и возможностью их удовлетворить, что стимулировало отток населения за пределы республики.

Одной из наиболее острых социальных проблем в Бурятии являлась жилищная проблема. Объемы строительства жилья в республике существенно отставали от темпов развития промышленности и роста населения. В 1989 г. в среднем на одного жителя республики приходилось 13,0 м² жилой площади. Это на 3,1 м² меньше, чем в среднем по России и на 3,6 м² - по сравнению с европейской частью страны. При этом на начало 1987 г. от 31% до 40% общественного жилищного фонда в городах Бурятии не обеспечивались горячим водоснабжением, не были оборудованы ваннами и напольными плитами, 23-27% не имели водопровода, канализации и центрального отопления [3]. Особенно низким уровнем благоустройства жилья отличались сельские районы Бурятии. Об остроте жилищного вопроса может свидетельствовать тот факт, что из общего количества писем, поступавших в Совет Министров Бурятии от граждан, письма по жилищным и коммунально-бытовым вопросам составляли свыше 55% [4].

Наряду с обеспеченностью жильем важной характеристикой уровня жизни в регионе являлось бытовое обслуживание населения. В 1960-1980-х гг. служба быта была одной из наиболее молодых и динамично развивавшихся отраслей народного хозяйства республики. С 1960 г. по 1990 г. число предприятий бытового обслуживания в Бурятии возросло с 425 до 1183, а объем реализованных услуг - с 2603 тыс. руб. до 48 292 тыс. руб., т.е. увеличился в 18,5 раз [5].

Вместе с тем, несмотря на рост объемов реализации бытовых услуг населению, Бурятия в данной области продолжала отставать от среднего уровня по России и Восточно-Сибирскому экономическому району. Причем это отставание приобрело нарастающую тенденцию, особенно к середине 1980-х гг. В результате по объему реализации бытовых услуг на душу населения Бурятия переместилась с 7 на 9 место среди 11 регионов Сибири [6].

Существенное влияние на степень удовлетворенности жизненными условиями оказывала система торгового обслуживания населения. За 1960-1990 гг. розничный товарооборот на душу населения в Бурятии увеличился более чем в 4 раза [7]. При этом наблюдалась тенденция возрастающего потребления товаров длительного пользования. Так, с 1965 г. по 1990 г. продажа населению телевизоров увеличилась в 3 раза, холодильников - в 5,4 раза, стиральных машин - в 2 раза, магнитофонов - в 23,2 раза [8]. Происходившие изменения в структуре товарооборота свидетельствовали о росте материального благосостояния населения Бурятии, повышении уровня его жизни.

Особенностью торгового обслуживания населения Бурятии являлся высокий удельный вес товаров, ввозившихся из других регионов страны. Так, доля завоза продуктов питания по данным на 1990 г. составила 41,8%, тканей, одежды, обуви - 81,4%, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения - 88,7% [9]. Сложившееся положение в формировании потребительского рынка было обусловлено особенностями структуры народного хозяйства Бурятии. Низкий уровень ее комплексности, ориентация на производство промежуточного продукта приводили к тому, что значительная часть произведенной продукции в виде сырья и полуфабрикатов вывозилась за пределы республики.

Уровень производства товаров народного потребления (ТНП) в Бурятии не отвечал потенциальным возможностям насыщения рынка. В торговле ощущался хронический дефицит на многие виды товаров, что приводило к оттоку финансовых средств из республики, т.к. многие предметы культурно-бытового назначения, особенно длительного пользования, приобретались в других регионах страны.

Важным фактором жизнеобеспечения населения являлась система здравоохранения. Рост численности квалифицированных кадров способствовал совершенствованию системы охраны здоровья жителей республики. Однако повышение уровня медицинского обслуживания населения во многом сдерживалось медленными темпами развития материально-технической базы лечебных учреждений. По уровню обеспеченности больничными койками на 10 тыс. человек населения Бурятия занимала предпоследнее место в Восточной Сибири, опережая лишь Читинскую область.

В 1960-1980-х гг. при незначительном росте числа больниц в Бурятии объем коечного фонда увеличился более чем в 2,5 раза. Это явилось результатом того, что расширение коечного фонда происходило в основном за счет переуплотнения и нарушения санитарных норм. Например, в Республиканской больнице им. Н.А. Семашко функционировало 900 койкомест вместо 450, предусмотренные по проекту [10].

Особенно большие трудности испытывали сельские районные больницы. Большинство из них располагались в старых нетиповых зданиях без коммунальных услуг. Положение усугублялось большой территориальной разбросанностью населенных пунктов и неудовлетворительным состоянием транспортно-коммуникационного сообщения между ними.

Таким образом, анализ развития социальной инфраструктуры в 1960-1980-х гг. свидетельствует о том, что по основным параметрам жизнеобеспечения Бурятия продолжала отставать от среднероссийских показателей. Темпы развития социальной сферы в Бурятии бы-

ли существенно ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Это привело к углублению диспропорций в уровне экономического и социального развития республики. Seriously усиллись противоречия между быстро растущими потребностями населения в товарах, услугах и состоянием социальной инфраструктуры в регионе.

Отставание в развитии социальной инфраструктуры в регионе во многом было обусловлено преобладанием отраслевого подхода к управлению народным хозяйством в ущерб территориальному. Существовавшая практика, при которой основная часть капиталовложений на развитие социальной сферы направлялась по ведомственным каналам, зачастую приводила к нарушению принципа комплексности в развитии территории.

Министерства и ведомства, используя природные и людские ресурсы региона, слабо участвовали в развитии инфраструктурных объектов на местах. В конечном итоге отставание темпов развития социальной сферы в Бурятии приводило к оттоку населения за пределы республики, в районы с более высоким уровнем жизни и, соответственно, с более комфортными условиями проживания.

Примечания

1. См.: История Бурятии в вопросах и ответах. Улан-Удэ, 1992. Вып. 3. С. 88-89.
2. См.: Халбаева М. М. Бурятия в 1960-1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1999. С. 120.
3. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 10239. Л. 13.
4. ГАРБ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1197. Л. 70.
5. См.: Халбаева М. М. Бурятия в 1960-1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1999. С. 123.
6. ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 10239. Л. 6.
7. См.: Халбаева-Боронова М. М. Бурятия: проблемы комплексного развития региона (исторический опыт исследования). 1960-1990 гг. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2005. С. 138.
8. См.: Халбаева М. М. Бурятия в 1960-1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. С. 125.
9. ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 10239. Л. 6.
10. ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 9947. Л. 94.

УДК 323.1(571.54)

Кондратьева В. В.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ INTERETHNIC INTERACTION OF THE PEOPLES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Отношения, образующиеся и существующие между культурными единицами, принято обозначать как межкультурное взаимодействие или межкультурная коммуникация. Бурятия – это многонациональная республика, где каждый день происходит межкультурное взаимодействие и одним из ярких примеров является работа Дома Дружбы народов Бурятии.

Relationships are formed and existing between cultural units, usually denoted as intercultural communication or intercultural communication. Buryatia - a multi-ethnic republic, where every day there are cross-cultural interaction and one of the best examples is the work of the House of Peoples' Friendship Buryatia.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, народы, Республика Бурятия, Дом Дружбы народов.

Keywords: intercultural communication, people, Republic of Buryatia, the House of Peoples' Friendship

Процесс глобализации охватил сегодня все сферы человеческой жизни. На основе экономической, культурной, информационной интеграции современный мир становится единым. Национальные культуры теряют свою самобытность, стираются границы национальных культур. Таким образом, в условиях глобализации, которая характеризуется унификацией, потерей родного языка, национальных традиций и обычаев. В этих условиях нельзя позволить утратить уникальность и самобытность каждого народа проживающего в России, в том числе и Бурятии.

Начиная с 90-х годов XX века, когда народы, проживающие в Советском Союзе, выбрали собственное самоопределение, многие этносы настойчиво проявляли свою заинтересованность в возрождении национальной культуры, стали искать свое историческое место в мировом культурном пространстве. Культивирование национальной идентичности, возрождение уникальных культурных традиций в сложившихся исторических условиях неизбежно. Данные действия объективно приводят к напряжению во взаимоотношениях между различными этническими сообществами. В современных условиях мы наблюдаем сложившийся конфликт между мировой тенденцией к унификации культуры этносов и стремлением к сохранению полиэтнического своеобразия.

Республика Бурятия – один из наиболее многонациональных регионов Российской Федерации, где проживает более 160 народов и создание условий способствующих культурному многообразию и развитию диалога культур неопределима роль национально-культурных автономий и центров. По данным Федеральной регистрационной службы по Бурятии в ведомственном реестре зарегистрировано 34 национально-культурных общественных объединения. Основные задачи национально-культурных объединений это возрождение, сохранение родного языка, национальных традиций и культур, гармонизация национальных отношений в республике [3, с. 104].

Ежегодно при поддержке Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия на республиканском уровне проводятся национальные русские праздники – Рождество, Масленица, Пасха; бурятские – Сагаалган и Сурхарбан, эвенкийский Больдер, сойотский Жогтаар, татарский Сабантуй и многие другие. Их проведение имеет огромное образовательное и воспитательное значение для молодого поколения, способствует сохранению традиций и формирует чувство любви к Родине, уважение к культуре других народов, укрепляет гражданственность и патриотизм.

Благодаря деятельности национально-культурных объединений за последнее десятилетие в культурной жизни Бурятии утвердились новые праздники республиканского масштаба – фестивали «Венок дружбы» и «Содружество сердец». При участии национально-культурных объединений были проведены крупные международные мероприятия – Международный фестиваль бурятского народа «Алтаргана», Встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума», в которых приняли участие научные и творческие делегации не только из регионов России, но и ближнего и дальнего зарубежья [1, с. 89].

Совместное проведение праздников укрепляет отношения, этнические связи, в ходе праздничного действия другая культура становится понятнее. На основе этого растут симпатии, дружба, уважение к людям другой национальности, повышается взаимопонимание.

Многие центры поддерживают связь с исторической Родиной. Отмечают свои национальные праздники, памятные даты своей истории проводят разные мероприятия внутри своих диаспор. Представители национально-культурных объединений Республики Бурятия принимают активное участие в городских и республиканских, общероссийских и зарубежных мероприятиях, съездах и форумах своих этнических сообществ.

В традицию входит участие национально-культурных автономий и центров в фестивалях национальной кухни, Дне города, Дне хлеба и других многонациональных праздниках, проводимых Управлением культуры и Управлением предпринимательства, туризма и потребительского рынка г. Улан-Удэ.

Вполне обосновано, что такая системная работа дает свои положительные результаты. Социологические исследования последних лет выявляют снижение межнациональной напряженности, динамику роста толерантного сознания среди населения республики. Например, в 2009 году в рамках акции «Я голосую за толерантность» в 86 учебных заведениях были проведены лекции-беседы, в ходе которых был организован социологический опрос учащихся (студентов) с общим охватом 3 753 человека. Из результатов опроса следует, что предпосылок к возникновению межнациональных, этнокультурных и религиозных конфликтов нет [5, с. 15-17].

Мероприятия, реализуемые в рамках акции «Я голосую за толерантность», способствовали формированию у подростков и молодежи терпимого отношения друг к другу, предупреждению влияния на подрастающее поколение экстремистских настроенных группировок и попыток вовлечения несовершеннолетних в межнациональные конфликты.

Для развития толерантности и патриотизма, формирования основ взаимоуважения представителей разных национальностей были созданы цикл видеосюжетов о традициях и обычаях народов, проживающих в Бурятии.

К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства в г. Улан-Удэ был открыт Дом Дружбы народов, где расположились 24 автономии, у каждой автономии есть свой кабинет, учебные классы, актовый зал, созданы все условия для плодотворной работы. Вопросами координации деятельности в сфере национальных отношений органов власти и местного самоуправления, национальных общественных объединений и научных учреждений, оказания им организационно-методической помощи возложены на Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия. При Комитете существует координационный совет, основной задачей которого является обеспечение согласованной работы национально-культурных центров. При президенте Республики Бурятия действует Совет национальностей [6].

Одним из результатов такой продуктивной работы стало развитие молодежного движения. В ноябре 2012 года был создан Молодежный центр Дома Дружбы народов Республики Бурятия. В него вошли председатели молодежных центров национально-культурных автономий и центров. Несмотря на короткий период своего существования, у центра уже есть постоянные мероприятия. Одной из первых стала организация выездных поездок в Турунтаевскую СКОШИ VIII вида, которая была приурочена к празднованию Нового года – 2013. Молодежному центру удалось собрать подарки и преподнести воспитанникам школы-интернат праздничную программу. В последующем были организованы мероприятия, направленные на ознакомление детей с культурами национально-культурных центров, в рамках празднования «Сагаалгана» учащиеся смогли познакомиться с культурой бурят, последующие выезды были посвящены культуре татар, поляков, семейских, проживающих в Бурятии. 1 декабря 2013 года Молодежный центр Дома Дружбы народов совместно со студентами Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств организовал праздничный концерт и спортивные соревнования для воспитанников школы-интернат.

9 мая 2013 года молодежи Дома Дружбы впервые удалось организовать встречу ветеранов Великой Отечественной войны разных национальностей. Для ветеранов был подготовлен праздничный концерт и торжественное чаепитие.

Значительное число активной полиэтничной молодежи видит в решении национальных вопросов путь к решению социально-политических и культурных проблем регионов. Взгляды молодежных активистов на этническое развитие, понимание и освоение этого процесса могут и должны оказывать влияние на дальнейший ход восстановления и развития этнокультур и межнационального согласия.

Одним из ярких событий в межэтническом взаимодействии представителей различных этносов, проживающих на территории Бурятии, стал этнофестиваль народов Бурятии «Караван Дружбы». Он состоялся 7 сентября 2013 года в Этнографическом музее народов

Забайкалья. Проект был призван показать жителям и гостям республики в 90-летний юбилей то исконно байкальское гостеприимство, которое так восхищает гостей и туристов, приезжающих в этот самобытный край. Мероприятие прошло под девизом «Все начинается с истоков». В рамках этнофестиваля можно было познакомиться с чайными церемониями национально-культурных автономий и центров на «Улице добрых соседей», попробовать блюда национальной кухни, приобрести изделия национальной кухни, сакральные элементы от национально-культурной автономии эвенков, а также поучаствовать в мастер-классах по изготовлению «Кукол-кубышек» с Фанией Гареевой и др. Мероприятие завершилось большим праздничным концертом, в котором приняли участие студия танца «Байкал-Идель» с бурятскими, татарскими, корейскими, монгольскими, казачьими и русскими вокально-хореографическими зарисовками, азербайджанский ансамбль «Хазар», армянский ансамбль «Рафаэлло», эвенкийский хореографический коллектив «Аруун», тувинская группа горлового пения «Хайырыкан», бурятская танцевальная группа «Ангара», фольклорный коллектив «Семейские Янтари», а также узбекские, таджикские и киргизские солисты. Этнофестиваль планируют проводить ежегодно, где жители и гости г. Улан-Удэ смогут увидеть разные стороны традиционного быта народов Бурятии.

Богатейшее наследие, оставленное предками, требует бережного и уважительного отношения, в том числе и национальная культура каждого народа.

Сегодня наблюдается всплеск возрождения традиционных и религиозных ценностей через сохранившиеся элементы традиционной культуры. Этносы в новой форме используют традиции, обычаи, обряды, ритуалы, наполняя их новым смыслом, поскольку именно его содержание формирует контекстуальное пространство традиционной культуры.

Применительно к современной этнической культуре необходимо специальное изучение всех структурных элементов как материальной, так и духовной культуры, которое позволяет выявить наиболее значимые, востребованные или, напротив, те из них, которые могут быть утрачены, и предпринять соответствующие меры.

Исследование этнических культур свидетельствуют о необходимости сохранения этнических культур, об эффективности их поддержки, о благотворном влиянии этнических ценностей на нравственный климат общества.

Реализация государственной политики, направленной на поддержание культурной идентичности, при активности самих этносов приведет к демократизации и стабилизации общества, будет способствовать диалогу культур [2, с. 76].

Необходима огромная работа по распространению, пропаганде и внедрению адаптированных к нынешним условиям этнических ценностей в повседневную жизнедеятельность этноса. Многие в этом направлении уже делается, но еще больше необходимо сделать для того, чтобы в культурную среду современного города, села, поселка внести национальное своеобразие.

Можно согласиться с позицией В.В. Путина «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» [4, с. 8].

Примечание

1. Баталова С. Р. Инновационные модели по формированию толерантности молодежи (из опыта работы Байкальского центра культурного разнообразия и толерантности ФГОУ ВПО ВСГАКИ) : метод. пособие. Улан-Удэ, 2010.

2. Карнышев А. Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ, 1997.

3. Кондратьева В. В. Татары Бурятии: сохранение этнокультурной идентичности (конец XIX – начало XXI в.) : дис. канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013.

4. Путин В. В. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666. М., 2013. С. 8.

5. Татарова С. П., С. Р. Сотникова. Оценка, анализ и технологии формирования толерантности в условиях вуза культуры: анализ результатов социологического исследования. Улан-Удэ, 2009.

6. Об образовании при Президенте Республики Бурятия Совета национальностей Республики Бурятия : Указ Президента Респ. Бурятия от 9 февр. 1998 г. № 27 (в ред. Указов Президента Респ. Бурятия от 16 авг. 2001 г. № 164).

УДК 821.512.31-2

Амгаланова М.В.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В БУРЯТИИ В 1920-Е ГОДЫ THE MAIN FEATURES OF THE LITERARY PROCESS IN BURYATIA IN THE 1920S YEARS

Статья посвящена становлению бурятской литературы в 1920-годы на примере национальной драматургии. Образцами национальной литературы и драматургии этих лет автор полагает пьесы Б.Барадина. В статье приводится краткий анализ драматических произведений «Жэгдэн», «Шойжид» и «Великая сестрица шаманка».

The article is devoted to the formation of the Buryat literature in the 1920 years. The author like an example takes national drama. The patterns of national literature and drama of these years, on the authors opinion are B.Baradins dramas. The article provides a brief analysis of dramatic works «Zhegden», «Shozhid» and «The Great sister shaman».

Ключевые слова: бурятская литература, национальная драматургия.

Keywords: Buryat literature, a national drama.

Процесс становления и развития художественной культуры в Бурятии был направлен на то, чтобы превратить художественное творчество в систему идеологических и эстетических принципов, чтобы на их основе сформировать нравственно-эстетические качества «нового» советского человека. Особенностью художественного процесса в Бурятии было то, что он представлял собой функционирование и развитие всех областей искусства – театра, литературы, архитектуры, живописи – в совокупности, определяемых общим характером и целостностью национальной бурятской культуры. Особенную популярность в 20-е годы приобрело театральное искусство, важными критериями которого становились массовость и доступность большинства постановок восприятию впервые пришедшего на сценическое представление человека, а также насыщенность спектаклей политическими идеями, созвучность революционному времени, их событийность и яркая зрелищность. На первоначальной стадии развития национальной бурятской драматургии театр стал самым естественным преемником устной народной культуры, чему способствовали социальные функции театра, возложенные на него в связи с социокультурной ситуацией: неграмотностью большинства населения, необходимостью вести идейную борьбу, приобщения народных масс к национальной культуре и т.д.

Основные этапы становления и развития бурятской литературы проходили в соответствии с основополагающими принципами и канонами советской литературы, также сопровождался эстетической и идейной борьбой. Но при этом литературный процесс отличался уникальностью. Во-первых, до начала XX века у бурят в культурном наследии словесного твор-

чества была письменная буддийская литература на классической старомонгольской письменности (богословского, медицинского, юридического, исторического и т.п. характера) и богатый фольклор (сказки, легенды, предания, изумительный по красоте героический эпос и т.п.). Во-вторых, наиболее популярным литературным жанром становится драма, выполнявшая миссию агитатора благодаря своей публицистичности, доступности простому неподготовленному и необразованному зрителю и эмоциональной заразительности.

Поэтому в первой четверти XX века в становлении бурятской литературы имелось несколько направлений. Не имея иных традиций литературного творчества в Бурятии, представители еще дореволюционной интеллигенции (Б. Барадин, Солбонэ Туя и др.) ориентировали молодых представителей бурятской литературы и искусства на исконные национальные достижения: шаманскую поэзию, буддийское искусство и т.п. Другая группа писателей создавала произведения в рамках антиламской критики (Б. Абидуев, Х. Намсараев, Ц. Номтоев и др.). Незначительная часть выступала с идеями декадентско-упаднического характера (А. Инкижинов, М. Трубочеев), была и группа, ратовавшая за «немедленный переход к европейской культуре через русскую культуру, литературу», отказываясь от богатейшего культурного наследия [2, с. 17-21]. В данной статье мы остановимся на драматургии Б. Барадина.

В 1920-е годы среди драматургов и зрителей наибольшую популярность приобрел комедийный жанр, который, с одной стороны, отвечал требованиям национального художественного мышления народа, а с другой – отражал бытовой колорит, внешние и внутренние традиции старого мира, не соответствовавшие новой эпохе. Одной из наиболее успешных первых бурятских комедий считается «Жэгдэн» (1918-1919) Б. Барадина и Д.-Р. Намжилона. Анекдотические случаи из жизни заседателя Агинской степной думы Жэгдэна Зориктуева легли в основу одноактной комедии Б. Барадина «Старинные бурятские нойоны» («Урданай буряад ноёд», 1919) и комедии в одном действии Д.-Р. Намжилона «Жэгдэн Зориктуев» (1921) [3, с. 33-34]. Совместная работа впервые была поставлена на сцене Агинского народного театра. В дальнейшем она несколько раз редактировалась и дополнялась, последняя редакция была осуществлена в 1933 году, в которой из пяти явлений перу Намжилона принадлежало только третье явление [2, с. 161]. Первая многоактная бурятская комедия беспрерывно шла на улусных сценах вплоть до 1937 года.

Главное действующее лицо пьесы – богатый старик, слабости и причуды, которого дали богатую пищу для множества анекдотов. Опираясь на известные предания агинцев, авторы пьесы достоверно воспроизвели быт и нравы бурятских нойонов, положение бурятской бедноты и бесправное положение женщин XIX века, придавая бытовым зарисовкам изрядную долю юмора. Объектом смеха зрителей становится физическая (наружность, лицо, фигура), интеллектуальная (суждения, психологическая мотивировка действий), моральная (безнравственность, похотливость, мелочность устремлений) жизнь Жэгдэна. То есть те стороны его жизни, что подвергались насмешке и при жизни. В форме неприкрытой иронии осуждаются также и русские чиновники за взяточничество. Эта комедия носит тенденциозный морализаторский характер, что объясняется иной ролью жизненного материала, чем, например, в трагедии. Подлинно комедийные ситуации не могут быть просто достоверными, в них активно присутствует или авторская насмешка, или особая авторская наблюдательность. Жизнь и чувства комедийных персонажей отличаются от переживаний героев драмы, причиной чего является специфика комедийного конфликта как своеобразного отражения жизненных противоречий.

Изобразив Жэгдэна живым и реальным, внеся в пьесу черты быта и живую народную речь, психологические мотивировки поступков героев, первая бурятская комедия стала сочетанием достоинств веселого спектакля в стиле *dell-arte* и литературных содержательных качеств. В комедии была преодолена дробность композиционного строения, существовала внутренняя связь отдельных эпизодов [1, с. 11].

Особой популярностью пользовалась у бурятских драматургов историческая тема. Сюжеты для своих произведений авторы брали из исторических документов, легенд и преда-

ний, из богатого фольклорного наследия. Жанр исторических пьес требовал широкой панорамы национальной жизни, множества действующих лиц, смены мест действий. Все это находим в другом драматическом произведении Б. Барадина «Шойжид» («Шойжид хатан», 1920). Драма повествует о реальных исторических событиях 1802-1807 годов, когда по царскому указу заселялись земли забайкальских бурят переселенцами из европейской части Российской империи. В пьесе правдиво нарисованы быт и нравы нойонов и лам, общность их интересов, раскрыта закулисная сторона сделки между бурятской верхушкой и высокопоставленными царскими чиновниками. Кроме того, в ней показана жизнь и личная драма главной героини Шойжид, жены Хоринского тайши. В этой пьесе, как и в лучших пьесах ведущих драматургов, утверждалась зависимость дум и дел героев от сложных социально-политических процессов. Динамикой драматического действия служит непримиримость жизненных принципов простого народа и нойонской верхушки. На конфликте этих мировоззренческих принципов были построены движение действия, композиция и художественно-философская концепция пьесы. В целом «Шойжид» проходит через опыт европейского романтического искусства с его возвышенными, но отверженными героями, находящимися по отношению к окружающему миру в трагической антитезе. С другой стороны, в художественном отношении Барадин использует аналитическую манеру описания действительности, что присуще критическому реализму.

Еще одним новаторским произведением бурятской драматургии стала стихотворная драма Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ удаган абжаа», 1921). Пьеса посвящена исторической поездке хоринских бурят в 1701 году к Петру I. В этой пьесе автор органично соединил лирическое и эпическое начала с драматическим действием. Лирическое начало обусловлено введением в текст пьесы песен, шаманских призываний, наделением монологов героев образной метафоричностью: яркими эпитетами, сравнениями, образными выражениями; приемами из фонда обрядовой поэзии: проклятиями, благопожеланиями, заговорами и заклинаниями. Эпическое начало характеризуется отражением народной жизни, народной идеологии, эпической заинтересованностью в победе добра над злом, расширением пространства и времени. Зафиксировав знаменательное историческое событие в своей пьесе, Барадин соотносит его с современными ему историческими процессами 20-х годов и со всей исторической протяженностью в целом. В этом, скорее всего, заключалась одна из главных художественных задач драматурга: разомкнуть сознание зрителя, показать ему события, происходившие в далеком прошлом, и научить его в открывшейся перспективе увидеть и оценить не только прошлое своего народа, но и свое время.

Драматургия Базара Барадина является одним из важных звеньев литературного процесса в Бурятии в 1920-е годы. Его пьесы, не смотря на страшную идеологическую критику в конце 1930-х годах, сегодня представляют собой значительное явление в национальной драматургии и литературе.

Примечания

1. Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.
2. История бурятской советской литературы. Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1967. 475 с.
3. Найдакова В. Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева – последняя четверть XX века (1975-2002 гг.). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. 310 с.

**НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ
МИРА И ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Ц.-Ж. ЖИМБИЕВА «ГОД ОГНЕННОЙ ЗМЕИ»
MORAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE NATIONAL CONCEPT
THE WORLD AND MAN IN THE NOVEL BY C. J. ZIMBAWE «THE YEAR OF THE
FIRE SNAKE»**

Автор статьи отмечает, что в основу концепции Ц.-Ж. Жимбиева в романе «Год огненной змеи» ставится связь героя с народной памятью, преемственность поколений как основы гуманистического начала личности. Объектом первостепенного внимания писателя являются национально-исторические черты народного характера, устойчивость и жизненное богатство которых проверяются сложными периодами истории.

The author notes that the concept C. J. Zimbabwe in the novel "the year of the fire snake is put the relationship of the hero with the people's memory, the continuity of generations as the basis of humanistic principles of personality. The primary object of attention of the writer are national-historical features of the national character, stability, wealth and life to test challenging periods of history.

Ключевые слова: Жимбиев Ц.-Ж., «Год огненной змеи», Великая Отечественная война в художественной литературе, время, труд, бурятская семья, детство, связь поколений, нравственное воспитание.

Keywords: Zimbabwe C.-J., «the year of the fire snake», the Great Patriotic war in fiction, time, labor, Buryat family, childhood, relationship between generations, moral education

Исторической основой романа Ц.Ж. Жимбиева послужила Великая Отечественная война. Для писателя важно осмыслить те изменения, которые происходят не только в обществе, но и в отдельном человеке, в его жизни, сознании, выпавшие на долю именно его поколения. Неслучайно, герой Ц. Жимбиева - мальчик-подросток (традиция популярная в литературе XIX-XX вв.: Ф.Достоевский, А. Чехов, А.Платонов, Ч.Айтматов и др., в образной системе которых часто встречаются герои-дети).

Как известно, в литературном процессе взаимодействуют три начала: жизненное, внутрилитературное и личностное писательское. Первое – это внешние обстоятельства жизни, материальные и духовные факты, воссоздаваемые из действительности, второе - связано с художественным опытом, сформировавшимися художественными традициями, влиянием близкого литературного окружения, и третье заключает в себе то, что присуще социальной и психической творческой природе самого художника и определяет неповторимость его дарования. При этом каждый писатель обладает правом на избирательность в обращении к тому или иному жизненному материалу.

В этой связи важным, как нам кажется, оказался процесс формирования концепции с учетом оценки таких исторических процессов, как репрессии, коллективизация и в особенности, осмысление событий, связанных с экстремальной ситуацией Великой Отечественной войны.

70-е годы в литературе о войне имели две важные особенности: первая входило в силу то поколение писателей, которые в годы войны были еще детьми, вторая – стремление познать истоки победы приводит к более пристальному взгляду на духовную жизнь тыла как части победившего мира. Поэтому выбор главного героя Ц. Жимбиевым – ребенка с его обостренной чувствительностью и непосредственной ясностью взгляда, оказался необходимым. Но автор оставляет своего героя на пороге взрослой жизни, мы не знаем, что будет с ним в будущем, каким он станет человеком. Возможно, выбор героя связан и с собственной позицией автора относительно концепции современного человека, которая находится в развитии, по-

тому что приметой общественного самосознания 70-х годов стали поиски истины, желание самоопределиться в мире, найти те точки опоры, которые помогли бы человеку обрести стабильность, определить духовные связи между миром и человеком. И как следствие, художественные искания литературы вливаются в более широкое русло философских исканий.

Ц.-Ж. Жимбиев в романе «Год огненной змеи» создает героя, в котором соединены предельно конкретизированные черты национальной личности в контексте этнографических реалий быта и универсальных качеств жизни, когда локальное в человеке становится национальным, а народное перерастает в общечеловеческое. Связь героя с народной памятью, преемственность поколений как основы гуманистического начала личности ставятся во главу авторской концепции в романе.

Само название романа «Гал могой жэл» («Год огненной змеи») символично, с одной стороны, это указание конкретного года – 1941 г., с другой стороны, восточное летоисчисление – это замкнутый малый цикл из повторяющихся двенадцати годов и большой из шестидесяти годов. Цикл образует круг, символизирующий вечность в буддийском мироздании. Считается, что год, в который родился человек, определяет не только его характер, но и во многом судьбу. В романе главный герой высказывает следующую мысль: «У нас года не безлики – у каждого свое лицо, свой характер. И вот еще что удивительно: человека, родившегося в год тигра никогда не спутаешь с тем, кто появился на свет, например в год белоротой мыши. Разные годы – разные люди, по крайней мере, мы так считаем» (Жимбиев Ц.-Ж., С. 8). В данном высказывании героя-мальчика Батожаба содержится ценная мысль о многоликости человеческого мира, подчеркивается индивидуальность каждого отдельного человека.

Но это и формальный показатель присутствующего в романе времени. Истинный его показатель – народное сознание. Религиозно-мифологическое сознание народа, проявленное в связи с великим катаклизмом XX века – один из каналов, через которые роман выходит в контекст исторического времени. Объектом первостепенного внимания автора являются национально-исторические черты народного характера, устойчивость и жизненное богатство которых проверяются историей.

Повествование в романе ведется от лица пятнадцатилетнего подростка Батожаба. Этот художественный прием, достаточно распространенный в прозе, ценность его заключается в следующем: «Рассказ героя открывает дорогу «произвольному» изложению происшедшего – не по логике эпической закономерности, а по субъективной прихотливости в отборе событий и памяти о них... Беспрестанное смешение пропорций, мотивов, временных пластов позволяет добиваться высокого эмоционального накала и пружинной сжатости повествования» [1, с. 261]. Этот художественный прием позволяет автору показать жизненную реальность глазами главного героя и быть свободным в выборе оценки действительности и элементов психологического анализа таких, например, как рассуждения героя и его внутренний монолог.

Несомненна включенность героя в историческое движение времени. Автор в романе показывает конкретное время – первые полгода войны, и хотя герой непосредственно не участвует в ней, но именно это определяет исключительность ситуации, в которой проявляются его моральные качества. Война обнажает истину, все ложное, мнимое терпит крах, потому как истина в том, что отстаивает народ: родину, будущее, свободу – и это очень остро чувствует герой.

Трагическое дыхание войны исследует автор в романе. Война это не только фронт и бои, но и голод, лишения, тяжелая работа, взваленная на плечи детей, стариков и женщин в тылу. Именно начало войны становится точкой отсчета нового времени для героя. Буквально за одну ночь он становится «взрослым» человеком, социально значимым и ответственным, потому что ему доверяют колхозный табун. Мальчик очень любит коней, и с детства мечтал стать табунщиком, он часто ходил в ночное с другом Эрдэни. Но мера ответственности за табун продиктована реалиями военного времени.

Признаки исторического времени у Ц. Жимбиева растворены в диалогах героев, в осой предметной их содержательности. Например, единичные ругательства почтальонши Хур-

лы отличаются социально-исторической маркированностью. Отец Батожаба был репрессирован, всем известно, каким было отношение к семье врага народа. И хотя в романе ни разу не упоминается это сочетание «враг народа», в устах злобной Хурлы все ругательства, к примеру: «волчье семя», «волчонок», «проклятая семья», «прокаженные» – имеют именно этот социально-исторический подтекст.

Время присутствует и в плане «бытового», «житейского». Семья Батожаба осталась без мяса на зиму, потому что вместо украденного колхозного коня были вынуждены отдать своего бычка, поэтому пища у них скудная. «На низкой печке стоят горшок, медный чайник и чугунный котел. В горшке тают куски льда, в чайнике черный как деготь чай, а в котле наша ежедневная пища – заваруха» [2, с.179]. Так, несколькими деталями автор дает представление о тяжелом и голодном военном времени.

Мальчик сразу поставлен в ситуацию, когда с одной стороны, он взрослый человек – мужчина, опора семьи, трудящийся в колхозе за настоящие трудовые, с другой, еще ребенок, которому хочется играть. Для сознания ребенка характерно чистое первозданное восприятие мира, он не располагает жизненным опытом, но интуитивно выступает носителем вечных человеческих ценностей. В образе главного героя мы обнаруживаем нетронутую совесть, истинные, жизненные ориентиры, определенный кругозор, благодаря знанию им национального фольклора и привязанности к нравственным нормам своих предков. Эти ценные качества позволяют ему в исключительно сложных ситуациях выбирать по возможности правильное решение. Когда табунщик соседнего колхоза пытается угнать его лошадей, он, не раздумывая, бросается в схватку с воров, не только из-за личной ответственности за колхозный табун, но и из-за собственного понимания справедливости.

Обыденность на первый взгляд исключает драматизм, однако порой испытание в условиях самой будничной действительности оказывается драматичным. Острота конфликта в романе определяется тем, что нравственные вопросы становятся критерием проверки героя на человечность. Писатель настойчиво показывает человека, облик которого вырисовывается не в минуты крайнего напряжения, на перепутье, а каждый день: на работе, дома, в отношениях с окружающими. Неделимость социального и личного, бытового и духовного, требующая высоких критериев в подходе к человеку, этическая предпосылка авторской позиции в романе.

Для героя поступки людей четко разделены на правильные и неправильные. Он пытается дознаться до истинных причин ясновидения почтальонши Хурлы и впервые в жизни сталкивается с подлостью и предательством знакомого человека. В начале романа мальчик еще играет в войну, а в конце он уже полон решимости отправиться на фронт, чтобы отомстить за смерть отца. Быстро происходит его взросление, но это не может ему навредить, потому что в его сознание заложена шкала нравственных ценностей традиционным воспитанием в семье.

Его окружает среда собственно и воспитавшая его таким, каков он: духовно богатая бабушка, семья, придерживающаяся традиций (уважение к старшим, распределение обязанностей в работе, по дому). Ц.-Ж. Жимбиев показал героя возвращенного определенной национальной и общественной атмосферой, именно атмосферой маленького улуса, отдаленного от центра уголка земли, где также явно и неотвратимо отражаются все исторические процессы, происходящие в стране.

Как любой деревенский ребенок Батожаб рано приобщился к труду. Главное, автор не упускает из виду внутреннюю сторону содержания труда – его целевую направленность. Труд, реальная польза от этого труда – это определение ценности каждого человека, потому что народ объединяется, сплачивается, прежде всего, совместным трудом. Такое добросовестное отношение к труду, установленное и освященное житейским и нравственным опытом поколений, воспринято героем от предков. В традиционной бурятской семье ребенка с раннего возраста приучали выполнять несложную работу. Трудовое воспитание приучало детей бережливости и уважению своего и чужого труда.

В романе показан родовой уклад бурятской семьи - строгая иерархия членов семьи, когда последнее слово всегда остается за старейшими представителями рода: «Я помалкивал, потому что бабушка – самая старшая в семье, я – младший, хотя и не самый» [2, с. 5]. В семье Батожаба самая старшая, а значит глава семьи – бабушка-шабганса: «Наша шабганса... так с почтением называют самых старых и уважаемых в роду», – говорит о ней герой (с. 7). Она его воспитывала, от нее он знает народные приметы, обычаи, легенды, героический эпос. В романе показана очень тесная связь двух представителей разных поколений, символизирующая вечную связь прошлого и будущего. Она учит различать добро и зло, помогает понять, что жизнь состоит не только из мечты, фантазии, каждодневного труда, но и из необходимости духовной преемственности – почитание предков, бурхана (бога) и соблюдения связанных с этим обрядов. Бабушка делает это исподволь, не навязывая и не заставляя, а, скорей всего, полагаясь на восприимчивость детского сознания.

Для литературы XX в. характерно то, что часто героями произведения являются старики и дети. «Старики и дети оказываются не просто темой литературы – они определяют самый тип литературного творчества, который приближается к мифическому. В детстве и старости нет такой резкой разницы и противостояния внешней действительности и собственного «я», как для зрелого, действующего человека, который, познавая мир как чуждый, хочет освоить его, переделать в согласии с собой. Старик и дитя более растворены в жизни всем своим душевным составом: один еще не выделился из нее, другой уже готовится быть поглощенным ею. Для ребенка мир невыводим за пределы фантазии, для старика почти весь введен в пределы памяти, и эти субъективные состояния вбирают в себя всю данную извне реальность, не отделяя ее в резком свете заинтересованной и целеустремленной активности» [3, с. 238].

Связь Батожаба и бабушки определена не только кровным родством, но также обусловлена и влиянием на человеческие судьбы истории. Шабганса пережила первую мировую войну, революцию и гражданскую, коллективизацию, репрессии – эти прошлые разные времена для нее равноценны и равнозначны, потому что их уравнивают ее личные потери отца, мужа, сына. Вследствие этих потерь она осталась главой рода и обязана воспитать внуков. В романе присутствуют разные временные пласты, которые соотносятся и взаимно обуславливаются, поэтому в произведении, посвященном лишь нескольким месяцам жизни бурятских колхозников, так значительна концентрация исторического и человеческого содержания.

Образ шабгансы в романе связывает времена, вынужденная не показывать свою скорбь и чувство старческой неприкаянности в общении с внуком, она является носителем национальной мудрости и памяти: «Нынче год огненной змеи, когда он проходил легко? Или засуха, или черная болезнь на скот, на людей, а теперь напасть хуже мора. И войны всегда в год огненной змеи» [2, с. 7]. Здесь автор сознательно ориентируется на психолого-ассоциативные законы памяти, героиня как бы находится в двух реальностях (прошлое и настоящее) и ее биография мгновенно проживается во времени. С одной стороны, память рефлексирует в настоящее – нынешняя война, с другой, она вбирает в себя весь прошлый опыт народа – все тяжелые для народа события приходятся на год «огненной змеи». Современность, которая наделяет бабушку трагическим мироощущением, встречается с прошлым.

Нелегкая жизнь выпала на долю бабушки Батожаба: в первую мировую войну отец ее вернулся с тыловых работ инвалидом, мужа зверски убили кулаки, сына, отца Батожаба, оклеветали и посадили в тюрьму. Наверное, поэтому, считает внук, она всегда ждет беды. И это дополнение принципиально: оно включает нас в иное социальное мировоззрение. По-буддийски жизнь человека - это страдание, порожденное желаниями, избавление от желаний и есть путь избавления от страданий. В сознании бабушки ожидание беды обусловлено социально-историческими причинами. В одном из эпизодов романа она напоминает дочери о том, что будучи комсомольцами они выбросили бурханов из гунгарбы (божница). Для шабгансы этот кощунственный поступок – причина сегодняшних бед семьи. В ссоре с дочерьми она гово-

рит: «Денно и ночью молюсь, чтоб мой сын вернулся здоровым. Но этого мало, все должны молиться, все: господи, охрани наш дом от своего гнева!» [2, с. 101].

Шабганса искренне верит в бога, верит в то, что ее молитвы помогут сыну вернуться живым и невредимым с фронта, так верили и молились за своих детей ее предки и сотни людей вокруг. Должен быть высший, незыблемый центр притяжения, чтобы жизнь человеческая не распалась на отдельные бессмысленные куски. В эти трудные времена шабганса верит во всеведение и благодать бога, и в этой вере героиня черпает духовные силы.

Веками сложившиеся устои жизни, обычаи, религиозно-бытовые обряды, передававшиеся из поколения в поколение, все-таки сохраняются и в условиях новой действительности. Хотя дочери и против совершения обряда «хий-морин», но, все же, они не могут воспрепятствовать этому, потому что шабганса глава семьи и послушаться ее значит нарушить обычаи. Сэрэн-Дулма говорит Батожабу: «Теперь сорвать – старуху насмерть обидеть. Ни тебе, ни нам не простит по гроб. Нет уж...» (Жимбиев Ц.-Ж., С.103). В этих словах выражена, не просто боязнь обидеть бабушку, но и традиция уважать старших в роду.

Так одним из кардинальных моментов нравственного воспитания считалось внушением детям почтительного отношения к старшим. Правила поведения, соблюдавшиеся изо дня в день, превращались в норму, стереотип поведения людей, который передавался из поколения в поколение. Мать Батожаба и тетя не только на словах, но и на деле показывают устойчивость этой традиции.

Символика судьбы ребенка, воспринимаемая как сокращенный исторический путь человечества, дает возможность заглянуть вперед, в будущее. Детская фантазия воспринимает равноценно как традиционные нравственные нормы, так и наблюдаемые в жизни новые формы социальных связей и само поведение людей. Драматичность ситуации в том, что «добро» и «зло» не противостоят друг другу в чистом виде, они тесно переплелись. Но детскому уму понимание этого не доступно. Он стремится к бескомпромиссному решению. Батожаб реально осуществил свое идеальное понимание добра. Мальчик видит людей и их дела такими, какие они есть.

Примечания

1. Бочаров А. Г. Бесконечность поиска: художественные поиски современной советской прозы. М. : Сов. писатель. 1982. 423 с.
2. Жимбиев Ц.-Ж. Год огненной змеи. М. : Сов. писатель. 1974. 182 с.
3. Эпштейн М., Юркина Е. Мир и человек // Вопр. лит. 1981. № 4.

УДК 655(091)(571.54)''1941/1945''

Одорова Т.Л.

ИЗ ИСТОРИИ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ В БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ FROM THE HISTORY OF BOOK DISTRIBUTION IN BURYATIA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье характеризуется развитие книжной торговли и библиотечного дела республики в военный период (1941-1945 гг.). Рассматриваются некоторые вопросы организации кооперативной книжной торговли, работы государственных массовых библиотек, проблемы их финансирования, комплектования.

The article presents the characteristics of the development of the book trade and libraries of the Republic in the war period (1941-1945). Discusses organization of cooperative book trading, work of State public libraries, the problem of financing libraries, supply of books to libraries.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, кооперативная книжная торговля, государственные массовые библиотеки, финансирование библиотек, комплектование библиотек.

Key words: The Great Patriotic War, the co-operative book trade, the problem of financing libraries, supply of printed materials to libraries.

Направления деятельности книготорговых и библиотечных учреждений Бурятии в годы Великой Отечественной войны определялись решениями руководящих органов страны и республики. В постановлении президиума правления Бурят-Монгольского союза кооперативов «Об усилении торговли книгой» (июль 1941 г.) подчеркивалось «огромное культурно-политическое значение литературы для населения». Постановление было принято во исполнение указаний Центрального союза потребительских обществ СССР (июнь 1941 г.), а также соответствующих решений Областного комитета ВКП (б), Совета народных комиссаров БМАССР [1].

Всем районным и сельским потребительским союзам предписывалось активизировать работу с книгой. Осуществление торговли книгами на селе виделось руководящим органам следующим образом: в районных центрах – через сеть магазинов товаров культурного назначения, районных магазинов (книготорговые отделы со специальным продавцом); в селах – через сеть сельских магазинов, главных лавок сельских потребительских обществ (книжные полки). Районные и сельские магазины должны были организовать сеть постоянных книгонош из числа учащихся, колхозных бригадиров, с оплатой 5-10% от суммы реализации. Оповещение населения о поступлениях новой литературы предлагалось наладить через районные газеты [2].

Перестройке деятельности библиотек в годы войны содействовали директивы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, в том числе приказ от 27 октября 1941 г. «О работе массовых библиотек в военное время». Принятое вслед за ним постановление Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (декабрь 1941 г.) обязало Наркомпрос республики, районные отделы народного образования обеспечить библиотеки, избы-читальни литературой о Великой Отечественной войне, учебными пособиями по военному делу [3].

В 1943 г. бюджетные поступления в государственные массовые библиотеки (а именно в 20 библиотек, подавших сведения) сократились и составили 234 тыс. руб. (в 1939 г. – 818 тыс. руб. на 40 библиотек сети) [4]. Из них израсходовано – 194,5 тыс. руб., в том числе на обновление книжного фонда – 18,5 тыс. руб. [5]. По бюджету Наркомпроса Бурят-Монгольской АССР в 1944 г. для политико-просветительных учреждений республики было ассигновано около 2,5 млн. руб. Библиотеки по разным причинам не полностью использовали годовые ассигнования (лишь на 41%), в Иволгинском же районе «не использовали ни одной копейки» [6].

В 1944 г. органы народного образования республики впервые за годы войны получили широкую возможность снабжать сельские политико-просветительные учреждения печатной продукцией. Избы-читальни получили в течение года более пяти тысяч книг, а всего в сельскую местность за девять месяцев 1944 г. было направлено более семи тысяч художественных плакатов и около пятнадцати тысяч экземпляров книг. Вместе с тем, нередко брошюры и плакаты оседали в большом количестве на складах сельских потребительских обществ и аймачных потребительских союзов, так и не доходя до читателей. Отчасти это было связано с отсутствием учета социально-экономического, демографического факторов в распределении книг по территории республики. Так, сборники пьес на бурят-монгольском языке для художественной самодеятельности (100 экз.), направленные в Кабанский аймак, попали в колхозы с преобладающим русским населением, где их «употребили на канцелярские нужды...» [7].

В период войны библиотеки работали в сложных условиях; часть из них закрывалась или бездействовала из-за отсутствия кадров, топлива, освещения, как, например, 15 библиотек и 35 изб-читален в 1944 г. [8]. Как отмечалось в документах той поры: «во многих аймачных и сельских библиотеках царит бесхозяйственность; некоторые из них закрыты» [9].

Представление о количественном составе библиотек дают сохранившиеся статистические данные. Приведем некоторые из них, принимая во внимание некоторую противоречи-

вость статистических документов военной эпохи. Количество массовых библиотек Наркомпроса Бурят-Монгольской АССР оставалось примерно на довоенном уровне [10; 11]. На 1 января 1945 г. действовали: 1 республиканская, 19 районных, 4 городские, 1 детская, 19 сельских библиотек [12].

К приоритетным формам работы относились массовые мероприятия: выставки, лекции, громкие читки. Посвящались они событиям военных лет, о чем говорят, например, названия их тем: “На фронтах Отечественной войны”, “Героизм советского народа”, “В помощь изучающим книгу т. Сталина “О Великой Отечественной войне Советского Союза”[13]. Сеть передвижек были охвачены военные части и комиссариаты, полевые станы, стоянки оленеводов и охотников, рыболовецкие пункты [14 ; 15].

В годы Великой Отечественной войны учреждения сферы книгораспространения действовали в сложных организационных, материальных и морально-психологических условиях. Используя наиболее приемлемые для военного времени формы и методы деятельности, работники книжного дела внесли свой вклад в оборонно-массовую и агитационно-политическую работу, формирование общественного сознания.

Примечания

1. ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия) Ф.р-228. Оп. 1. Д. 7. Л. 57.
2. ГАРБ. Ф. р-228. Оп. 1. Д. 7. Л. 57-58.
3. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917-1981) : док. и материалы. Улан-Удэ, 1983. 568 с.
4. ГАРБ. Ф. р-667. Оп. 1. Д. 12. Л. 436.
5. ГАРБ. Ф. р-196. Оп. 14. Д. 2632. Л. 38 об.
6. Там же. Л. 55.
7. Там же. Л. 48 об.
8. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4227. Л. 133.
9. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4393. Л. 48 об.
10. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1974. Т. 2. С. 309.
11. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : сб. док. Улан-Удэ, 1975. С. 289.
12. ГАРБ. Ф. р-196. Оп. 14. Д. 46. Л. 2.
13. ГАРБ. Ф. р-667. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
14. ГА РБ. Ф. р-228. Оп. 1. Д. 3623. Л. 153.
15. Новиненко А. Библиотеки в дни войны // Бурят-Монгольская правда. 1943. 23 июня. С. 3.

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

УДК 78:37

Степанова С.Г.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ THE PROGRAM OF DEVELOPMENT OF MUSICAL CULTURE OF PUPILS IN POLYETHNIC REGION

Автор статьи обращается к проблеме преемственности традиций и отражения национально-культурного наследия народов Восточной Сибири в системе образования, чему способствует поэтапное освоение учащимися и студентами содержания специализированных программ с модульным включением регионального материала на всех уровнях обучения.

The Author of article addresses to a problem of continuity of traditions and reflexions national-cultural heritage the people of Eastern Siberia in an education system that promoted by stage-by-stage development by pupils and students of the maintenance of specialised programs with modular inclusion of a regional material at all levels of training.

Ключевые слова: национально-культурное наследие, система образования, музыкальная культура учащихся.

Keywords: national-cultural heritage, an education system, musical culture of pupils.

Основные направления развития Отечественного образования и воспитания нераздельно связаны с изучением наследия художественной культуры и национальных традиций народов России. В связи с этим появляется ряд исследований по изучению истории и культуры своего края, в том числе, по проблемам художественного образования.

Сегодня преподавание на всех уровнях обучения ведется по федеральным стандартам и программам, но с учетом национально-региональной специфики в содержании образования. Каждый субъект РФ имеет собственную модель регионального образования, в том числе, музыкального, с учетом сложившихся культурных традиций своего края.

Так, в Республике Бурятия функционируют этнические, традиционные культуры – бурятская, русская, эвенкийская и т.д. Каждый из этносов, представленный в республике, имеет богатую музыкальную культуру, самобытный фольклор, характерную систему жанров. В системе высшего образования этот материал изучается в ряде дисциплин гуманитарного и профессионального цикла как связь с историческим прошлым, возможность овладения специальными знаниями, навыками и компетенциями.

В то же время актуальной педагогической проблемой в учебно-воспитательном процессе в массовом образовании является последовательность и выбор тем для уроков по музыке. В государственной образовательной программе по предмету «Музыка» Д.Б.Кабалевского для учащихся общеобразовательных школ существует раздел «Музыка моего народа», который не только позволяет, но и предполагает использование регионального материала. Для того, чтобы определить последовательность тематического содержания цикла уроков данного раздела, учителю необходимо изучить не только саму музыку, но и историко-культурные и художественные традиции региона. При этом важно использовать модель программы, которая учитывает психолого-педагогические условия и факторы становления музыкальной культуры учащихся в полиэтническом регионе. Данная модель легла в основу содержания вариативной программы «Музыкальная культура родного края» (автор – Степанова С.Г.), которая может служить примером того, как средствами модульного включения, региональная учебная информация входит в состав федерального компонента [1, с. 96].

Цель программы «Музыкальная культура родного края» – способствовать процессу развития музыкальной культуры школьников как части их духовной культуры на основе при-

общения к национальному наследию музыкального искусства региона в процессе накопления интонационно-слухового опыта, развития активного, целостного восприятия, активизации музыкального мышления и воображения, расширения музыкально-эстетического сознания, способствующих формированию художественного вкуса, музыкального кругозора, а также, становлению духовно-нравственных качеств личности в учебно-воспитательном процессе музыкального воспитания учащихся.

В ходе работы выдвигаются следующие **задачи**:

- **Образовательные**: получение теоретических знаний в области постижения основ теории музыкального искусства, овладение музыкальной грамотой, расширение представлений о музыкальном фольклоре, образцах духовной музыки и национальном композиторском искусстве родного края; привлечение детей доступными художественно-выразительными средствами к участию в различных видах музыкально-творческой деятельности.

- **Развивающие**: развитие музыкальных способностей, музыкально-эстетического отношения к художественным образцам классической, народной и современной музыки, с помощью овладения различными формами музыкальной деятельности; развитие у детей оценочных суждений, стремление к эстетической оценке и анализу музыкальных произведений, вдумчивому и разностороннему их восприятию на основе активизации творческого воображения и музыкального мышления.

- **Воспитательные**: формирование эмоционально-положительного отклика к ценностям национального музыкального искусства, осознанию его значения в музыкальной культуре общества и на этой основе роста духовно-нравственных качеств личности. [1, с. 100].

Программа предусматривает изложение трех разделов, 2 цикла.

Основное содержание программы [2, с. 9-13]:

I цикл авторской программы осуществляется в 3-4-х классах в рамках государственной программы по предмету «Музыка» для общеобразовательных учреждений, созданной на основе художественно-педагогической концепции Д.Б.Кабалевского, в которых происходит освоение первого и второго раздела программы.

II цикл изучается в 5-х классах и направлен на овладение школьниками материалом третьего раздела программы.

Основное содержание *I раздела «Разнообразие народного музыкального творчества народов Восточной Сибири»* раскрывает специфику отражения жизни человека в народном творчестве – как основу музыкального искусства; характерные особенности народной музыки, многообразие жанровых традиций, интонационную культуру этносов.

Дети получают общие представления о разнообразных формах музыкального фольклора как части национального быта и мировоззрения человека, о разновидностях жанровых традиций (песенного, инструментального, музыкально-танцевального творчества) и полифункциональности народной музыки, ее использования в обрядах трудовых, свадебных, ритуальных, на праздниках, охоте (звукоподражание звуку животных в качестве приманки) и т.д. Анализируют черты национального своеобразия музыкального фольклора разных народов – его ладовую основу, мелодические и ритмические особенности.

II раздел программы: «Народная музыка в творчестве композиторов» Позволяет учащимся закрепить материал предыдущего раздела, приобрести новые знания и подготовиться к осознанному восприятию содержания следующего цикла, так как предваряет тематическое введение к III разделу.

Во II разделе учащиеся узнают о способах использования музыкального фольклора в профессиональном творчестве композиторов, разнообразии его форм (цитировании, вариационности, обработки) и т.д. В процессе слушания музыкальных произведений, их анализа, осваивают особенности звучания манеры исполнения музыки при их дифференциации на такие виды как, академическое, народное, эстрадное пение. Таким образом, ребята обобщают накопленные знания, закрепляют музыкально-творческие навыки. На данной основе складывается целостное представление о разнообразии народного музыкального творчества Бурятии

и Восточной Сибири в единстве с осознанием широты связей народного музыкального искусства и профессионального творчества. Начинают формироваться начальные представления о целостной музыкальной культуре региона, включающей народное музыкальное творчество, профессиональное творчество композиторов, просветительскую деятельность самодельных и профессиональных творческих коллективов и т.д.

Раздел III. Национальная композиторская школа Бурятии

Содержание раздела направлено на приобщение к профессиональной музыке композиторов Бурятии, введение в историю ее становления и развития, освоение музыкальных произведений во всем жанровом разнообразии, знакомство с организацией Союза композиторов Бурятии, творчеством ее ведущих композиторов и деятелей.

На данном этапе происходит дальнейшее обобщение теоретических и музыкально-слуховых представлений. Анализируются особенности национального музыкального языка. При этом особо подчеркиваются его истоки и внутренние связи с народной музыкой. К концу раздела учащимся в общем виде доступно понятие «стиль национальной композиторской школы», расширяются представления о понятиях: лад, интонация, мелос, метроритм, стили в музыке, жанры профессиональной музыки. Важное значение в разделе данной программы придается изучению ладо-гармонических закономерностей в системе средств музыкальной выразительности пентатонических культур народов Востока.

Краткая характеристика содержания уроков:

I Раздел:

Блок-модуль 1: Музыкальный фольклор в жизни человека

Предполагает знакомство учащихся с основными жанровыми сферами народного музыкального творчества народов Восточной Сибири (обрядовой, эпической, лирической); разновидностями вокальной, инструментальной, танцевальной музыки, в результате учащиеся получают целостное представление о музыкальном фольклоре как части национального быта и мировоззрении человека, о разновидностях жанровых традиций и роли народной музыки в жизни человека.

Блок-модуль 2: Душа народа - песня

Характеристика функциональности песенного фольклора народов Восточной Сибири. Знакомство с различными жанрами: исторические, трудовые, колыбельные, свадебные, хороводные, плясовые, лирические песни. Изучение особенностей ладового строя народных песен (диатоника, пентатоника). Стили тувинского горлового пения: каргыраа, хоомей, сыгыт, эзенгилээр.

Блок-модуль 3: Народный оркестр и его инструменты

Самобытность народных музыкальных инструментов, классификация, способы звукоизвлечения и исполнения на них. История создания и этапы развития народного оркестрового исполнительства в Бурятии, его национальный характер, функции, жанры, стили.

II Раздел: Народная музыка в творчестве композиторов (13 час.)

Блок-модуль: Глубокие связи композиторской музыки с народным творчеством

Значение народного музыкального творчества в становлении национального музыкального стиля профессионального искусства. Формы использования народной музыки в творчестве композиторов региона (обработка, переложение, варьирование, цитирование).

Блок-модуль: Музыкальная жизнь моего края - явление национальной культуры народа

Формы исполнительства в музыкальном фольклоре. Этапы развития музыкальной самодельности от ее истоков до наших дней. Просветительская деятельность фольклористов. Роль самодельного и профессионального творчества, участие творческих и учебных коллективов в развитии музыкальной культуры полиэтнического сообщества.

III Раздел: Национальная композиторская школа Бурятии (всего 34 час.)

Блок-модуль 1: Жанры профессионального музыкального искусства (10 час.)

Пути развития основных жанровых сфер национального музыкального искусства Бурятии. Расширение представлений о понятиях: опера, балет, оратория, симфонический улигер, фор-

тепианная сюита, романс, симфония, симфонический оркестр. Слушание и анализ музыкальных произведений.

Блок-модуль 2: Выразительные средства национального музыкального языка (5 час.)

Анализ основных средств музыкальной выразительности (мелодия, гармония, фактура, ритм, тембр, динамика) на примере слушания и исполнения музыкальных произведений композиторов Бурятии, их значение и отличительные особенности в создании музыкального образа. Ладовая организация музыки (мажоро-минор, диатоника, пентатоника). Моделирование элементов музыкального языка.

Блок-модуль 3: Стиль в музыке (9 час.)

Освоение многомерности понятия «стиль». Сопоставление различных стилей в музыке разных эпох, стран, народов. Анализ национального музыкального языка в Бурятии, его внутренние связи с народной музыкой. Знакомство с ладогармоническими закономерностями пентатонических культур народов Востока. В рамках освоения понятия индивидуальный композиторский и исполнительский стиль - знакомство с выдающимися композиторами и исполнителями классической и современной музыки.

Блок-модуль 4: Творческие портреты композиторов (6 час.)

История становления и развития композиторской школы в Бурятии, знакомство с музыкальными образцами творчества Союза композиторов Бурятии и РФ и характеристикой творческих портретов ведущих композиторов.

Таким образом, при условии поэтапного освоения учащимися и студентами содержания программ на всех уровнях обучения в системе общего и профессионального образования, как основного транслятора знаний, соблюдается преемственность традиций, сохраняется и передается национально-культурное наследие народов Сибири.

Примечания

1. Степанова С. Г. Музыкальная культура родного края : учеб. программа и метод. рекомендации для учителей. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006. 71 с.
2. Степанова С. Г. Методика преподавания музыки родного края : учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. 192 с.

УДК 811.161.1: 82

Аглова Т.Б.

ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ THE TEXT OF FICTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING: NEW APPROACHES IN TEACHING

Статья посвящена анализу художественного текста в целях повышения эффективности обучения русскому языку.

This article analyzes literary text to enhance the effectiveness of teaching Russian language.

Ключевые слова: художественный текст, структурная организация, эффективность обучения, единицы текста.

Keywords: literary text, structural organization, learning efficiency, units text.

При обучении языку – родному и иностранному – чтение занимает одно из ведущих мест. Оно рассматривается в связи с читаемыми текстами, которые, представляя собой высшую коммуникативную единицу, обнаруживают особенности функционирования лексики и грамматики, проявляют скорректированные отношения между темой/ситуацией и её языковым воплощением. Текст рассматривается не только как реализация отражения действительности, но и как проявление всех модальных характеристик речи: многоаспектное отношение

говорящего к содержанию высказывания, к ситуации общения, к собеседнику. В настоящее время всё более значимым становится при этом учёт непосредственно текстовых категорий, которые определяются его коммуникативной природой.

Для освоения художественных текстов в аудитории одинаково важны и взаимосвязаны отбор текстов и совершенствование методов его анализа.

Особый интерес студентов вызывают произведения современной российской литературы, которые

- касаются общечеловеческих проблем,
- описывают реальные жизненные ситуации,
- ставят в центр внимания рефлексию героя,
- являются собой комплекс продуктивных речевых жанров,
- включают характерные для современной коммуникации интертекстуальные феномены из сферы русской ментальности.

Сложность текста как объекта рассмотрения требует внимания к принципам его анализа при подготовке к занятиям и осмыслению возможностей методической интерпретации и работы с ним в классе и аудитории с целью обучения связной речи. Задачей занятия является рассмотрение текстов, принятых за типовые, как в целях выявления их структурных и речевых особенностей, так и (проверки/корректировки) слушателями возможностей их анализа в учебных целях. Современное представление об умении грамотно читать: понимать тексты, размышлять над их содержанием, оценивать их смысл и значение, излагать свои мысли о прочитанном. Они по своему содержанию должны включать актуальные жизненные ситуации, быть текстами разных жанров: документы, статьи, письма, биографии, очерки, рассказы и т.п. Полученные знания, таким образом, переносятся в сферу личного сознания, могут быть использованы в личных целях, общественных и рабочих.

Обратимся к рассказу Сергея Шаргунова «Жук» [1]. У Сергея Шаргунова в небольшом по объему рассказе «Жук» представлены прагматика, эстетика и философия жизни. Философская составляющая, наряду с социальной, свойственна рассказу «Жук» точно также, как крупным произведениям автора начала двухтысячных годов. С. Шаргунов в 2000 г. дебютировал в журнале «Новый мир» как прозаики критик, окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. В 2001 году стал лауреатом премии «Дебют» в номинации «крупная проза» за роман «Малыш наказан», позднее появились «Ура!», «Птичий грипп», «Книга без фотографий» (шорт-лист премии «Национальный бестселлер»). С. Шаргунова называют «социальным писателем». Одно из последних произведений автора «Книга без фотографий» принимают за подведение итогов в преддверии кризиса среднего возраста, за увлекательный автобиографический роман в рассказах.

Автор, конечно же, обсуждаем и, безусловно, противоречив в его обращении к какому-то привычным, как будто бы заурядным жизненным ситуациям и героям (чеховская традиция: мир обычного человека), с которыми, однако, происходят очень важные, влияющие на их внутреннее состояние, взросление/созревание, события. Таким является и рассказ «Жук». Каждый рассказ как жанр обладает рядом типологических черт — его содержание составляет какой-то эпизод из жизни персонажа, при этом перед автором стоит задача так рассказать об этом эпизоде, чтобы вывести его на уровень значимости для человеческой жизни. В художественном произведении (в отличие, например, даже от художественной публицистики) составляющие смысла не провозглашаются прямо, от читателя требуется включиться в описываемые ситуации, представляемые как действительные, что достигается с помощью отбора и организации языковых средств, приложить к их пониманию свой собственный жизненный опыт, вызвать соответствующие ассоциации и прийти к пониманию того, ради чего об этом событии было рассказано. Эти сущностные черты художественного текста и определяют методику работы с ним при обучении. Принципиально важной является структурная организация художественного текста, его композиция, которая организует как авторскую мысль, так и читательское восприятие. В нее входят заголовок, начало и конец текста (как часто определя-

ют, его модальная рамка), а также тематические части текста. Дальнейший анализ проводится по этим составляющим, он предопределяет работу над текстом в аудитории: выявленные языковые приемы должны составить основу вопросов к аудитории, тестовых заданий, разного рода упражнений, типа — продолжите предложения, прокомментируйте высказывание и т. п. На наш взгляд, работу над рассказом следует начать с членения текста на линейно расположенные содержательные блоки. Затем необходимо семантизировать лексику, организованную по тематическому принципу, проверить с помощью вопросов, понято ли учащимся произведение в целом. Учет текстовых категорий, определяемых его коммуникативной природой, в настоящее время становится необходимым условием при работе с текстом. Как отмечает К. А. Рогова, обращение к тексту, выделение его единиц, наблюдение за типами текста, в рамках которых такие единицы приобретают свои тоже типовые особенности, оказываются путем изучения речи как процесса и результата речевой деятельности [2].

Если сюжетно-событийная канва текста усвоена, то для понимания смысла, идеи рассказа студенту необходимо заново обратиться к произведению, ответить на дополнительные вопросы. Повторное обращение к тексту методически оправданно, т. к. способствует не только запоминанию новых слов, но и освоению синтаксических конструкций, создающих тематически организованные высказывания. Например, дополнительные вопросы могут быть заданы к компонентам текста, формирующим временную и локальную ориентацию повествования. Заголовок рассказа «Жук» ничего не предвещает, ср. обычные ситуации с жуком: поймать жука, испугаться жука, но сделать это можно, видимо, только на природе, не в городе. Первая фраза текста — «Варя не хотела в этот лес», — подтверждает еще неясное вначале предположение: жук будет предметом какого-то события при поездке в лес. Обратим внимание на это предложение: в нем пропущен глагол — ехать, идти, что характерно для ситуации непосредственного разговора (напр.: — Завтра пойдем в лес. — Я не хочу в лес). Таким образом, эти первые шаги в знакомстве с текстом уже содержат некоторую дополнительную информацию, которая начинает определять читательские ожидания. В рассказе две композиционные части: первая — в некотором роде затянувшаяся экспозиция, представляющая главных персонажей — бабушку и внука, и характер их взаимоотношений, вторая — собственно событие, связанное с выездом в лес и жуком.

В первом абзаце первой части автор-повествователь сам знакомит читателя с действующими лицами, указывая на время и место описываемых событий: *Евгения Филипповна в свои семьдесят восемь преподавала на факультете биологии на кафедре энтомологии. Она была... Варя было тринадцать — костлявая и кареглазая, с песочными волосами, рассыпанными по плечам. Мать уехала на обследование в Москву, и весь июнь, а теперь еще и половину июля Варя торчала в квартире у бабушки в их Кемерове, где в то лето все время лил дождь.*

Дальнейшее изложение в первой части хотя и ведется от 3-го лица, но с позиции Вари, что позволяет составить представление о ее жизни, а также сложить образ бабушки через восприятие девочки, которая ее видит, наблюдает за ее поведением и слышит ее реплики.

Рассказ социален по своей проблематике. В произведении то размытыми, то четкими и яркими мазками представлены все возрастные страты современного российского общества: подростки (Варе 13 лет), юношество (студенты-первокурсники, Гусейн Жуков), двадцатилетние (аспирантка Людмила), пятидесятилетние (мать Вари), пенсионеры (Евгения Филипповна, ярко-рыжая старуха в электричке). Россия представлена через обычную семью: «потомственно» неполную («Ничего удивительного: бабушка развелась молодой, всю жизнь прожила одна, и мама одна, тоже развелась, как меня родила. Хотят, чтоб и я была одиночкой и боялась мужчин. Хотят если и родила, то сразу поссорилась бы со своим мужем»), где женщина, заменив слабого и «пропащего» мужчину, поставила на ноги детей и теперь «тянет» внуков.

Обычная картина семейного быта, характерная для предыдущих произведений С. Шаргунова, здесь абсолютно лишена перекрестий с политикой. Бытийный пейзаж прост и узнаваем, не загроможден ненужными искусственными предметами, не обременен второстепенными деталями. Сюжетно-событийная канва, рассуждения и размышления героев нарочи-

то густо окружены природными метафорами, погружены в биологическую среду, в поэтику живого мира растений, животных, насекомых («*Ты только взглядишь! Лютка-невеста, детка желтоглазая, красотка-девушка, стрелка голубая...*» (о стрекозе), «*Милая моя, ты с этим Интернетом стала на жужелицу похожа! Можешь подойти к зеркалу и изучить, как выглядит жужелица*» (о Варе), «*Длинный очкарик, криво приплясывая, блял это “здрасьте” громче всех*» (о первокурснике), «*Варя покосилась на нее – улыбающуюся скользким плотоядным оскалом*» (об аспирантке), «*Она неожиданно энергично схватила внучку за плечо и уколола сквозь майку крепкими ногтями*» (о бабушке), «*Вскоре появилась зеленая гусеница электрички*» (о дороге домой)).

Рассказ оставляет ощущение света, воздуха, тепла, надежды именно потому, что жизнь в нём представлена не плоско, а в трех различных ипостасях: прагматической, эстетической, философской.

В самом начале утилитарность бытия проступает в поступках и внутренних монологах «заброшенного» эгоистичного подростка, обиженного на судьбу, агрессивного ко всему окружающему («*Варя была вынуждена приноравливаться к ее ходу, почему-то чувствовала стыд, косилась на морщинистую щеку и боялась, что встретится кто-нибудь из знакомых девчонок или, хуже – мальчишек*», «*Лето потеряно, впереди школа, мать звонит редко и, может быть, сильно больна, бабушка достала...*», «*Девочка безразлично смотрела на лес, накапывающая злость, бросила на бабушку обличительный взгляд и снова погрузилась в оконные виды...*»). Поскольку исторические, политические, бытовые декорации не меняются, кажется, что время почти застыло и жизнь идет неостановимо-тягуче. Все так, как всегда было: молодые скованы традиционными правилами и нормами, они презирают стариков, которые до назойливости ненужно пекутся о благополучии юных. Внутренняя озлобленность, переполняя Варю, выплескивается на себя: на свою внешность, на неумение привлечь к себе внимание («*Да, я гусь! Уродка, никому не нужная! Неловкая, вот и со мной всем неловко. А почему я такая? Чем я хуже Оли и Кристины? Мне не дают пользоваться косметикой. И я мало тусуюсь*»).

Постепенно в монохромную картину будней (жестянка с энергетическим напитком и шоколадный батончик, сверстники с пивом на скамейке в парке, постоянный Интернет в поисках клипов, в бесконечных рассылках файлов по страницам подруг) начинают проникать объекты другой эстетики («*Возле компьютера стояла массивная деревянная коробка, где под стеклом мерцали разноцветные фантастические стрекозы*»). Поначалу «не свои» предметы воспринимаются враждебно и настороженно, усугубляя незначительность и подчиненность Вари, доводя до предела ощущение неполноценности и безысходности («*Варя и сама не знала, зачем наврала: вероятно, от горечи*»). На пике нервного напряжения ребенок вынужден подчиниться мягкому давлению бабушки («*Я тебя одну в квартире не оставлю, – сказала Евгения Филипповна ровным голосом, и стало понятно: придется ехать*») и выйти из зашторенной квартиры. Ограниченное запретами и требованиями жизненное пространство эгоистичного подростка мало-помалу начинает расширяться сначала улицей и электричкой («*Варя моментально, до горечи, ощутила: электричка увозит ее все дальше в жизненный проигрыш*»), затем лесом («*Вокруг кисло пахло елью, мокнувшей много дней идо сих пор осторожно просыхавшей, и Варя, потянув ноздрями, шумно зевнула, как будто это был запах скуки*»), наконец, новыми знакомыми («*...длинная девица с торчащими передними зубами, которые заставляли ее все время раздвигать рот в улыбке*»; «*...вышли на поляну, по которой, странно раскидывая руки и лихо подбрасывая ноги, носились парни. Мяч доставался одному из них – и все бросались на него, сталкивались взмыленными головами, толкались, падали и дико орали*»).

Единственный «значительный» мужской взгляд, брошенный в ее сторону, только один жест, намекнувший на необычность и исключительность, ломает её изнутри, кардинально меняет жизненные краски и эстетику («*Он посмотрел ей прямо в глаза с расстояния в пятьдесят шагов, сложил пальцы пирамидой и плавно нарисовал в воздухе нечто вытянутое и*

большое. “Мяч? – подумала Варя и тут же поняла: – Сердце”. И зрение ее на несколько секунд затмили прихлынувшие сладкие сумерки...»). Необходимое повзрослевшему человеку чувство собственной нужности и особенности пробуждает интерес к цвету и предметам нового мира («На одной стене на пенопластовых квадратах застыли приколотые иголками коричневые муравьи, как бы образовывавшие китайские иероглифы. На отдельном квадрате свернулся кузнечик розового цвета. – Почему он такой? – шепнула Варя. – От спирта! – отозвалась бабушка охотно»), высвобождает глубинные эмоции, толкает к состраданию («И все вокруг галдят: “Прикол, прикол!” – и в жука тычут... – В распятого, – прошептала Варя»; «Бабушка, я больше не могу! Я жуков боюсь. Скажи ей – снять... Это... Это жестокое обращение...»); «– Погодите, погодите! – затараторила Варя, панически путаясь в словах. – Зачем? Это чепуха! Жуков – жук! Такого большого нашел... Ну не сумел все, ну не смог... Он хотел... Его же дразнят: Жуков-Жук. Так? А теперь начнут издеваться: Жуков из-за жука пострадал. А он без отца, Жуков...»). В одну секунду лопается свинцовый кокон, свёрнутый серой обыденностью (больная мать, одиночество, запреты), и девочка предстает нравственно цельным человеком (не даром Варины и бабушкины оценки к концу рассказа все чаще совпадают), самоотверженно выступающим за справедливость, уже способным строить собственный мир по законам красоты и эстетики, без боли и насилия.

Вместе с новыми ощущениями, с непривычной «уступительной» реакцией бабушки на взрыв «праведных» эмоций приходит другое понимание жизни, рождаются другие оценки предметов и людей. Окружающая природа вместо гнетущего одиночества одаривает уже взрослого ребенка радостью, любовью, жизненными силами. А вместе с ними приходит самое главное – другое понимание жизни, другое видение близкого человека («И низко наклонилась обратно: сквозь седину розовели нежные проплешины. Варя не удержалась, схватила бабушку за плечи и одним стремительным нырком поцеловала в макушку, которая пахнула навстречу теплым и кислым впитавшимся духом леса») и самой себя («она всматривалась в стекло, пытаясь уловить свое отражение. С ней это случилось впервые: она сама себе нравилась. То отражение, которое расплывалось и плясало на стекле – мутное и кареглазое – почему-то было ужасно милым и привлекательным»).

Автор показывает, как молодость трогательно и наивно прозревает, когда мудрая старость сначала бережно её пестует, потом смиренно прощает и терпеливо оберегает.

Эта мысль вводится в текст без трубного мажора, но с надеждой, светлой верой и особым пафосным подъёмом, без которого автор не мыслит своих произведений: «У меня лично и у моих знакомых возникла тоска по яркой простоте. Тоска по пафосу. Без пафоса, может быть, это тоже банально звучит, нет хорошей прозы. В какой-то момент проза утратила пафосность, вы знаете? Чувство юмора — очень важно, но не менее важен здоровый пафос... Очень важен дух в тексте, в этом смысле пафосом я называю энергию, которая есть в нем. В сущности, это и есть примесь романтизма, который в какой-то момент русская проза начала утрачивать»¹.

Слог автора не агрессивен, но и не эстетизирован; прозрачное и точное слово возвращает ощущение чистоты и силы отечественной литературной классики.

С. Шаргунов интересно выстраивает сеть метафор внутри текста. Варя похожа на бабочку, вышедшую из кокона гусеницы; бабушка – на странное существо: «Она была гнутая, полная, с внимательными мокрыми глазами и складчатой, но притом младенчески розовой кожей... когда она медленно уходила из комнаты, какое-то время казалось, голос ее продолжал стрекотать...Бабушка вглядывалась в игру с опасливостью хрупкого существа»; Гусейн – на животное: «Лицо его исказила хищная гримаса любезности»; улыбка глянцевого мацо – на гусеницу: «мускулистые парни с выпуклой грудью улыбались так ослепительно и на-

¹ О необходимости пафоса С. Шаргунов говорил в интервью Елене Зелинской (программа «В поисках смысла». URL: <http://shargunov.com/intervyu/sergey-shargunov-v-programme-v-poiskah-smysla.html>)

тужно, точно каждый выжимал из себя белоснежную гусеницу зубной пасты». Метафоричен у С. Шаргунова весь мир живой природы: «Между божьей коровкой, похожей на каплю крови, и изумрудным жучком, известным Варе как листоед, чернело толстое существо»; «В прошлом году гусеница полдня дрожала. Как струна. Только что не звенела...», т.д.).

Очень умело автор использует сквозную метафору, пущенную от заголовка по предметному и персональному полю текста. Жук на иголке – это Евгения Филипповна, вынужденная бороться с возрастом и новым чуждым миром (подростки в сквере, Интернет). Жук на иголке – Варя, закрытая в пространстве чужой квартиры, чужого города, нежеланной судьбы, приколота взглядом незнакомого парня, судорожно ищущая выход из сложной ситуации. Жук на иголке – молодая некрасивая аспирантка, которой, возможно, уготована женская судьба Евгении Филипповны. Жук на иголке – больная мать Вари. Жук на иголке – Гусейн с необычной генетикой, внешностью, характером и поведением. У каждого из персонажей свои жизненные «иглы», главное, чтобы они наглухо не пристегивали к неподвижной и мертвой обыденности, чтобы не сдерживали энергию, жажду движения, веру в собственные силы. Юный человек сможет выдержать удары судьбы и дальше легко двигаться по жизни, только если другой человек, терпеливый, снисходительный, понимающий и мудрый, окажется рядом.

Обращение к анализу этого рассказа не собственно индивидуальное, частное явление, а возможность поставить перед собой как преподавателем задачу реализовать общие приемы рассмотрения художественного текста в аспекте обучения языку, обнаружить социально-психологические проблемы современной русской художественной прозы. Языковые способы их представления должны пополнить культурологический и лингвистический багаж иностранного студента.

Примечания

1. Шаргунов С. Жук // Октябрь. 2012. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/October/2012/12/s12.html> (дата обращения: 25.08.2014).
2. Рогова К. А. Теория текста как сфера изучения речи // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 7–14.

УДК 821-94

Нимаева И.Б.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ CULTURAL APPROACH AND STUDY THE PROBLEMS OF CONTEMPORARY LITERATURE ABOUT THE WAR

В данной статье говорится о необходимости использования культурологического подхода при изучении современной литературы о войне в условиях национальной школы, в частности, бурятской.

This article refers to the need for a cultural approach in the study of modern literature about the war in national school, in particular, the buryat.

Ключевые слова: культурологический подход, защита реферата, современная литература, национальная школа, нравственные проблемы, ценность человеческой жизни и т.д.

Keywords: cultural studies approach, to protect the abstract, contemporary literature, national school, moral issues, the value of human life, etc.

Настоящий год объявлен Годом литературы, что само по себе весьма знаменательно, так как в этом году отмечается 70-летие Великой Победы над фашистской Германией. В этой

связи хотелось бы актуализировать важность изучения произведений современных писателей о войне в старших классах бурятской школы.

На данном этапе развития современного общества весьма важно формирование личности, ориентированной на общечеловеческие ценности (ответственность за судьбы страны, мира, совесть, справедливость, патриотизм, гражданственность, позитив, любовь к жизни, к людям, природе и так далее). В этом деле именно культурологический подход к изучению литературы в школе весьма актуально, с нашей точки зрения. Он позволяет при изучении произведений в первую очередь обратить внимание на проблемы духовно-нравственного характера, что очень важно в процессе формирования внутреннего мира личности школьника.

В одной из бурятских опорных школ занятие в форме защиты реферата было проведено в экспериментальном классе при изучении темы войны в современной литературе в связи с программным изучением романа Льва Толстого «Война и мир». Как известно, многие художественные традиции великого писателя в изображении войны (подвиг как удел простого человека, формула нравственного совершенства, мнимое и подлинное в человеке как критерии его значительности) нашли свое продолжение в современной литературе о войне (В. Быков, Ю. Бондарев, К. Воробьев, Е. Носов, В. Кондратьев, Б. Васильев и др.). Десятиклассники выбрали для рефератов темы, касающиеся изучения таких произведений, как «Батальоны просят огня» и «Горячий снег» Ю. Бондарева, «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Сашка» В. Кондратьева, «Карьер» В. Быкова.

Старшеклассники самостоятельно анализировали произведения, обобщали, делали выводы, знакомились с критическим материалом. Если в чем-то испытывали затруднения, то для них проводились консультации на подготовительном этапе, что придавало им уверенности в себе, в своих возможностях, и они старались проявлять больше самостоятельности и ответственности за свою работу.

Рефераты были названы по-разному: «Истоки героизма в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»; «Проблема нравственного выбора в произведении Вячеслава Кондратьева «Сашка»; «Проблемы духовности в повести Константина Воробьева «Это мы, господи!» и другие. Так, например, при подготовке реферата по первой теме ученица С. прочитала не только «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, но и «Горячий снег», «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Дожить до рассвета» Василя Быкова, сравнивала героев «Зорь...» с героями других произведений, «...таких же молодых, как эти девушки, и также героически погибших, выполняя долг перед Родиной». В своем реферате она пишет:

«...Книги Василя Быкова, Бориса Васильева, Юрия Бондарева рассказывают нам о том, какой ценой была завоевана победа в войне с фашизмом. Эти книги также напоминают нам о великой ценности каждой человеческой жизни.

В повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие» показаны образы молодых девушек, которые ценой собственной жизни выполнили свой долг перед Родиной. Каждая из них имела право на любовь, на жизнь, на личное счастье. Но судьба распорядилась по-своему. Они все погибли совсем ещё юными, так и не познав до конца вкус жизни...»

А вот выдержки из реферата на тему «Проблема нравственного выбора в произведении Вячеслава Кондратьева «Сашка» ученицы Т.:

«...Главный герой повести Сашка, рядовой солдат, совсем еще молодой, но уже, как и все его сверстники, самоотверженно несет армейскую службу в условиях военного времени. Несмотря на тяжелые обстоятельства войны, он сохраняет в себе такие нравственные качества, как совесть, человечность. Ему приходится нелегко, так как фронтовая жизнь ежедневно преподносит свои проблемы. В эпизоде, где Сашка, по приказу комбата, должен был расстрелять пленного немца, который молчал на допросе, не выдал военные тайны, главный герой оказался перед выбором. Совесть не позволяла пристрелить беспомощного, безоружного человека, пусть он и враг, тем более пленный, без суда и следствия. С другой стороны, он, конечно, знал, что ждет солдата, не выполнившего приказ командира. Но все равно не стал в

него стрелять. Потому что Сашка понимал, что тот молодой немец такой же, как и он солдат, оказавшийся на войне не по своей воле, и в нем зародилась жалость к нему как к человеку, а не как к врагу...» [2].

Или отрывок из другой работы ученика Д.:

«... Писатель Константин Воробьев в своей повести показывает, что на войне, независимо от того, кто ты есть, рядовой солдат или генерал, человек всегда оказывается перед нравственным выбором - жизнь или смерть, верность или измена, героизм или трусость. В такой ситуации выбор определяется его личными духовными качествами. И эта нравственная проблема глубоко раскрыта, на мой взгляд, в повести Константина Воробьева «Это мы, господа!».

Главный герой Сергей Костров в начале войны попал в плен и находился в фашистских лагерях не один год. Нечеловеческое отношение фашистов к военнопленным не сломило душу Сергея. Была у него возможность выйти из этого настоящего ада, где конец был один: умереть или сойти с ума от бесчеловечных пыток и от вечного голода. Ему предлагали перейти на службу к немцам, пообещав жизнь и свободу, но он не согласился. Пытался бежать, но побег не удался. Обреченный на медленную смерть, Сергей не расстается с мыслью, что ему удастся бежать и остаться в живых.

Автор показывает, что духовная стойкость, мужество, глубокое осознание своего человеческого достоинства не позволяют ему в условиях полного бесправия и унижения превратиться в раба, в безвольное существо, над которым можно без конца издеваться...» [3].

Пример из реферата ученицы Н.: «...Герой книги Василя Быкова «Карьер» Агеев, спустя много лет после окончания войны, ищет могилу женщины, погибшей по его вине. Чуждом вырвавшийся из окружения, избежавший немецкого плена, он торопился доказать партизанам свою надежность, чтобы его ни в чём не заподозрили. И в этих целях он пожертвовал жизнью любимой им женщины по имени Мария, ждущей ребенка, отправив ее на заведомо опасное задание с поручением. Но позже, уже после войны, он стал осознавать свою вину, его замучила совесть, его не покидало чувство вины перед ней. А тогда ему казалось, что он прав, что не было другого выхода. Но по прошествии многих лет Агеев убеждался в том, что совершенно не имел права распоряжаться чужой человеческой жизнью, чем бы это ни оправдывалось...».

Из выступлений было видно, что старшеклассники владеют литературным материалом, умеют оперировать им, умеют рассуждать, выделять главные мысли, аргументировать, давать собственную оценку поступкам героев произведений, обобщать прочитанное, делать выводы. Один из важнейших выводов заключается в том, что прозвучала мысль о ценности каждой человеческой жизни, о том, что никогда нельзя забывать имена тех, кто погиб на войне, отдав свою жизнь за Родину. А ведь каждый из погибших мог бы жить, радоваться жизни, растить детей, помогать родителям, совершать добрые дела, у каждого из них был свой, неповторимый мир, и нельзя допускать, чтобы этот мир исчез, растворился, перестал существовать.

На вопрос о том, какие же художественные традиции в изображении войны Льва Толстого унаследованы современными писателями, в экспериментальном классе прозвучали в основном достаточно подробные ответы. Старшеклассники говорили о том, что для многих героев произведений современных писателей (Агеев из повести «Карьер» Василя Быкова, Сашка из одноименной повести Вячеслава Кондратьева «Сашка» и другие) характерны духовные искания. Они находятся в постоянном поиске истинного смысла жизни, в состоянии стремления к нравственному совершенствованию так же, как Пьер Безухов, Андрей Болконский и другие герои романа Льва Толстого.

Также десятиклассники сравнивали лейтенанта Кузнецова (роман Ю. Бондарева «Горячий снег») с Болконским, находя в них много общего как у командиров, которых любили и уважали рядовые солдаты. Приводим слова из текста романа Льва Толстого «Война и мир»:

«Он был предан делам своего полка, он был заботлив о своих людях и офицерах и ласков с ними. В полку его называли «наш князь», им гордились и его любили» [4, с. 113-114].

Или о лейтенанте Кузнецове читаем у Юрия Бондарева: «В те минуты, когда Кузнецов вдруг почувствовал эту всеобщую объединенность десятков, сотен, тысяч людей в ожидании еще невиданного скорого боя и не без волнения подумал, что теперь, именно с этих минут перед движением к передовой, он связан со всеми ими надолго и прочно» [1, с. 37].

Говоря о том, что Толстой, изображая войну, подчеркивает героизм, мужество и стойкость русских солдат и офицеров, десятиклассники сравнивали капитана Ермакова («Батальоны просят огня» Ю.Бондарева) с капитаном Тушиным («Война и мир» Л. Толстого), находя в них такие общие черты, как бескорыстие, чувство долга, ответственность, героизм, честность).

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод о том, что культурологический подход к изучению современных произведений о войне позволяет акцентировать внимание на выявлении глубоких духовно-нравственных проблем, затронутых авторами, которые существенно влияют на внутренний мир старшеклассников в процессе формирования их мировосприятия, мировзглядов, мироощущения, ориентированных на общечеловеческие ценности.

Примечания

1. Бондарев Ю. В. Горячий снег : роман. М. : Сов. Россия, 1987.
2. Современная русская советская литература. Ч. 2 / под ред. А. Г. Бочарова, Г. А. Белой. М., 1987.
3. Соснина Н. А. Написанная кровью сердца... (Повесть К. Воробьева «Это мы, господа!» в выпускном классе) // Литература в shk. 1990. № 2.
4. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, 4. М. : Сов. Россия, 1999.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 332.1

Бабакова Е.В.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ: ЭКОНОМИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ANALYSIS OF THE MATERIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN MONOTOWNS: ECONOMIC-HISTORICAL ASPECT

В статье проводится анализ материальной структуры российских моногородов в экономико-историческом аспекте. Приведены основные факторы влияния материальной структуры на уровень территориальной специализации хозяйственных систем в пространстве и времени.

The article discusses analysis of the material structure of monotowns in the economic-historical aspect. Considered the main factors of influence material structure on the level of territorial specialization of economic systems in space and time.

Ключевые слова: региональная экономика, моногород, материальная структура, тип хозяйственной системы, экономико-исторический аспект.

Key words: Regional Economics, the monotown, material structure, type of economic system, economic-historical aspect.

Современные российские моногорода имеют целый ряд социально-экономических проблем. Очевидно, что их решение требует взвешенной, обоснованной политики. Для формирования теоретической основы такой политики необходимо исходно разобраться в сущности моногорода как социально-экономической системы.

Мы исходим из того, что познание сущности социально-экономической системы должно содержать два принципиальных аспекта: структурно-функциональный и генетический. Они неотделимы друг от друга и представляют собой аспекты единого системного подхода в экономической науке. В структурно-функциональном аспекте выявляется строение и функции этой системы. В генетическом аспекте выявляется «жизненный цикл» этой системы, процесс его зарождения, развития, увядания и перерождения в иные социально-экономические формы.

Генетический аспект в исследовании моногородов особенно важен: для понимания того, какую политику выстраивать в отношении современных российских моногородов, необходимо понимать, откуда они появились, что способствовало их развитию в прошлом, какие факторы обуславливают их существование в современных условиях и, наконец, какие перспективы у них в будущем.

В отношении структурно-функционального освещения природы моногородов, мы придерживаемся мнения, что наиболее полноценно исследовать состав и функционирование любой хозяйственной системы позволяет подход, согласно которому она рассматривается как единство двух составляющих: материальной структуры и институтов.

Материальная структура хозяйственной системы включает в себя рукотворные и нерукотворные материальные условия хозяйственной деятельности, а именно производительные силы и природные условия хозяйствования.

Описанные выше условия находят свою конкретизацию через технолого-экономический, социально-экономический и эколого-экономический факторы. Все эти существенные факторы оказывают прямое воздействие на специфику материальной структуры и с необходимостью должны учитываться экономистами в ходе диагностики и формулировки прикладных рецептов для хозяйственных систем.

В определении институтов для целей данного исследования будем ссылаться на пози-

цию О.Ю. Франциско, как, на наш взгляд, обоснованную и опирающуюся на широкий пласт разработок по институционализму, включающий труды таких авторитетных учёных, как Дж. Ходжонс, Т. Веблен, Ч. Гамильтон, Дж. Коммонс, Д. Норт, Т. Шульц и других. Это определение следующее: «институт – это свод формальных и неформальных правил и норм, призванный регулировать и структурировать повторяющиеся взаимоотношения, взаимодействия людей ...» [10, с. 11]

При этом мы полагаем, что по приоритетности в формировании целостной хозяйственной системы, материальная структура является первичным, основным фактором, а институты – вторичным. Это объясняется тем, что материальные условия хозяйственной деятельности задают русло и форму тех отношений, которые вокруг них складываются. И, напротив, отношения могут складываться только по поводу и вокруг некоторой материальной реальности. Естественно, отношения трансформируют и преобразуют материальную структуру, но на это требуется время. Материальная же структура влияет на тип экономических отношений непосредственно, «здесь и сейчас». Поэтому под материальную структуру отношения вынуждены подстраиваться довольно однозначно.

Этим обусловлено то, что в фокусе нашего исследования моногородов как целостной хозяйственной системы лежит, прежде всего, материальная структура.

Итак, взяв в качестве объекта анализа материальную структуру моногородов, развернём этот анализ в историко-экономическом аспекте.

Анализ материальной структуры осуществим в трёх аспектах:

1. технолого-экономическом;
2. социально-экономическом;
3. эколого-экономическом.

А генезис моногородов проследим в интервалах двух периодов:

- периода плановой экономики;
- периода современной смешанной экономики.

При этом, хотя прогноз перспективного развития моногородов и является неотъемлемой составной частью системного анализа социально-экономических систем, в рамках данной статьи, мы его опустим.

Для начала определим, что из себя представляет «моногород». Примером реализации узкой территориальной специализации на уровне отдельного города является такая форма хозяйственной организации, как «моногород». Моногород ещё называют «монопрофильным муниципальным образованием» [1] или «городом - заводом» [11]. Таким образом, характерная особенность хозяйственной системы моногорода это его монопрофильность, иначе говоря – узкая специализация производства. Градообразующие предприятия: целлюлозно-бумажные комбинаты, крупные машиностроительные заводы, горнодобывающие предприятия – все они производят, конечно, некоторый набор разнообразной продукции, но в границах своей общей специализации: целлюлозно-бумажной промышленности, машин и оборудования, горной руды. Поэтому их специализация узкая. При этом кластер поддерживающих производств в производственной структуре моногорода не берётся во внимание вследствие их низкого удельного веса в общем объёме промышленного производства.

В докладе Минрегионразвития РФ моногород трактуется как поселение (городской округ), организации и жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта, как правило, имеющее градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25% трудоспособного населения этого населенного пункта [2].

Большинство современных ученых отождествляют понятие «моногород» со следующими определениями: «монопрофильный» [3], «монопромышленный» [5], «моноотраслевой» [7], «монофункциональный» [9], «моноцентричный» [1] город.

Разобравшись с понятием «моногород», возвратимся к нашему анализу материальной структуры по трём аспектам в рамках двух обозначенных нами выше периодов.

Возьмём период плановой экономики. История СССР это сложный и неоднородный период, но попытаемся выявить наиболее существенное, то общее, чем этот период можно охарактеризовать, то, что дало в итоге российской экономике ту материальную структуру, которой она характеризовалась к моменту перехода к смешанной системе с доминированием рынка. Фактом является то, что Советский Союз оставил в наследство России «экономике моногородов» [4]. Проанализируем причину этого.

Рассмотрим технолого-экономический аспект. Советский Союз это сверхдержава индустриального типа. Соответственно, мы имеем дело с индустриальными технологиями, которые вводятся в стране а) повсеместно и б) впервые в истории – до этого наша страна была аграрной. В своей книге «Третья волна» известный американский учёный Э. Тоффлер выделил основные характеристики индустриальных технологий. К ним он относил: стандартизацию, специализацию, концентрацию, максимизацию, централизацию [8]. Сами по себе технологии требовали концентрации огромных мощностей на достаточно небольших площадях. Металлургические и машиностроительные заводы, для строительства и эксплуатации которых нужно было одновременно собрать большие материальные и людские ресурсы, создавали предпосылки для формирования крупных производственных систем. Такие производственные системы могли занимать площади небольших городов. Крупное производство, каким были предприятия расцвета индустриальных технологий, локомотивом которых были металлургия, металлообработка, машиностроение, деревозаготовка, химическая промышленность, электроэнергетика и транспорт, уже подталкивало к специализации территорий на относительно узкой продуктовой линейке. Бесспорно, одно это ещё не может дать эффект преобладания моногородов в экономике. Сюда также следует добавить специфику чисто советского планирования. Так, в отличие от моногородов, которые формировались при капитализме, в Советском Союзе индустриализация шла форсировано, а значит, там, где капиталистическая экономика при развитии своей горной металлургии или тяжёлого машиностроения давала один два города-завода поскольку необходимости качественного рывка капиталистическая экономика как целое не ставила, советская экономика давала на порядок больше, так как в задачу входило сделать рывок из аграрной стадии в индустриальную.

Поставив перед собой цель скорейшего технологического рывка, советская власть хорошо понимала ключевую роль материальной структуры в построении единой плановой хозяйственной системы, что наглядно иллюстрируется, в частности, лозунгом: «коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны». То есть, это можно расшифровать так: коммунизм это система, обладающая как советскими институтами (советская власть), так и современной материальной структурой (электрификация).

Кроме того, Советский Союз, противостоя капиталистическому лагерю, имел военизированную экономику, а технологии ВПК были, во-первых, наукоёмкими, а, во-вторых, требующими секретности. Вследствие этого военные и научные производства размещались в удалённых территориях, где можно вдали от гражданских поселений проводить соответствующие опыты, вести опытно-конструкторские и промышленные разработки, содержать научный штат, занятый в проектах и не отвлекающийся на постороннюю деятельность. Всё это положило основу такому явлению как наукоград или военный наукоград.

Рассмотрим социально-экономический аспект. Данный аспект тесно сопряжён с технологическим. В данном случае мы не увидели достаточных оснований для его рассмотрения как отдельного, независимого, и считаем необходимым его рассмотрения в составе технолого-экономического аспекта.

Рассмотрим эколого-экономический аспект. Здесь важно брать во внимание большие территории России, и её климатические условия. Многие современные учёные указывают на значимость природного фактора при формировании в России экономики с относительно более высоким уровнем затрат. Но оказывают ли разнообразные и суровые климатические условия России влияние на формирование монопрофильных территориальных хозяйственных систем? Как условия, в которых происходит развитие производительных сил, безусловно, да.

Мы полагаем, что природные условия усиливали эффект формирования моногородов при плане. Развивая экономику индустриального типа, часто советскому народу приходилось осваивать и буквально обживать огромные территории почти с нуля. Естественно, открываемые новые месторождения ископаемых, удачно расположенные территории для научных центров, военно-промышленных предприятий, участки рек для размещения ГЭС, территории для размещения объектов атомной промышленности, прибрежные районы для строительства портов учитывая территориальные масштабы страны, далеко не всегда располагались вблизи транспортных путей, рядом с развитой инфраструктурой и вблизи диверсифицированных хозяйственных систем. Часто приходилось строить целые города-предприятия, образно говоря, «в чистом поле». К этому же фактору следует добавить и суровость климата на большей части России, что также увеличивало вероятность, что новый город-завод строился в пустынном, необжитом и далёком от цивилизации районе.

Таким образом, вышеотмеченным мы подводим обоснование с точки зрения особенностей развития материальной структуры того, что Советский Союз развивался как система с преобладанием моногородов. Более того, мы делаем важный вывод. С точки зрения анализа материальной структуры в такой моноспециализации не было ничего экстраординарного, она была продиктована спецификой хозяйственного развития своего времени и усилена естественными природными условиями.

Рассмотрим современную смешанную экономику. В целом моногорода на сегодняшний день рассматриваются как нежизнеспособная форма организации территориальных хозяйственных систем. У них накопилось множество проблем. Рассмотрим те факторы, которые определили состояние материальной структуры современных российских монопрофильных хозяйственных систем.

Рассмотрим технолого-экономический аспект. В советской производственной системе был довольно развит принцип специализации территорий на своей технологии или линейке продуктов. Словом, в экономике была развита технологическая специализация региональных производств. Целостность технологических связей советской производственной системы была разрушена вместе с разрушением страны. Те территориальные производственные комплексы, которые были некогда интегрированными в систему связей, оказались отдельными, самостоятельными субъектами, которым приходилось в новых условиях и зачастую самостоятельно вступать в экономические отношения с поставщиками и потребителями их продукции. Поэтому утрата целостности технологических связей это первый существенный фактор в условиях формирования хозяйственной системы современной России. Те моногорода, которые были эффективны как элемент целостной производственной системы СССР после его распада вмиг стали неэффективными.

Следующий момент связан с тем, что промышленные технологии, воплощённые в огромном парке основных средств советской экономики, на исходе советской власти в значительной степени морально устарели. В новых условиях развития техники, выпуск продукции на таком оборудовании был и нерентабелен, и само качество этой продукции уже было не вполне годным.

Поскольку спрос на продукцию в стране после перестройки упал, а техническое перевооружение оказалось по ряду причин недостижимым, то обширные территориальные производственные комплексы потеряли свою ценность и стали полузаброшенными.

В социально-экономическом аспекте важно отметить следующее. После потери моногородами своей ценности как производственных комплексов, они стали воплощением социального неблагополучия. Поскольку жители моногорода это работники градообразующего предприятия, то, если предприятие стоит на грани исчезновения, всему населению грозит нищета. В этой связи поддержка многих градообразующих предприятий это, по сути, гуманитарная акция.

Эколого-экономический аспект, в данном случае сохраняет своё содержание для этого периода анализа развития хозяйственной системы, его описание дано в рамках анализа пре-

дыдущего периода.

Подведём итог нашей работе: мы рассмотрели проявление факторов материальной структуры национальной экономики, обусловивших то, что советская экономика передала своей основной наследнице – России большое число моногородов. Мы выяснили, что крушение советской хозяйственной системы и переход к смешанной системе рыночного типа значительно усугубил социально-экономическое состояние многих из этих городов. В качестве фонового на развитие моногородов и на их проблемное состояние в современных условиях, влиял природно-климатический фактор.

Результаты проведённого исследования говорят нам о том, что проблема современных моногородов имеет свою давнюю историю и коренится в причинах фундаментального характера.

Примечания

1. Анимица Е. Г., Тертышный А. Т. Основы местного самоуправления. М. : ИНФРА-М, 2000. 208 с.
2. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под науч. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
3. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М. : Дортранспечать, 2009. 110 с.
4. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-v-rossii-problemy-i-resheniya#ixzz2wn7SXa8A>
5. Маслова А. Н. Современные социально-экономические проблемы монопромышленных городов России // Отечественная социология: обретение будущего через прошлое : материалы XV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» : сб. ст. аспирантов и молодых ученых / под ред. В. И. Добренькова. М., 2009. С. 625.
6. Национальная идея России. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/problemy-monogorodov>
7. Терещенко О. В., Высоцкая Н. В. Типологический анализ демографического развития городов Западной Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991. 162 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2009. С. 115.
9. Тургель И. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. М. : УрАГС, 2010. 519 с.
10. Франциско О. Ю. Генезис и эволюция научных подходов к определению понятий «институт» и «институциональные преобразования» в условиях модернизации институциональной структуры экономики // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10). С. 11.
11. Петрикова И. М. Комплексная инвестиционная программа развития моногородов. URL: <http://www.ecocity.ru/articles/332-2011-04-27.html>

УДК 94(571.54)''20''

Балханов В.Ю.

БУРЯТИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КРИМИНОГЕННАЯ ОБСТАНОВКА BURYATIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOCIO-ECONOMIC, POLITICAL AND CRIMINAL SITUATION

В статье изложена характеристика социально-экономической, политической и криминогенной обстановки в Бурятии в начале 2000-х годов, рассмотрены основные тенденции разви-

тия экономической и социальной сферы, политической жизни республики, предпринимаемые меры по преодолению негативных последствий кризиса 90-х годов XX века.

The article describes the socio-economic, political and criminal situation in the Republic of Buryatia at the early 2000-s, the main trends in the development of the economic and social sphere, the political life of the Republic, the measures taken to overcome the negative consequences of the crisis in the 90-s of XX century.

Ключевые слова: экономика, социальная сфера, население, политика, преступление, правонарушение, преступность, криминогенная обстановка.

Keywords: economics, social policy, population, politics, crime, delinquency, crime, crime situation.

В новое тысячелетие Республика Бурятия вступила со значительным грузом проблем в экономической и социальной сферах, доставшихся в наследство от «лихих девяностых». Резкое снижение темпов экономического развития, обвальное сокращение объемов производства крайне негативно сказалось на развитии социальных процессов, способствовало ухудшению условий жизни населения. В силу сырьевой направленности экономики и высокой доли отраслей оборонного комплекса высвобождение кадров с предприятий, оказавшихся в ходе непродуманных экономических реформ в затянувшемся глубоком кризисе, было более значительным, чем в целом по России. Это в свою очередь обусловило высокую долю безработицы и продолжительный миграционный отток населения из республики, в основном в более благополучные регионы России. Среднегодовое количество жителей Бурятии, переехавших на постоянное место жительства в другие регионы России, в 1998-2002 годах составляло 4500 человек, достигнув своего пика в 5000 жителей в 2001 году [1]. Доминирующей тенденцией в демографических процессах в Бурятии с начала 1990-х годов стала убыль населения, продолжившаяся и в начале XXI в. [2].

Рост безработицы и снижение уровня оплаты труда в сочетании с невысокими социальными пособиями привели к распространению бедности в республике. Наряду с появлением абсолютной бедности значительное место занимала так называемая относительная бедность. В группу «новых бедных» вошли те слои населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу никогда ранее не относились к низшим слоям общества. В основном они были заняты в государственном секторе экономики, где уровень заработной платы был невысоким и позволял лишь сводить «концы с концами» [3]. В самом неблагоприятном 1999 году более половины населения Бурятии имели доходы ниже прожиточного минимума, худшие показатели имели только слаборазвитые национальные образования юга Восточной Сибири и депрессивная Читинская область.

Кризисные процессы в экономике в переходный период обусловили трансформацию структуры занятости населения. Так, в 2000 году в сравнении с 1990 годом доля работников промышленной сферы от общего числа работающих в республике снизилась с 23,8 % до 19,3 %, в строительстве – с 13,2 % до 6,8 %, в сельском хозяйстве – с 14,4 % до 11,3 %. В то же время доля граждан, занятых в сфере оптовой и розничной торговли, увеличилась с 8,3 % до 14,4 %. Значительно увеличилась роль дачного и личного подсобного хозяйства, сбора дикоросов.

С 2001 года начинается постепенное укрепление экономики республики. Если за 2000 год промышленностью Бурятии было произведено продукции (работ, услуг) на общую сумму 11495,6 млн., то в 2001 году – на 16038,8 млн., а в 2003 году – уже на 25351,3 млн. рублей [4]. Запускается процесс проникновения крупного капитала в основные предприятия республики (в 2001 году Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат приобретен группой компаний «Базовый элемент»), в столице Бурятии начинается бурный рост финансовых и банковских структур. В феврале 2003 года принимается Программа Правительства Республики Бурятия на срок полномочий «От подъема экономики к устойчивому развитию», основной целью ко-

торой является структурно-технологическая модернизация экономики, повышение ее инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности.

Наметилась положительная динамика и в уровне жизни населения. Содержание реальных располагаемых денежных доходов в 2003 году повысилось на 8,1 %, увеличилась покупательная способность населения по большинству продовольственных и непродовольственных товаров, доля жителей республики, находящихся за чертой бедности, в 2003 году снизилась до 38,7 % [5]. Вместе с тем следует отметить, что результаты социологических опросов, проводившихся учеными БНЦ в 2003 г., свидетельствуют о том, что до 40% населения тратили свою заработную плату лишь на приобретение продуктов питания и одежды. В условиях невысоких реальных доходов большая часть населения вынуждена была по-прежнему экономить на всем, снизив свои социальные притязания [6].

Политическая обстановка в рассматриваемый период в республике, как и в целом по стране, характеризовалась началом трансформации прежней системы власти. С избранием в марте 2000 года Президентом Российской Федерации Владимира Путина был взят курс на построение «вертикали власти», сутью которой стало качественное изменение взаимоотношений между ключевыми игроками - федеральными органами власти, региональными администрациями, политическими партиями. К одному из ключевых направлений этого процесса можно отнести уменьшение властных ресурсов региональных элит за счёт отмены представительства глав регионов в Совете Федерации, корректировка модели партийной системы, отмены института выборности губернаторов и существенными изменениями в избирательном законодательстве.

Одним из основных векторов развития партийной системы России при Путине стала ориентация на формирование малопартийности, создание доминирующей партии, без чётко выраженной идеологии и явной принадлежности к левому или правому полюсу партийного спектра, формирование лояльного парламента и распространение влияния этой партии на российские регионы. Состоявшиеся в июне 2002 года выборы в Народный Хурал Бурятии стали последними для республики выборами, прошедшими по мажоритарной избирательной системе.

Президентские выборы, прошедшие в том же 2002 году завершились победой действующего на тот момент главы региона Леонида Потапова, полномочия которого усилились совмещением им поста председателя правительства. В то же время главу региона нельзя было назвать полностью самостоятельной фигурой во взаимоотношениях с федеральными институтами, т.к. во-первых, Бурятия является дотационным регионом, что не на руку руководству республики, во-вторых, отсутствие весомых механизмов влияния на федеральном уровне (запрет представительства губернаторов в Совете Федерации и превращение верхней палаты Федерального Собрания во всё больший декоративный институт), в-третьих, замена процедуры избрания глав регионов на процедуру назначение Президентом России окончательно «привязывала» руководителей субъектов к воле Кремля.

Особенности политической обстановки Республики Бурятия в начале 2000-х годов заключались в переходе к новой модели центрo-региональных отношений. Приспособление к ней региональных институтов власти происходило на фоне усиливающегося влияния федерального центра, где роль политических партий постепенно нивелировалась. Всё это в совокупности привело к уменьшению политического многообразия и унификации региональных систем власти [7].

Рассматривая сложившуюся криминогенную обстановку в Бурятии необходимо отметить, что в 1990-х годах системная ломка механизмов государственного управления, несовершенство нормативно-правовой базы проводимых реформ, катастрофическое снижение уровня доходов основной части населения обусловили значительную криминализацию общества. Преступность превратилась в крупнейшую социальную проблему, правоохранительные органы с трудом сохраняли контроль за оперативной обстановкой, работая на пределе своих возможностей. Серьезной проблемой стала организованная преступность. Активное развитие

частного предпринимательства при несовершенстве законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, повлекло появление фактов вымогательства (рэкета) денежных сумм у предпринимателей под угрозой физического насилия или уничтожения имущества. Большая латентность данного вида преступлений обусловила быстрое разрастание и обогащение разного рода преступных группировок, вскоре начавших борьбу между собой за передел сфер влияния и контроля над различными торговыми площадями. Участились факты коррупционных проявлений, сращивания государственных чиновников, крупного и среднего бизнеса с криминалитетом. Обозначилась глобальная проблема активного распространения наркомании, которая и по сей день является актуальнейшей для всего мирового сообщества. Пик криминальной активности населения пришелся на 1999 год, когда количество совершенных на территории Республики Бурятия преступлений достигло 31238 преступлений, превысившее аналогичный показатель 1990 года на 78 % [8].

В начале 2000-х годов криминогенная обстановка в республике значительно стабилизировалась. В 2000 году было совершено уже 31206 преступлений, а по итогам 2003 года данный показатель снизился до 22638 преступлений. В 2003 году вдвое уменьшилось количество совершенных тяжких и особо тяжких преступлений в сравнении с 2000 годом, на 30 % - количество совершенных краж чужого имущества и грабежей, на 42 % снизилась уличная преступность.

Были достигнуты определенные успехи по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, в сфере противодействия экономической преступности, увеличилось количество выявленных преступлений в органах власти и управления, агропромышленном и топливно-энергетическом комплексах, системе здравоохранения и промышленности. Нарастивались усилия по противодействию преступлениям и правонарушениям в сфере оборота алкогольной продукции и спирта. Так, по итогам 2003 года в ходе проведения мероприятий, направленных на борьбу с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, сотрудниками МВД Бурятии было выявлено более 3 тысяч 400 нарушений, по результатам которых возбуждено 85 уголовных дел, составлено 3 тыс. 327 протоколов об административных правонарушениях. Из незаконного оборота было изъято около 235 тысяч литров этилового спирта и около 80 тысяч литров алкогольной продукции. Улучшились результаты по выявлению и пресечению преступлений, совершенных организованной преступной группой или преступным сообществом, фактов контрабанды, взяточничества, легализации преступных доходов, криминальных банкротств и нарушений авторских прав.

Анализ субъектов преступлений, совершенных в Бурятии в 2000-2003 годах показывает, что количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, за рассматриваемый период снизилось почти вдвое (с 2754 до 1457). Также вдвое уменьшилось количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (с 5957 до 2999), группой лиц (с 4645 до 2296) [9].

Таким образом, в начале XXI века как в целом по стране, так и в Республике Бурятия произошла существенная стабилизация социально-экономической и криминогенной обстановки. Предпринятыми усилиями удалось остановить обозначившиеся в конце прошлого века наиболее опасные тенденции в экономической и политической сфере, наметилась положительная динамика роста производства, развития социальной сферы и улучшения уровня жизни населения. Была создана необходимая основа для дальнейшего развития экономики, преодоления демографического спада, укрепления государственности, модернизации вооруженных сил и правоохранительных органов, снижения уровня преступности. Но наиболее важным последствием рассматриваемого периода следует признать постепенное возвращение населению чувства самоуважения и гордости за свою страну, уверенности в завтрашнем дне и доверия к органам государственной власти.

Примечания

1. Социально-экономическое положение Республики Бурятия в 2001 году : сообщ. Госкомстата Респ. Бурятия // Бурятия. 2002. 7 февр.
2. См.: Боронова М. М. Социальные последствия рыночных реформ в Республике Бурятия в конце XX-начале XXI в. // Социально-экономическая трансформация Внутренней Азии (XVIII-XXI вв.). Улан-Удэ, 2012. С. 7.
3. См.: Там же. С. 6.
4. Социально-экономическое положение Республики Бурятия в 2003 году : сообщ. Госкомстата Респ. Бурятия // Бурятия. 2004. 12 февр.
5. См.: Там же.
6. См.: Боронова М. М. Указ. соч. С. 7.
7. Матхеев Л. А. Институциональные факторы трансформации партийно-политической системы Республики Бурятия за 200-2004 годы // Журн. науч. публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 3.
8. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 1990 г., за 1999 г.
9. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 2000 г., за 2003 г.

УДК 323(517.3)

Терентьев В.И.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИИ SOME SOURCES OF THE MODERN MONGOLIAN NATION

В статье рассматриваются некоторые источники выстраивания современной монгольской нации: кризис социалистической идеологии, возрождение образа Чингисхана и Монгольской империи XIII в., влияние США, представление о «китайской угрозе» и «Закон о монгольском языке».

The article is about a discussion on some of the sources of building a modern Mongolian nation: crisis of a socialist ideology, the revival of the Chinggis Khaan image and the Mongolian Empire at the 13th century, USA's influence to Mongolia, perception of «Chinese threat» as well as Law on Language.

Ключевые слова: Монголия, Китай, нация, национализм, постсоциализм, идеология, Чингисхан.

Keyword: Mongolia, China, nation, nationalism, postsocialism, ideology, Chinggis Khaan.

С распадом СССР и крушением социалистического лагеря Монголия, как и многие бывшие братские страны, перешла на рыночные механизмы и стала активно выстраивать демократическое государство. Как известно, главным мировым специалистом в вопросе создания демократии с нуля являются США, которые не упустили возможность и здесь продемонстрировать свои наставнические способности не только прямым путём, но и политикой мягкой силы – культурной экспансией, всё более и более набирающей обороты. Западные ценности в американском прочтении стали альтернативой социалистической идеологии. Новая культурная парадигма преподносится как «целительная и долгожданная свобода» от «ужасов социалистического прошлого».

Высказываниями политических лидеров США успешно подменяются цитаты классиков марксизма-ленинизма. Фраза бывшего американского президента Дж. Буша о торжестве демократии в Монголии размещена на стенде в заключительной экспозиции Национального музея в Улан-Баторе, его же определение Монголии как «бастиона демократии» часто цити-

руется в различных публикациях. Проводится активное внедрение западных ценностей и образа жизни в монгольское информационное пространство, насаждаются не только общегражданские ориентиры, но и религиозные: монгольско-американский телеканал «Eagle TV» с 1994 г. ведёт ежедневную пропаганду американской протестантской церкви [6, с. 25].

В современной Монголии чётко прослеживается имперско-демократический сценарий конструирования национальной идентичности, суть которого в неограниченном внедрении в общественно-политическую жизнь страны образа Чингисхана и в целом символов Монгольской империи XIII в. Теоретически данный путь должен исключать социалистическую идеологию. Одним из важных принципов формирования современной монгольской идеологии является постепенное изживание всего социалистического [12], но, как видно из практики, социалистическое и имперское, наслаиваясь, соседствует в социокультурном пространстве Монголии при постепенном, в соответствии с событийной логикой, нивелировании последнего первым.

В практиках реанимирования образа Чингисхана также имеется «западный след». Признание газетой «The Washington Post» (декабрь 1995 г.) и журналом «The Time» (2000 г.) Чингисхана «человеком тысячелетия» продемонстрировало схожие взгляды на историческую роль хана у западной общественности и в какой-то мере дало «зеленый свет» данному процессу.

Отказ от всего советского в качестве меры, способствующей, по мнению монгольских идеологов, сплочению нации нашёл отражение и в сфере кириллической письменности. Попытки повсеместного перехода на старомонгольскую письменность – это не только стремление «возродить великие образы сакральных сообществ прошлого..., придать современной нации историческую глубину» [1, с. 15], но и контрмера по отношению к проявлению социалистического в языковой сфере. Полный переход и перевод всего делопроизводства страны в 1990-е гг. на *монгол бичиг* был объективно невозможен по причине незнания письменности правящей элитой, имевшей за спиной преимущественно высшее образование, полученное в СССР, и отсутствия достаточного числа преподавателей данной дисциплины. Разговоры о необходимости возрождения старомонгольского письма продолжились в январе 2015 г., когда депутаты Великого Государственного Хурала предложили законопроект о переходе на данное письмо к 2025 г.

Уровень безграмотности среди населения, возродившиеся прения о необходимости отказа от кириллицы, отсутствие единых правил перевода иностранной терминологии привели к идее разработке «Закона о монгольском языке», который вступит в силу 1 июля 2015 г. Закон будет включать правила написания, регламент переводов терминологии, тестирование на знание языка госслужащими и журналистами, разрешение на обучение иностранному языку в государственных школах только с 5 класса и др. Закон будет требовать «уважать монголов, монгольский язык, монгольскую культуру» путём перевода всех иноязычных названия и адресов на государственный язык. Данный документ не ставит вопрос об обязательном и повсеместном переходе на старомонгольское письмо [2].

В прессе появились слухи, что проект депутата М. Батчимэг финансируется из Автономного района Внутренняя Монголия КНР, что можно воспринимать двояко: беспокойностью населения АРВМ КНР культурой своих собратьев либо очередным элементом китайской экспансии. Среди противников идеи возврата к старому письму слышны голоса тех, кто был в 1991 г. в составе комиссии, ставившей аналогичные задачи. Таковым является заслуженный деятель культуры Монголии, профессор С. Баясгалан, считающий, что подобный акт вовлечёт страну в тотальную безграмотность и в современных условиях целей у монгольского общества предостаточно: «Мы должны ломать голову над улучшением уровня жизни, а не как писать твёрдый или мягкий знак или менять алфавит?». В качестве доказательства, подтверждающего историческую правоту своих мыслей, С. Баясгалан приводит опыт Китая. В 1960-е гг. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай планировал переход страны на латиницу, но остерегаясь возможной раздробленности Китая по 3 основным диалектам, оставил этот про-

ект. Новый кириллический алфавит помог ликвидировать разницу между различными группами населения МНР, «сформировал новую нацию» [5].

Говоря об угрозе «китайской экспансии», рассмотрим её роль в формировании современной монгольской нации. Как известно, ничто так не сплачивает нацию, как наличие внешней угрозы или общего врага. В обыденном сознании монголов распространено представление об угрозе китайской экспансии. Этим обусловлена растущая ксенофобия по отношению к китайцам и, в меньшей степени, к некоторым другим иностранцам. Опасения вызывает не только перспектива размывания идентичности монголов, но и возможная потеря территории [9].

Наличие общего врага всегда обостряет чувство национальной идентичности и является одним из факторов, цементирующих гражданскую нацию. У людей, оказавшихся в столице, национальная консолидация по новому постсоциалистическому сценарию идёт более высокими темпами, чем в сельской местности, поскольку в Улан-Баторе люди попадают в непрерывный информационный поток и под воздействие средств, транслирующих основные принципы современной монгольской идеологии нациестроительства.

Обстоятельство китайской угрозы, по мнению Ф. Бийе, умело использовалось советскими идеологами, и было постоянной темой в эпоху социализма, оправдывая советское присутствие в Монголии. С этим можно согласиться лишь отчасти. Сегодня причины бедности, имеющей издержки системы здравоохранения, коррупции, как правило, часть монгольского общества видит в китайском влиянии. Очевидно, что так считает не всё население, для некоторых монголов Китай выступает как пространство, открытое для реализации своих возможностей и идей, которые трудно осуществить внутри своей родины [10, с. 8], особенно это актуально для монголов, имеющих опыт продолжительного проживания в развитых современных китайских городах [9, с. 54]. Также не стоит забывать, что Китай является ключевым источником розничных товаров на монгольском рынке, а множество семей Монголии занимается челночной торговлей.

По мнению монгольских авторов, китайцы хотят подчинить себе Монголию также через формы культуры и искусства [13]. Известно «культурное противостояние» между двумя странами и обществами в отношении этнической идентификации великих ханов Чингисхана и Хубилая. В январе 2015 г., узнав, что Правительство КНР планирует грандиозно отмечать 800-летие Хубилая, монгольская научная общественность во главе с президентом АН Монголии Б. Энхтувшином направила письмо Ц. Элбэгдоржу «Об обосновании празднования 800-летнего юбилея со дня рождения великого монгольского правителя Хубилай-хана» [8]. В этом же месяце СМИ ярко освещали «сенсационное открытие» на территории современной Монголии северного ответвления Великой китайской стены, сделанное британским исследователем У. Линдсеем. Монгольский археолог А. Энхтур высказался категорически против подобного предположения, предположив, что британский учёный принял знаменитый «вал Чингисхана» за часть стены [3]. Подобные китайские интервенции в пространство культурного наследия Монголии встречает ожесточённый отпор, словно это, действительно, нападки на «тело монгольской нации».

Слухи о предполагаемых попытках Китая завоевать Монголию обманном путем: через отравленные овощи, некачественную одежду (например, ведущие к мужскому бесплодию джинсы), увеличение в Монголии численности китайских мужчин с целью вступления в брак с монголками и рождения китайцев, продажи монгольских детей в Китай для последующей торговли их внутренних органов [9 ; 10, с. 3] являются примерами китайской паранойи в Монголии.

Страх потери территории страны и национальной независимости иллюстрируется знаменитым примером географической карты с изображением Монголии в составе Китая и въездом 500 тыс. китайских нелегалов, депортированных из России. Помимо уличных граффити, призывающих к расправе с китайцами, угроз в отношении женщин, состоящих в интимных связях с китайцами, одним из путей избегания китаизации стала борьба с «лингвистическим

засилием» путем замены вывесок на китайском и других азиатских языках на монгольязычные. Интересно, что западные и русский языки были проигнорированы [9, с. 38-39 ; 11, с. 241-242]. Таким способом родному монгольскому языку должен отдаваться приоритет, а английский считается языком не какой-то отдельной страны или культурно-исторической общности, но языком международного, глобального общения, заменив собой русский – язык «советского мира».

Современной монгольской молодёжью английский язык ассоциируется «с представлениями о богатстве, успехе и современности» [11, с. 245], в этом своем выводе французский антрополог отталкивается от факта использования латиницы в смс-сообщениях и интернет-переписке. Собственно, весь софт компьютеров, эксплуатируемых в Монголии, установлен на английском языке. Когда люди начинают использовать монгольязычный софт, то, по их собственным выражениям, они «не понимают перевода».

Рациональная действительность в отношении роли южного соседа в экономике Монголии демонстрирует иную точку зрения. Без активных инвестиций Китая в экономику Монголии (ок. 45% в 2012 г.) и последующей скупки КНР основного количества монгольского сырья (ок. 80%) добывающий бум в степи и соответствующий временный экономический рост были бы невозможны [4, с. 182].

Результаты американизации, насаждения западных ценностей среди монгольской молодёжи хорошо проанализированы Х. Цэдэвом. По мнению автора, прямым результатом влияния западной цивилизации стала трансформация традиционных базисных ценностей монголов, как то: «религиозность, скромность, стремление к стабильности, единение с природой, традиционализм, коллективизм, уважение родовых корней» [7, с. 16-17].

Рассмотренные тезисно некоторые источники формирования современной монгольской нации требуют дополнительной аргументации и дальнейшего углубленного анализа.

Примечания

1. Батжаргал З. К национально-культурной идентичности Монголии // *Acta Mongolica*. 2013. Vol. 14 (400). С. 12-16.
2. Батчимэг М. Этот закон защищает монгольский язык // *Монголия сегодня*. 2015. № 7 (660).
3. Гандол С. Невозможно считать, что Великая китайская стена продолжается по территории Гоби в Монголии // *Монголия сегодня*. 2015. 25 янв.
4. Михалёв А. В. Повседневность экономического национализма, или кому принадлежит золото Монголии? // *Журн. социологии и соц. антропологии*. 2014. Т. 17, № 5 (76) : Социология и антропология собственности в постсоциалистических обществах. С. 177-191.
5. Пагма Н. С. Баясгалан: «Благодаря кириллице мы многого добились» // *Монголия сегодня*. 2015. 8 марта. № 10 (663).
6. Терентьев В. И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 5. С. 20-26.
7. Цэдэв Н. Х. К вопросу о базисных ценностях монгольской молодёжи // Н. Х. Цэдэв. *Ценности и культурные константы народов Западной Монголии (Евразийские этюды)* : сб. науч. ст. Улан-Батор, 2009. С. 15-17.
8. Энхтувшин Б. Хубилай-хан оставил неизгладимый след в истории не только Монголии, но и всего мира // *Монголия сегодня*. 2015. 18 янв. № 3 (656).
9. Bille F. Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia // *Cambridge Anthropology*. 2008. Vol. 28, no. 1. P. 34-60.
10. Bille F. Indirect interpellations: hate speech and «bad subjects» in Mongolia // *Asian Anthropology*. 2013. Vol. 12, no. 1. P. 3-19.
11. Bille F. Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia // *Inner Asia*. 2010. № 12(2). P. 231-252.

12. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // *Ab Imperio*. 2005. № 4. P. 147-173.

13. Tsetsentsolmon B. The 'gong beat' against the 'uncultured': contested notions of culture and civilization in Mongolia // *Asian Ethnicity*. 2014. Vol. 15, № 4. P. 422-438.

УДК 343.43(094.5):343.294

Фартусов Д.Б.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА РФ «О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ» НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
IMPLEMENTATION OF THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION «ON THE REHABILITATION OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION» ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

В статье автор рассматривает нормативно-правовые основы процесса реабилитации граждан СССР, пострадавших от политических репрессий в 1930-годы. Особое внимание уделено вопросам, связанным с материальной стороной компенсаций и возмещения ущерба, причинённого жертвам политического террора. Также автор анализирует проблему официального признания людей, пострадавших от гонений по политическим причинам, жертвами политических репрессий. Исследователь обращает внимание на тот факт, что значительная часть людей, реально пострадавшая от притеснений по политическим мотивам, не имеет юридического статуса – «жертва политического террора». В статье на примере Республики Бурятия рассматривается правоприменительная практика Закона о реабилитации. В ходе рассмотрения данной проблемы были выявлены противоречия и недостатки не только региональных законов, касающихся процесса реабилитации, но и федерального закона, который и был положен в основу всех остальных подзаконных актов.

In article the author considers the legal framework for the process of rehabilitation of Soviet citizens, victims of political repression in the 1930's. The special attention is paid to issues connected with a material aspect of compensation and damages caused to the victims of political terror. The author also analyzes the problem of official recognition people, who suffered from persecution for political reasons, victims of political repressions. The researcher points out the fact that a significant proportion of people really suffered from persecution for political reasons, has no legal status – «a victim of political terror». In the article on the example of the Republic of Buryatia law enforcement practice of the Rehabilitation Act is considered. In considering this issue have been identified contradictions and weaknesses not only of regional laws concerning the rehabilitation process, but also Federal law that was the basis of all other regulations.

Ключевые слова: реабилитация, репрессии, закон, нормативно-правовая основа, компенсация, выплата, возмещение, государственная поддержка, Бурятия.

Keywords: rehabilitation, repression, law, legal framework, compensation, payment, compensation, state support, Buryatia.

Проблемы реабилитации жертв политического террора в России имеют много проблем и противоречий. Мы рассмотрим три стороны реализации нормативно правовых актов, принятых благодаря федеральному Закону о реабилитации. Первая проблема касается ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий. Вторая проблема затрагивает вопрос критериев для признания того или иного человека жертвой политического террора. Третий аспект связан с правоприменительной практикой нормативно правовой базы, дающей право на возмещение в денежной форме, утраченного в ходе политического террора, жилья или возвращения его, если домовладение сохранилось до наших дней.

Крупномасштабная реабилитация жертв политического террора началась с принятия 18 октября 1991 г. закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических ре-

прессий», на основании которого в настоящее время продолжается возвращение честного имени сотням тысяч невинно пострадавшим. Этот законодательный акт был призван восстановить справедливость в отношении тех, кто был подвергнут политическим репрессиям на территории России с 1917 года.

Первый аспект, рассматриваемый в данной работе, касается ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий. Сама материальная компенсация стала возможна только с внесением поправок в Закон о реабилитации 23 июля 1993 году. Согласно внесённым изменениям впервые предусматривалась ограниченная, но посильная для государства компенсация пострадавшим от политических репрессий гражданам, материального ущерба и возможность возврата ранее конфискованного, но сохранившегося имущества. Однако реально воспользоваться этим правом реабилитированные граждане смогли только после принятия 12 августа 1994 г. Положения «О порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации».

В Бурятии порядок оказания помощи жертвам политических репрессий прописан в Законе РБ от 17.12.2004 г. «Об отдельных полномочиях органов государственной власти РБ» [7]. Согласно этому закону предоставляются следующие меры социальной поддержки: ежемесячная денежная выплата реабилитированным лицам – 788 рублей и лицам признанным пострадавшими от политических репрессий 630 (обе суммы не индексируются с 2008 г.). Так же предоставляется целый перечень других мер поддержки, связанных с предоставлением льгот, субсидий, частичной или полной компенсаций некоторых услуг.

Для сравнения в Иркутской области ежемесячные денежные выплаты реабилитированным лицам на 1 января 2014 г. составляют 366 рублей [5], а в Забайкальском крае – 688 рублей [6]. Таким образом, в Бурятии денежные выплаты более чем в два раза выше выплат Иркутской области и превышают выплаты Забайкальского края. Тем не менее, рассмотренные выше суммы, являются незначительной платой за принесённые многолетние страдания, унижения, притеснения, а часто и смерть родных и близких.

Вторая проблема, затрагиваемая в статье, касается вопроса критериев для признания того или иного человека жертвой политического террора. За время, прошедшее с момента принятия Закона о реабилитации, абсолютное большинство граждан, осужденных в 1930-50-х годах по политическим статьям, реабилитированы. Не востребованными остались лишь уголовные дела на репрессированных граждан, которых в настоящее время уже нет в живых и у которых не осталось близких родственников [4].

Вместе с тем, не уменьшается число обращений, связанных с реабилитацией в связи с применением внесудебных видов политических репрессий. Прежде всего – это массовое раскулачивание хозяйств в 1930-1932 годы [1]. Такого рода репрессиям подвергались целые семьи, и даже целые населенные пункты. В результате пострадало значительно большее число людей, по сравнению с числом граждан, осужденных по политическим статьям.

К сожалению, в Законе о реабилитации и Положении виды внесудебных политических репрессий не были четко оговорены, что дало основание органам МВД РФ, занимающимся процессом реабилитации, прибегать к ряду ограничений. Так, во многих случаях граждане получают отказы в реабилитации по фактам раскулачивания целой семьи, если при этом не применялась ссылка или высылка. А если и принимается решение о реабилитации по данным основаниям, то оно касается, прежде всего, главы хозяйства.

Особую трудность вызывают дела о реабилитации в связи с применением политической репрессии, связанной с неуплатой «сельхозналога» либо «индивидуального» налога. В этих случаях, органы, осуществляющие процедуру реабилитации, отказывают безоговорочно.

Таким образом, можно сделать вывод, что под действие Закона о реабилитации не попадает значительная масса людей, подвергнутых преследованиям по «экономическим» статьям. Данные статьи запрещали фундаментальное право на частную собственность и совершение элементарных денежно меновых операций, без этих простейших прав человеческое об-

щество, на данном этапе развития, не может существовать. А так как многие статьи такого характера принимались и жестко реализовывались под влиянием коммунистической идеологии то, так называемые экономические статьи являются, по своей сути, политическими.

Третья проблема, рассматриваемая в данной работе, связана с правоприменительной практикой нормативно-правовой базы дающей право на возмещение в денежной форме, утраченного в ходе политического террора, жилья или возвращения его, если домовладение сохранилось до наших дней. Стремление авторов Закона о реабилитации уменьшить бремя выплат, выразилось в явно не справедливом ограничении оценки конфискованных ценностей при начислении компенсации реабилитированным. Согласно Положению изъятые денежные суммы подлежат возврату на условиях, установленных при проведении денежной реформы 1947, и с учетом изменения масштабов цен на 1 января 1961 года. Таким образом, при перерасчете, номинал изъятых денежных средств должен быть уменьшен в 100 раз. Установленная методика расчета конфискованных денежных сумм, ставит комиссии по реабилитации в неловкое положение: реабилитированному лицу или его наследнику, вместо изъятой при продаже домовладения в 30-е годы суммы в 3 тысячи рублей предлагается в качестве компенсации (по ценам 2013 года) менее 300 рублей. Подобное не соразмерное занижение нарицательной стоимости применяется и к облигациям государственных займов, вкладам, аккредитивам и иным ценным бумагам. Однако и этот расчет произвести невозможно, так как Положение применяет совершенно не реальное условие подтверждения банковскими документами которые хранятся банками в течении 10-15 лет.

Чрезвычайно актуальной и трудноразрешимой на практике проблемой является процедура возврата реабилитированным гражданам конфискованных у них домовладений.

При возврате домовладения местная администрация правомочна принимать решения по поводу имущества, находящегося на ее балансе, либо признанного бесхозным. В подобных случаях вопрос о возврате строений чаще всего удается решить быстро и без особых трудностей. Однако если речь идет о передаче имущества, находящегося в собственности третьих лиц, возникают серьезные трудности. В соответствии с Конституцией России, а также нормами Гражданского Кодекса РФ, изъятие имущества у добросовестного приобретателя должно производиться в судебном порядке.

В этой связи, применение внесудебного порядка возможно лишь в случае добровольного согласия нового собственника. На практике такое стечение обстоятельств маловероятно. В Бурятии согласно постановлению правительства РБ от 02.02.2004 реабилитированные становятся на очередь в Минсоцзащиты РБ на получение жилищной субсидии по утрате жилья в годы репрессий, которая на сегодня составляет 577,9 тысяч рублей [7]. Для того, чтобы получить эту денежную компенсацию, пострадавший должен представить документы или свидетельские показания, о том, что он лишился жилья именно в связи с арестом. Так же реабилитированный, получив субсидию, обязан потратить её на приобретение жилья именно в том населённом пункте, где он его лишился, что рождает ряд трудностей. В Бурятии, в отличие от других регионов РФ, реабилитированный, получивший данную субсидию, не обязан проживать в приобретённом жилье.

Следует отметить, что в Положении никак не отражены вопросы возврата жилых помещений, купленных или приватизированных новыми собственниками – физическими лицами. Между тем, в половине случаев спорные домовладения были куплены, либо приватизированы гражданами. И так как порядок возврата в таких случаях нормативно не урегулирован, передача имущества практически не осуществима.

Нередко при рассмотрении исков о возврате конфискованных домовладений исследуется вопрос о нуждаемости истца – реабилитированного гражданина – в жилье. Если суд признает, что истец не нуждается в жилье, то следует отказ в возврате спорного домовладения. Между тем, возврат конфискованного имущества не может быть связан с вопросом нуждаемости в жилье, так как предполагает исключительно как восстановление имущественных прав, а не улучшение жилищных условий жертвы политической репрессии [4]. В этой связи государство видит операцию по возврату конфискованного имущества не как законную процедуру, а как «милость», которую можно оказать, а можно и нет.

Таким образом, в конечном счете, люди предпочитают не тратить безрезультатно силы и время, и удовлетворяются явно несоразмерной денежной компенсацией за незаконное изъятое имущество.

По прошествии нескольких лет действия Закона о реабилитации выявились некоторые его противоречия и недостатки. Несовершенным оказался установленный порядок реабилитации и выплаты компенсаций. Крайне затрудненным является и процесс возврата жертвам репрессий изъятых у них и сохранившихся до наших дней строений. Создана парадоксальная ситуация: обязанность по возмещению людям вреда причиненного «Партией и Правительством» СССР возложена на власти регионов.

Региональные законы о поддержке реабилитированных и лиц, признанных пострадавшими, принимаются на основе Федерального Закона о реабилитации и не могут противоречить ему. Таким образом, можно сделать вывод, что этот закон написан с целью соблюдения формальных признаков правового государства, а не для реальной помощи пострадавшим от гонений по политическим мотивам. В Законе о реабилитации и Положении сделано все, чтобы как можно более затруднить и усложнить получение компенсации жертвами политических репрессий. А это в свою очередь приводит к ещё одному негативному явлению: увеличивает и без того находящееся на высоком уровне нигилистическое отношение к праву у россиян.

Примечания

1. Васильева С. В. Харбин в истории старообрядчества Забайкалья // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. История. Улан-Удэ, 2009. Вып. 7. С. 126-130.

2. Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий об исполнении Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006-2008 годах. М., 2009. 53 с.

3. О ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»: доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. М., 2000. 40 с.

4. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ) : автореф. дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. 55 с.

5. О внесении изменений в постановление Правительства Иркутской области от 26 ноября 2012 года № 667-пп [Электронный ресурс] : постановление Правительства Иркут. обл. от 9 авг. 2013 г. № 298-пп. URL: <http://irkobl.ru/sites/society/socpodderghka/region/?print=y> (дата обращения: 05.03.2015).

6. Социальная поддержка отдельных категорий граждан [Электронный ресурс]. URL: http://xn--h1aheeo5a.xn--80aaaac8algcbgbck3f10q.xn--p1ai/meru_socialnoy_podderki/socialnaya_podderka_otdelnyh_kategoriy_grajdan.html (дата обращения: 05.03.2015).

7. Шабаква А. С. Права и компенсации для пострадавших от политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: http://www.burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6467 (дата обращения: 01.02.2015).

УДК 379.8(091)(571.54)

Цыдендоржиева Э.Д.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОЛОДЕЖИ БУРЯТИИ В СЕРЕДИНЕ 1980-Х-2000-Х ГГ.

ACTIVITIES OF CULTURAL AND RECREATIONAL FACILITIES IN BURYATIA YOUTH MID-1980S-2000S

В статье автор рассматривает деятельность учреждений культуры для молодежи Бурятии в середине 1980-х-2000-х гг., которые были разделены по 4 направлениям – патриотическое, здоровый образ жизни, экологическое, развлекательное.

In the article the author examines the facilities of culture for the youth of Buryatia in the mid-1980s-2000s, which were divided in 4 directions - patriotic, healthy lifestyle, environmental, entertainment.

Ключевые слова: культурно-досуговые учреждения, молодежь, патриотическое направление, здоровый образ жизни, экологическое направление, развлекательное направление.

Keywords: cultural and recreational facilities, youth, patriotic direction, healthy lifestyle, environmental direction, entertainment direction.

В среде культурно-досуговых учреждений Бурятии особое место занимают учреждения культуры для молодежи, ведущие активную работу в области предоставления услуг и развития творческого, научного потенциала для данной категории населения.

В 1985-1991 гг. как и во весь советский период, культурно-досуговым учреждением для молодежи в Республике Бурятия являлась комсомольская организация. Она занималась не только пропагандой советского образа жизни, но и регулировала досуг молодежи, начиная с создания клубов по интересам и заканчивая проведением различных культурно-массовых мероприятий в области воспитания патриотизма, экологии, здорового образа жизни и т.д.

Например, школьники при непосредственном руководстве комсомола принимали участие в культурно-спортивных мероприятиях «Белая ладья», «Плетеный мяч», соревнованиях по вольной борьбе, самбо и др. Спортивные организации ДОСААФ совместно с военными комиссариатами проводили республиканские зимние и летние спартакиады, соревнования по сдаче норм ГТО, военно-патриотические игры «Орленок» и «Зарница». Комсомол активно вел борьбу против алкоголизации, наркомании и нарушения трудовой дисциплины [1, с. 566, 572-573, 586, 588].

В области воспитания патриотизма комсомольские организации прилагали множество усилий. Например, за 1985 год было разработано 15 лекций на тему «Возрастание роли контрпропаганды в условиях обострившейся идеологической борьбы», «Идеологическая победа советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) и т.д.

В районах республики возникают музеи, основанные при школе или непосредственно при муниципалитете. Например, в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) проводились всевозможные акции с участием школьников: «Орден в твоём доме», «Ветеран живет рядом» и т.д. В юбилейный год в каждой школе проходили уроки мужества, встреча с ветеранами. В 1987 г. в Мухоршибирском районе была организована всесоюзная патриотическая акция «Революционный держите шаг!», выражением которой стала передача эстафеты памятного вымпела с землей Марсова поля г. Ленинграда лучшим комсомольским организациям колхозов и совхозов, школ и предприятий района [1, с. 564, 569, 579].

При помощи комсомольских организаций с середины 1980-х гг. до 1991 года создавались всевозможные клубы по интересам. Например, в январе 1987 г. в г. Закаменск формируется детский клуб «Дзержинец», который направлен на развитие таких видов спорта как вольная борьба, настольный теннис, кружки для кино- и фотолюбителей. В 1988 г. открылся клуб «Картингист», в сентябре 1986 г. создан клуб «Юный десантник» и т.д. [1, с. 585-587]. В 1987 г. возник молодежный центр при Улан-Удэнском ГК ВЛКСМ, в который вошли неформальные объединения молодежи – рок-клубы «Амальгама», «Город», «Сталкер», объединения художников «Экорше» и др. [1, с. 591].

С 1985-1991 гг. решением бюро обкома ВЛКСМ формируются различные объединения и хозрасчетные центры, которые явились выражением эпохи перестройки и гласности, как форма общественной деятельности молодежи, основанной на развитии творческих интересов, реализации молодежных инициатив. В этот период возникли такие организации как «Фонд молодежных инициатив», хозрасчет при ВЛКСМ БГПИ им. Д. Банзарова, «Центр реализации идей», «Ассоциация молодых историков», хозрасчет «Авиасервис» при комитете ВЛКСМ Улан-Удэнского авиапредприятия, «Лабиринт» при Бурятском обкоме ВЛКСМ и т.д. [1, с. 604, 618, 622-623, 625-627].

Распад Советского Союза в 1991 году и последовавшие за ним, социально-экономические и политические последствия оказали свое влияние на культурно-досуговые учреждения

для молодежи. Комсомол потерял свое былое могущество и на его месте стали формироваться новые молодежные организации.

Первые такие организации начали возникать в конце 1980-начале 1990-х гг. и занимались они проблемами экологии. Это такие организации как республиканская общественная организация клуб «Фирн», молодежный экологический клуб «Экос-Восток», республиканское молодежное движение «Ралей» и другие.

За годы своей деятельности данные организации разработали и осуществили много экологических проектов по защите окружающей среды на территории Бурятии. Клуб «Фирн» организовал такие значимые проекты как «Развитие добровольческого движения в Республике Бурятия», «Вовлечение молодежи в устойчивое развитие и сохранение наследия Баргузинской долины Байкальского региона», «В фокусе байкальская нерпа», посвященный уникальному эндемику озера Байкал [2].

Молодежный экологический клуб (МЭК) – «Экос-Восток» в декабре 1992 года принял активное участие в первом региональном экологическом семинаре «Природа и мы». Летом 1993 года организация совместно с экологическим клубом Новосибирского государственного университета провела научную экспедицию по созданию природного заказника на территории Алтая. В октябре этого же года клуб организовал телемарафон «Байкал. Культура. Человек», экологический КВН [3, с. 52-55].

В 1993 году в Бурятии образовалась новая организация - Республиканское молодежное движение «Ралей». Она была сформирована на основе представительства международной некоммерческой организации RALEIGHINTERNATIONAL в Республике Бурятия. В 1993-1994 годах были проведены первые экспедиции в России. Местом проведения был избран регион озера Байкал – Республика Бурятия и Иркутская область. В экспедициях приняли участие интернациональные волонтеры из Великобритании, Японии, Сингапура, ЮАР, Австралии, США, Франции, Монголии и других стран. Всего около 120 человек, среди которых числилось 50 российских участников.

С 1993 года в Бурятии развиваются патриотическое направление, движение за здоровый образ жизни и др. Например, в 1993 году в городе Гусиноозерск, а затем и в Улан-Удэ была создана спортивная школа каратэ и рукопашного боя «Школа Романова». Впервые она начала функционировать в г. Иркутск в 1982 году, а юридический статус как Спортивное Молодежное Объединение (СМО) получила в 1986 году.

За время своей деятельности школа обучила рукопашному бою большое количество молодежи и стала известной в республике. СМО активно осуществляла культурно-массовые, спортивные мероприятия. Например, это ежегодные зимние «Снежные сражения» на реке Уда, посвященные Дню защитника Отечества, показательные выступления на праздновании Дня Победы, Дня шахтера, Сурхарбана, Гэсэриаде и многих других.

МСО «Школа Романова» разработала свою программу по созданию школы дворовых инструкторов, которая ориентировалась на занятость молодого поколения в свободное время, которую поддержал Госкомитет по делам молодежи [3, с. 80-84].

В 1999 году на базе дома детско-юношеского творчества («ДДЮТ») «Рассвет» поселка Загорск появилась одна из наиболее известных молодежных организаций города Улан-Удэ и всей республики – «Акуна Матата». Главным направлением клуба является профилактика асоциального поведения, ВИЧ/СПИДа и наркомании среди молодежи. Основной состав организации - школьники, студенты, молодые рабочие авиазавода, молодежь с трудным социальным положением.

Члены «Акуна Матата» совместно с другими молодежными, правительственными и некоммерческими организациями проводили разнообразные акции по просвещению молодого поколения. За годы работы организация сформировала программу «В XXI век - без наркотиков и СПИДа», целью которой являлось помочь молодежи сформировать своё отношение к проблеме употребления наркотиков, просветить о мерах профилактики и о последствиях неверно принятых решений. Также были организованы тематические дискотеки в парке им. Д.Ж. Жанаева в поселке Загорск: «Анти – СПИД», «XXI век - без наркотиков», «Жизнь без табака» и другие.

С 2004 года МОО «Акуна Матата» занимается внедрением общественно-активных школ - это технологии демократизации школы, социального партнёрства, развития добровольчества. За это время было реализовано несколько проектов: по гранту Фонда «Евразия» «Общественно-активные школы - за здоровый образ жизни», по гранту Фонда «Новая Евразия» «Содружество общественно - активных школ для развития общества», по гранту Общественной палаты РФ «Развитие добровольческого движения в образовательных учреждениях Республики Бурятия», по гранту администрации города «Фестиваль общественно-активных школ». В 2007 году движение передало свою технологию по социальной адаптации трудных подростков общественным организациям Красноярска и Ангарска, которые приезжали и обучались в г. Улан-Удэ. Данный проект - «Добровольческие инициативы в социальной адаптации трудных подростков» поддержал Межрегиональный Общественный Фонд «Сибирский Центр Поддержки Общественных Инициатив» (МОФ СЦПОИ) [4].

С 2000-х годов в Бурятии стали образовываться районные молодежные организации (РМО). Одной из первых в республике сложилась «Молодежь Еравны», которую поддержало муниципальное образование «Еравнинский район». Целью движения являлось сплочение молодежи района посредством участия в учебной, спортивной, культурной и иных видах деятельности. Данная организация защищает права и интересы молодежи, проживающей в г. Улан-Удэ и работающей в муниципальных органах власти, на предприятиях и в общественных организациях. РМО ведет пропаганду здорового образа жизни, организует культурно-массовые мероприятия и летний отдых, проводит встречи молодежи Еравнинского района [5].

В 2000-2005 годах организация провела мероприятия по сплочению молодежи Еравнинского района: open-air «Дэн Зон», спортивные универсиады, были организованы экологические маршруты, молодежь участвовала в строительстве Эгитуйского дацана, в литературном празднике «Поэтический сад камней», посвященном национальному бурятскому поэту Намжилу Нимбуеву.

В 2000-х годах в Бурятии началось массовое образование и других районных молодежных организаций, таких как «Молодежь Тунки», «Молодежь Баргузина», «Молодежь Закамны» и др. В 2006 году они объединились в «Ассоциацию Молодежных Объединений» (АМО). Впоследствии название организации сменилось на «Ассоциацию Молодежи» (АМ). В 2010 году она получила юридический статус, что дало ей возможность вести разработки в грантовой деятельности.

За время своей 10-летней работы «Ассоциация Молодежи» реализовала такие мероприятия: акции и флешмобы - «Молодежь против мусора», «Молодежь за донорство», которые проходили на Верхней Березовке на берегу реки Уда; ежегодные фестивали «Энергия Движений», «Будущее за нами!». АМО создала «Школу актива», где социально активные молодые люди посещают тренинги и семинары, на которых выявляются их лидерские, духовно-нравственные качества [6].

В Бурятии также существуют молодежные организации религиозного толка. На территории республики действует молодежный клуб «Одигитрия» при Улан-Удэнской и Бурятской епархии. Руководитель – иерей Николай Николаевич Корниенко, который является председателем отдела по работе с молодежью. Организация проводит мероприятия по пропаганде православной церкви, проводит различные акции и занятия по возрождению православных традиций для молодежи. Например, образовательный проект «Английский для молодежи». Курс позволяет получить практику разговорной речи на церковную тематику, а также улучшить знание иностранного языка [7].

На современном этапе продолжают работать дома культуры. Например, в столице Бурятии это «Городской культурный центр», где занимаются танцами, вокалом и гимнастикой, а также работает студия фаер-шоу «FireFree'X»; ДК «Железнодорожник», КДЦ «Рассвет», занимающиеся танцевальным, вокальным, бальным и фольклорным хобби; в ДК «Авиатор» располагаются студия бурятской песни, театральная студия, кружок рукоделия «Голубка»; Городской Дворец детского и юношеского творчества (ГДДЮТ), в котором расположена группа дошкольного развития, школа самбо и дзюдо и т.д. [8]. Но помимо традиционных видов про-

ведения досуга, таких как посещение кинотеатра, различных секций и клубов (танцы, спорт, фитнес-центры), ночных клубов у молодежи г. Улан-Удэ особой популярностью пользуются антикафе. Формат «антикафе» - это заведения, где молодые люди платят не за пищу, а за время проведенное здесь. Они могут смотреть фильмы, читать книги, играть в различные игры (монополия, крокодил, компьютерные игры, мафия и т.д.), устраивать всевозможные тренинги и мастер-классы и др. В столице Республики Бурятия существуют 5 антикафе: «It'stime», «Улица сов», «5 rooms», «Джем» и «Timeout» [9].

Таким образом, начиная с перестройки 1985-1991 гг. и продолжая 2000-ми годами, в деятельности культурно-досуговых учреждений Бурятии для молодежи разрабатываются различные направления: патриотическое, экологическое, спортивное (здоровый образ жизни), развлекательное.

В период перестройки и гласности (1985-1991 гг.) таким единым органом являлся комсомол, обеспечивающий молодежь культурно-досуговыми мероприятиями. Но после развала СССР и ослабления ВЛКСМ в 1990-х гг. у молодежи не осталось организации в виде учреждения культуры и досуга, на которую можно было бы опереться. На ее месте начали формироваться новые независимые друг от друга организации, которые впоследствии заняли свои ниши в различных направлениях.

На современном этапе молодежные организации Бурятии активно участвуют в воспитании молодежи, осуществляя разнообразные проекты по развитию экологии, здорового образа жизни, патриотического воспитания, духовных и нравственных ценностей. Но при этом пока не сформировалось единой объединяющей молодежной организации по воспитанию молодых людей, которая соединяла бы в себе все данные направления как комсомол.

Примечания

1. История комсомола Бурятии : док., факты, имена. 1920-1991 гг. Кн. 2. 1946-1991 гг. Улан-Удэ : ГКРБ МГФКиС, 2004. 696 с.
2. Клуб «Фирн» [Электронный ресурс]. URL: <http://firnclub.ru> (дата обращения: 2.04.2015).
3. Бадмаев А. З. Молодежное движение Бурятии (1985-2005 гг.). Улан-Удэ, 2006.
4. Региональная молодёжная общественная организация «Акуна Матата». URL: <http://super-akuna-matata.narod.ru> (дата обращения: 05.04.2015).
5. Устав «Молодежь Еравны». Сосновоозерск, 2003.
6. Баторова Э. «Молодежь за донорство!» // Бурятия. 2008. № 232. С. 8 ; Спортивный фестиваль «Энергия Движений: За дружбу народов!» собрал 380 представителей молодежных НКО. URL: <http://asibur.ru/?p=1085> (дата обращения: 09.04.2015) ; РОО «Ассоциация Молодежи». URL: <http://vk.com/amo636266> (дата обращения: 09.04.2015); Хазагаева Э. АМО: секрет успеха // Правда Бурятии. 2009. № 36.
7. Православный молодежный клуб «Одигитрия» URL: <http://www.uud-eparh.ru> (дата обращения: 10.04.2015) ; Православная Бурятия. 2010. № 6. С. 8 ; Православный молодежный клуб «Одигитрия». URL: <http://www.uud-eparh.ru> (дата обращения: 10.04.2015).
8. Динара С. Пять культурных мест доцифровой эпохи // Выбериай. Улан-Удэ, 2015. 15-31 марта. С. 34.
9. Антикафе «It'stime». URL: <https://vk.com/anticafe03> (дата обращения: 10.04.2015) ; Антикафе «Улица сов». URL: <https://vk.com/owlsst> (дата обращения: 10.04.2015) ; Антикафе «Джем». URL: <https://vk.com/anticafejam> (дата обращения: 10.04.2015) ; Антикафе «5 Rooms». URL: <https://vk.com/anticafe5rooms> (дата обращения: 10.04.2015) ; АнтиКафе «TimeOut». URL: <https://vk.com/club86762485> (дата обращения: 10.04.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аvlova Татьяна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент филологического факультета ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»; E-mail: t.avlova@spbu.ru

Амгаланова Мария Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО ВСГАКИ; E-mail: amgalanova@rambler.ru

Антонов Владимир Иосифович – доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и архивного дела ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»; E-mail: wlanto@rambler.ru

Бабакова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры общей экономической теории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Балханов Владимир Юрьевич – аспирант кафедры истории и культуры Бурятии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Боронова Маргарита Максимовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры Бурятии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»; E-mail: mboronova@yandex.ru

Доржиев Бадма Шаркуевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Езова Светлана Андреевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВПО ВСГАКИ; E-mail: svetlana.ezova@yandex.ru

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: zhambalovas@yandex.ru

Зайцева Любовь Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»

Зомонов Михаил Дармаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Зориктуев Булат Раднаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Кондратьева Виолетта Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (г. Иркутск); E-mail: Kuzminuv@yandex.ru

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; E-mail: kuraslv@yandex.ru

Ломакина Ирина Борисовна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и государства ФГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»

Нимаева Ирина Бальжинимаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Одорова Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Пшеничникова Раиса Ивановна – профессор, ректор ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, академик МАН ВШ и МАИ

Сангадиева Эржэн Гэндэновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств и литературы ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Степанова Светлана Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории музыки и общего фортепиано, директор института музыки ФГБОУ ВПО ВСГАКИ; E-mail: markgraff-s@mail.ru

Терентьев Владислав Игоревич – аспирант ФГБОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет»; E-mail: vlad33@bk.ru

Фартусов Дмитрий Борисович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»; E-mail: d.fartusov@mail.ru

Хилханов Доржи Львович – доктор социологических наук, профессор ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Цыдендоржиева Эржена Данзановна – аспирант кафедры истории ФГБОУ ВПО ВСГАКИ

Чебунин Александр Васильевич – доктор философских наук, доцент философского факультета Нанкинского университета (КНР, г. Нанкин); E-mail: chebunin1@mail.ru